

Валерий Перевозчиков

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ВЫСОЦКИЙ

Валерий Перевозчиков

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ВЫСОЦКИЙ

МОСКВА ВАГРИУС 2005

УДК 882-94
ББК 84Р7
П26

Моим дорогим помощникам — Лене и Кириллу

Издательство выражает благодарность Алексею Денисову
за помощь в подготовке книги

В оформлении переплета использована работа
фотохудожника Олега Васина

В книге использованы фотографии А.Гращенкова, И.Данилова,
Г.Дроздецкой, В.Емеца, М.Колесникова, А.Липенко,
Л.Мончинского, В.Мурашко, А.Саблина, В.Савича,
Г.Сирагетдинова, В.Тростникова, А.Шпинёва;
из архивов объединения «Ракурс», О.Васина, А.Денисова,
И.Лапшиной, Н. и М.Кане

Журналист Валерий Перевозчиков известен своими книгами
о Владимире Высоцком — «Живая жизнь», «Правда смертного
часа», «Посмертная судьба». В книге «Неизвестный Высоцкий»
собраны материалы, которые помогут читателям узнать новые
подробности биографии замечательного поэта и актера. Книга
построена в основном на беседах с родными, друзьями, соседями,
знакомыми В.Высоцкого, где затрагиваются «болевые точки» его
судьбы.

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 5-9697-0014-2

© В.Перевозчиков, автор, 2005
© С.Воронина, оформление, 2005

ВСТУПЛЕНИЕ

«Высоцкий, безусловно, останется...» — сказал в 1995 году философ Ю.Карякин. И Высоцкий остался: ему было что предъявить вечности...

Его стихи и песни издаются и переиздаются, увидели свет два полных собрания сочинений Высоцкого. В огромном количестве появляются новые издания аудиокассет и дисков с записями песен и концертов В.В., а в 2003-м вышло уникальное собрание видеозаписей — трехсерийный фильм «Мне есть что спеть...» (ТО «Ракурс», режиссер А.Колановский). Высоцкий — самый цитируемый русский поэт конца XX — начала XXI века. А авторская песня теперь неотъемлемая часть национальной культуры.

Растет интерес и к биографии Высоцкого. Ибо биография сочинителя, по мысли А.И.Герцена, есть драгоценный комментарий к его сочинениям. Практически каждые два-три года из печати выходит новая биография В.В. — и каждая по-своему интересна, но авторы этих книг, выдвигая подчас новые концепции, используют главным образом хорошо известные биографические материалы. Отличие нашей книги — «Неизвестный Высоцкий» — в том, что большинство материалов в ней публикуется впервые. После ухода Высоцкого минуло двадцать четыре года: дистанция еще не историческая, но достаточно большая — и очень насыщенная. Многие статьи и интервью для этой книги были сделаны автором десять-пятнадцать лет назад, но публикация их (или некоторых фрагментов из них) в силу разных причин стала возможна лишь теперь. Издание же новых биографических материалов, на мой взгляд,

насушная необходимость — для того чтобы потомки сами смогли разобраться в загадках и тайнах жизни В.В.

В чем причина интереса к судьбе и творчеству Владимира Высоцкого? Возможно, ответ заложен в мысли С.С.Аверинцева: «Человеческая судьба, оплачивающая своим жизненным трагизмом творческий акт, служит гарантией нешуточности обращенного к людям слова». Нам важно знать, как жил и каким был человек, который состоялся несмотря ни на что, который в шестидесятых-семидесятых годах прошлого века «один сумел поднять глыбу молчания» (А.Битов).

Август 2004

СЕМЕН ВЛАДИМИРОВИЧ ВЫСОЦКИЙ

Даю тебе, Валерка, благословение на эту работу. Пиши правду и только правду.

С.В.Высоцкий

4 ноября 1987

...Предки? Да все бедные были... Родители жили в Киеве, потом отец уехал в Москву. Присылал нам с Алешей (брат С.В.Высоцкого. — В.П.) по 250 рублей, а булка хлеба на рынке стоила 100 рублей. Я однажды пришел в «Торгсин» (магазины по торговле с иностранцами. — В.П.), голодный, проковырял гвоздем дырку в мешке с мукой и подставил шапку. Рабочий увидел:

— Мальчик, ты что делаешь? Это же воровство.

— А нам есть нечего...

Хорошо, что добрый попался, — отпустил. А то ведь посадить могли.

Отец развелся с матерью, устроился на работу в Москве, женился. Я переехал к нему, а потом и Алеша приехал. Ох, и досталось ему! Спал Алешка на сундуке, голодал... А у меня подруга была, работала в театре. Приду вечером, принесу бутербродов, вот он и поест.

С 1935 года я работал в Новосибирске — техником-связистом. С Ниной мы расписались еще в Москве, вместе уехали в Новосибирск. Но жить мы с ней не смогли, и она вернулась в Москву. Присылает письмо: «У нас будет ребенок. Что делать?» Я собрал друзей, и мы пошли в ресторан «Центральный». Знаешь, прямо напротив оперного театра? Сели, выпили грамм по триста и всё решили. Утром я послал Нине такую телеграмму: «Рожай. О ребенке буду заботиться в любом случае». Так что зачат был Володька в Новосибирске, в мае...

Работали мы не только в Новосибирске, тянули связь по всей области...

А в 37-м меня отозвали в Москву. Монтировали связь с Лубянки на правительственные дачи. Помню шведские кабели, такие полосатые... Вернулся к отцу, жил в прихожей. Ютился, но жил весело. Девушки... теперь их встречаю, а им по семьдесят лет. Однажды в «Эрмитаже» познакомился с девушкой — пловчиха, чемпионка Москвы. Вдруг узнаю, что она любовница Василия Сталина. Нет, думаю, надо держаться подальше.

Иногда собирались у Нины. Володька был еще маленький, говорить не умел — что-то вякал по-своему. С раннего детства у Володи был один друг — Володя Севрюков. Все остальные появились уже на Большом Каретном.

Потом меня забрали в войска — участвовал в «польской кампании». Началась война, ушел на фронт. Нас разбили — корпус Лелюшенко. Отступали к Москве. Немцы шли по дорогам, а мы драпали по болотам. Потом меня отозвали с фронта: год служил адъютантом командующего войсками связи. Ну, потом снова на фронт. Все это уже известно — мой «боевой путь»...

Семью Нины, конечно, знал. Сестра ее — Надежда, добрая такая женщина. «Ну что ты сердисься, Семенчик?!» Брат — Алексей, летчик-истребитель, любимчик Алксниса. А забрали Алксниса — он командовал воздушной армией, — и Алексей загремел...

В 1956 году Володя переехал к Нине Максимовне — чтобы она получила квартиру побольше, но, конечно, бывал у меня. И свадьбу с Изой (Изольда Константиновна Высоцкая, первая жена В.В. — *В.П.*) делали у меня, на Большом Каретном.

...А как получилось... (Володя с новой семьей С.В.Высоцкого собрался ехать в Германию. — *В.П.*) Нина чуть не упала в обморок на суде. Народный суд Свердловского района встал на мою сторону... Я ей и говорю:

— Успокойся! Когда Володя вырастет — отдам.

А она:

— Пиши расписку. (Написал ли Семен Владимирович такую расписку, неизвестно. — *В.П.*)

Если она еще будет «выступать», я все документы покажу, так ей и передай. Ты же с ней дружишь?! (Некоторое время Нина Максимовна и Семен Владимирович бы-

ли в ссоре — после первых публикаций их воспоминаний. Сыграл свою роль и непростой характер Семена Владимировича. — *В.П.*)

Это ей кумушки нашептали после моей статьи в «Аргументах и фактах». Я терплю, терплю, да и напишу всю правду — только факты! Володя очень любил правду. И эту правду скажу я сам.

Слушай, ведь Женя в Германии ждала ребенка, но не пошла на это, чтобы Володьке было лучше. (Евгения Степановна, вторая жена Семена Владимировича, которая присутствовала при этом разговоре: «Да ладно, Семен, что об этом говорить?!». — *В.П.*)

Нина же звонила Жене:

— Евгения Степановна, вы скажите Володе — опять ключи у меня забрал. Пусть вернет, он вас так уважает... Евгения Степановна, Володя опять меня не пустил. Вы скажите ему...

А Женя ей говорила:

— Ну, Нина Максимовна, Володе же сорок лет! У него своя жизнь...

...1972 год мы хотели встречать в ресторане ВТО. Билетов, конечно, нет. Приезжает Володя:

— Как это нет! Сколько вам надо? Двенадцать? Ладно!

Он пообещал им концерт, и Новый год мы встречали в ВТО.

...Люся Орлова — очень хорошая телефонистка. Она помогала — Володю очень быстро соединяли с Парижем, да и другие телефонистки его хорошо знали. А Володя дал концерт на «международке»...

...«Васёчек» — Игорь Кохановский... Вот Гарик пишет сейчас, что он раньше Володи начал писать стихи. Ну и что?! Зависть! В 70-м году «Васёчек» приставал к одной Володиной подруге. Володька сказал:

— Ну, все, Васёчек, ты мне больше не друг!

Он выгнал Гарика из своей жизни.

С Кохановским встретились недавно. Вышли две пластинки Володиных песен на «Мелодии» — по знакомству, конечно. Говорю ему:

— Гарик, ты что примазываешься? (Партию второй гитары на этих дисках исполняет Игорь Кохановский. — *В.П.*)

— Семен Владимирович, вы это как-то по-солдафонски говорите.

— Ничего! Я все же до полковника дослужился, а тебя даже в армию не взяли!..

...В сберкассе встретил Володарского. Он такой грязью облил Марину Влади. Она же там, во Франции, Фариду (жену Володарского. — *В.П.*) голодом морила. Говорит:

— Простите меня, Семен Владимирович!

(После смерти В.Высоцкого Володарский написал пьесу, в которой родители В.В. выведены в негативном свете. — *В.П.*)

...Вот, Валерка, письмо получил от Володарского! Слушай: «Я должен буду подать в суд на всю эту компанию. Хочу с вами посоветоваться». (В разгаре «дачная история». Володарский требует разобрать дачу В.Высоцкого, которая была построена на его участке. Против — М.Влади, А.Макаров, В.Янклович и др. Подробнее об этом в книге: *П е р е в о з ч и к о в В. Владимир Высоцкий: Посмертная судьба. М.: Политбюро, 2000. — В.П.*) И в конце: «Семен Владимирович, простите за все огорчения, которые я вам причинил».

...Вот Марина пишет про наркотики. Ну, может быть, что-то и принимал перед концертами — просто сил не хватало. А наркоманом Володя не был. (Евгения Степановна: «А сколько ему кололи этого промидола, когда у него было кровотечение из желудка...». — *В.П.*)

...В молодости я пел романсы Вертинского, пел за столом — в компаниях. Всем нравилось. Вот Володя меня «один к одному» в фильме сделал (в телесериале «Место встречи изменить нельзя». — *В.П.*). И вообще, Володя мно-го взял от меня...

1987–1989, Москва

Одна из загадок — или даже тайн — биографии В.Высоцкого: существовало ли письмо Семена Владимировича в КГБ, конкретное содержание которого тоже неизвестно. Первой об этом написала Марина Влади в книге «Владимир, или Прерванный полет», и написала довольно резко... «Ваши медали, тяжело заработанные на войне, не дают Вам сегодня права извращать истину. Вы никогда ничего не понимали. Песни Вашего сына только резали Вам слух. В Вашем кругу его образ жизни считали скандальным. И Вы предали его. И даже если Вы не понимаете размеров Вашего деяния, этот поступок был вдвойне преступным: Вы оклеветали человека, и это был Ваш собственный сын».

Второй раз Марина Влади упомянула об этом письме в передаче ЦТ «Еще одно интервью» (2 апреля 1989 года). Отвечая на вопрос об отношениях Высоцкого с родителями, она сказала: «Отношения никогда не были простыми. Но они особенно осложнились, когда отец написал на Володю письмо в соответствующие инстанции. Это просто убило Володю — он мне сам об этом рассказывал».

И только одно косвенное подтверждение со стороны... Артур Сергеевич Макаров в интервью 1987 года: «Лишь однажды я видел слезы в его (Высоцкого. — *В.П.*) глазах. Мы сидели у Гладкова: Прохоренко, Тарковский и я. Володя пришел позже... Пришел, чтобы рассказать, что отец написал на него письмо в соответствующую инстанцию. И, словно стыдясь минутной размягченности, крепко сжал мои руки: “Ты же знаешь, Артур, я совсем не такой слабый”. Слабаком он не был — это точно».

Свидетельство, как мне кажется, косвенное, а по происхождению — вторичное. И вот почему... В это время — 1987—1988 годы — начинаются «соры и раздоры» между родителями Владимира Высоцкого и Мариной Влади. А.Макаров — полностью на стороне М.Влади, более того, он ее доверенное лицо. Кроме того, письмо в КГБ если и было написано, то не раньше 1971 года. А в то время Высоцкий и Макаров встречались случайно и редко — хотя по-прежнему тепло. Впрочем, В.В. и позже довольно часто упоминал Артура Макарова на концертах, когда вспоминал о Большом Каретном. Но смерть Левона Кочаряна, появление в жизни Высоцкого Марины развели В.В. и компанию с Большого Каретного... Так что, скорее всего, Макаров узнал об этом письме от М.Влади; совпадает даже выражение — «соответствующие инстанции».

Врач Владимир Баранчиков, хорошо знавший и Семена Владимировича и Владимира Семеновича, в существование такого письма не верит: «Зная отношения между отцом и сыном, я не могу себе представить, чтобы Семен Владимирович мог написать письмо в органы (как об этом рассказала в своей книге Марина Влади). Хотя, как отец, Семен Владимирович, конечно, беспокоился. Он мне как-то сказал: “Слушай, неужели Володька пишет антисоветские песни?! Ты скажи ему: я же — коммунист. Да и в такое время живем...”»

Позиция Нины Максимовны Высоцкой: «Я допускаю, что Семен Владимирович мог припугнуть... Но писать на Володю в КГБ у него не было никаких оснований».

Однако существует достаточно много воспоминаний, свидетельствующих, что такие основания у Семена Владимировича могли быть... Марина Влади: «В течение 12 лет я старалась примирить Вас (с сыном. — В.П.). Но Вас волновало лишь собственное спокойствие. Вы хотели, чтобы его творчество не выходило за общепризнанные рамки. Вы никогда по-настоящему не интересовались произведениями Вашего сына. Вы никогда не понимали его борьбы, потому что она не вписывалась в Ваше представление о жизни...»

А.Евдокимов: «После статьи “О чем поет Высоцкий” его отец говорил на партсобрании, что сын с ним не живет и что он, Семен Владимирович, с ним ничего общего не имеет...»

Была еще одна причина, по которой Семен Владимирович мог это сделать — то есть написать письмо в органы: это его несостоявшееся генеральство. Сам Семен Владимирович рассказывал мне об этом так:

«Меня представили на генерала в 1971 году. И там мне один начальник говорит:

— Этот Высоцкий, который песни поет, это ваш сын?.. Ваш сын спился и гонит кино!

На следующий день меня в списках не было...»

Но беспокоиться по этому поводу Семен Владимирович начинает гораздо раньше. И.Кохановский: «В 1969 году Нина Максимовна написала мне, что от Володьки отвернулись все друзья... Что Семен не может слышать про Марину — боится, это повредит ему по службе...»

В.Туманов, по-моему, ближе всех к истине: «Семена Владимировича представили на генерала, но не дали. И он думал, что из-за Володьки его не произвели. Вот он и мог написать, что к семье Володи и Марины никакого отношения не имеет. Сын женат на иностранке — тогда это было знаешь как строго. А не дали ему генерала совсем по другой причине...»

Семен Владимирович прошел всю войну, позже окончил Ленинградскую академию связи. Все или почти все его военные друзья стали генералами. Естественно, что и Семен Владимирович хотел получить это звание.

Но вернемся к письму. Основные события, связанные с его существованием или несуществованием, происходят в 1987—1988 годах.

В 1987 году Марина Влади привозит в Москву несколько экземпляров книги «Владимир, или Прерванный полет», изданной во Франции, естественно по-французски. Когда семье Высоцких становится известно ее содержание, один из внуков замечает: «Если это будет напечатано у нас, дед этого не переживет».

(Кстати, примерно десять лет спустя В.Туманов, прочитав рукопись книги «Правда смертного часа», сказал мне: «Зачем тебе нужна вся эта грязь... родители этого не переживут...» Ее фрагменты были в тот же год опубликованы в газете «Совершенно секретно» — отстоял публикацию Артем Боровик. Потом книга вышла в двух издательствах, правда, по требованию некоторых друзей В.В. — с изъяти-

ем нескольких «острых» мест. Пока в полном объеме книга так и не появилась.)

Со временем и Семен Владимирович Высоцкий узнал о содержании книги М.Влади. Он сказал мне, что Марина — продукт капиталистической системы, что ей нужна сенсация, потому она и написала все это... Что «Володька и мог иногда сделать укол, когда не хватало сил. Но чтобы регулярно?!».

О письме он никогда не упоминал. Правда, через год, перед выходом моей первой книги «Живая жизнь: Штрихи к биографии Владимира Высоцкого», Семен Владимирович требовал от меня убрать рассказ о письме в интервью А.Макарова, на что Артур Сергеевич заявил, что он вообще снимет свой материал. В этом случае пришлось бы заново набирать всю книгу, на что издательство «Московский рабочий», естественно, пойти не могло.

Книга Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет» была очень быстро переведена, еще быстрее напечатана (издательство «Прогресс») и вышла в свет в начале 1988 года. Все ждали реакции родных, а это означало бы публичный скандал. Л.Абрамова: «Ведь если Семен Владимирович будет отвечать... На него обрушится гораздо худшее. Достояние промолчать. Пусть люди и время рассудят. Он думал, что военными заслугами и тем, что он отец Высоцкого, он защищен... Наоборот!»

Семен Владимирович решил не отвечать. За него это сделали внуки. На пресс-конференции 1 марта 1988 года (по случаю выхода книги М.Влади) Никита Высоцкий заявил, что подает в суд на Марину Влади за оскорбление деда и матери. Но подавалось ли исковое заявление в суд — неизвестно. Скорее всего, нет.

Так было ли письмо в КГБ и каково его содержание? В.Янклович: «Никто точно этого не знает... Володя действительно рассказывал мне, что отец давил на него. Но каким образом?.. А о письме конкретно — я ничего не знаю. Но обида была... Была обида и на мать — из-за Бантоша. Хотя он их так любил и так жалел!»

Было письмо или его не было? Если оно и было написано, то, конечно, это был не донос, а какая-то форма оправдания, самозащиты... Определенно же обо всем этом можно будет сказать, когда будут (если будут!?) открыты архивы КГБ — ФСБ.

«Мещанская... Это ведь Володина малая родина... И живы еще люди, которые могут рассказать про нашу жизнь — ни на что не похожую. Там Володя пошел в первый класс, — самая первая школа тоже на Мещанской. И туда вернулся весной 55-го года и жил — уже в новом доме — до 63-го...» — это слова матери Владимира Высоцкого, Нины Максимовны.

Вначале о самом доме, в котором родился в 1938 году Володя Высоцкий. Рассказывает Вартан Тер-Миносян, который в те далекие уже времена жил в доме № 126 по Первой Мещанской улице: «Дом когда-то принадлежал купцам Абрикосовым. Здесь были три одинаковых дома, они сдавались по комнатам — «меблированные комнаты «Наталис»». Поэтому в этих «доходных» домах и была «система коридорная»...»

Наиболее подробные воспоминания о жизни и о людях дома на Первой Мещанской оставил «вечный сосед» Высоцких — Михаил Яковлевич Яковлев (ныне покойный): «По-моему, у Льва Толстого есть такая мысль... Все, что он узнал до пяти лет, — это была половина всей информации о мире. А в нашем доме был такой набор разнообразных характеров, что этой информации могло хватить на всю жизнь. Причем о каждом жильце можно вспомнить и рассказать целую историю...»

Действительно, как говорила Цветаева: все, что мы знаем в детстве, мы знаем навсегда. Об умении В.В. слушать и впитывать услышанное говорят многие. Друг детства Владимира Акимов: «Он слушал и на Первой Мещанской, где жила его мать, Нина Максимовна, и где в быв-

ших номерах скучилось множество судеб, крепко помятых лихолетьем».

Продолжает Михаил Яковлев:

«Наша комната одной стеной соседствовала с комнатой Высоцких, а другой — Михайловых... Иван Михайлович Михайлов работал провизором в нашей аптеке — сухонький, худенький человек в очках и жутко язвительный. Его жена — тетя Оля — была набожной, забитой женщиной, донельзя преданной своим детям. И двое детей — сын Витя и старшая дочь Нина. Бедность была неимоверная... Представьте, один человек работает, причем провизором, а на его шее три иждивенца. И когда было уж совсем плохо, тетя Оля потихоньку обегала все комнаты нашего третьего этажа и говорила:

— Вы уж стоговьте до четырех часов, а потом я начну...

И все уже знали, в чем дело: плотно закрывались двери, распахивались все форточки... Весь ужас заключался в том, что тетя Оля жарила картошку на рыбьем жире, который Иван Михайлович приносил из аптеки. Это такой запах! И он так долго держался! Я до сих пор его помню...»

Все послевоенные дети помнят очереди за хлебом, помнят все, что продавалось в магазинах, помнят и сами магазины... В.Тер-Миносян вспоминает о магазине, который был как бы частью дома на Первой Мещанской. Про этот магазин, про сантехника дядю Колю спустя много лет рассказывал Валерию Павловичу Янкловичу и Высоцкий: «Дядя Коля почти каждое утро просил у продавцов “чекушку” похмелиться. Однажды попросил, а они говорят: “Сколько можно, дядя Коля?! Сегодня не дадим...” Он так обиделся, что пошел и закрыл какую-то задвижку. Начала подниматься вода и залила весь этот магазин. Продавщицы срочно разыскали его: “На, бери свою “чекушку!»” — “То-то. Смотрите у меня... Без дяди Коли...”»

И еще одна человеческая судьба — вполне возможно, что и маленький Володя Высоцкий бывал в комнате тети Вари. М.Яковлев:

«Была такая тетя Варя... Одинокая, несчастная, престарелая старушка лет семидесяти с чем-то. Из родных у нее остался только племянник — милиционер, который изредка, но все же заходил. Но чем она славилась во всем до-

ме — в ее шестиметровой комнате все стены были увешаны иконами и фотографиями офицеров. Офицеры все — красавцы с усами и проборами... Мы забежали иногда в ее комнату, потому что покупали ей хлеб, чай, сахар... И когда кто-нибудь спрашивал, показывая на фотографию: “Тетя Варя, а это кто такой?” — она слегка закатывала глаза и говорила: “Ой, ребята, это был такой офицерик!” И начиналась история...»

Но главная жизнь мальчишек, конечно, проходила во дворе. В.Тер-Миносян: «В то время Москва жила дворами... Вкус и аромат жизни нашего двора очень хорошо передан в “Романе о девочках”. Так жили не только в нашем дворе, но и на Переяславке... Володя упоминает такого “Сопелю”. Этот парень жил в одном из домов Абрикосова». Тут было много ребят, которые знали всё: кто-то уже отсидел, кто-то собирался. Многие жили бедно, очень бедно.

В.Высоцкий, «Роман о девочках»:

«...Сопеля, компаньон и одноделец, кретин и бездельник, — словом, тот еще напарник, но у него брат на “Калибре” работает. И брат этот сделал для Леньки (Сопели) финку с наборной ручкой, а лезвие — закаленной стали, из напильника. И Ленька ее носит с собой.

...Вырос Колька во дворе, жил во дворе, во дворе и влюбился...»

Жили на Первой Мещанской трудно («Здесь я доподлинно узнал, / Почем она, копеечка...»), но бывали и праздники. В.Тер-Миносян: «Тогда люди жили по-другому: дружнее и — если можно так сказать — праздничнее. Все вместе отмечали и Новый год и Пасху... Куличи пекли обязательно дома и носили святить в соседнюю церковь у Рижского рынка... Новый год отмечали, как тогда говорили, “на немецкий счет”, то есть каждый нес то, что мог... Кто винегрет, кто картошку...»

Особые праздники иногда устраивала Нина Максимовна. Вспоминает Михаил Яковлев: «Помню, как она с удовольствием устраивала в коридоре домашний театр для детей... Она сама прекрасно копировала Рину Зеленую... А иногда она заворачивалась в портьеру. Ножницы вместо монокля, а сверху могла надеть абажур, — и в этом невероятном наряде что-то очень смешно говорила по-не-

мецки... Заходила к соседям, что-то спрашивала... И в эту игру невольно включались все, — начинался веселый балаган...»

После войны В.В. вместе с отцом и Евгенией Степановой живет в Германии. А после возвращения в октябре 1949 года — на Большом Каретном, но, конечно, бывает на Первой Мещанской. Вспоминает Нина Максимовна: «Когда Володя вернулся из Германии, он немного владел немецким разговорным языком. В то время на Мещанской, рядом с нашим домом, на стройке работали пленные немцы». Помните:

Вели дела обменные
Сопливые острожники —
На стройке немцы пленные
На хлеб меняли ножики...

Вот что пишет об «обменных делах» Владимир Акимов: «Основной ржаной требовалось донести до дома в святой неприкосновенности, довесок можно было съесть тут же. А можно было получить за него одну из необыкновенно прекрасных вещей: колесо из трехкопеечной монеты с цветным стеклышком, выделанным под камешек, ножик раскладной, зажигалку из винтовочной гильзы или прозрачного плексигласа. И дети меняли, замороженно глядя на запачканный побелкой и красной кирпичной пылью карман чужого мундира, где исчезал хлеб. Пленные рукодельничали знатно».

Продолжает Нина Максимовна: «Так вот, один из пленных узнал, что Володя жил в Эберсвальде — его родном городе. И спрашивал, не пострадал ли город от бомбежек, цел ли его дом... Володя прибежал ко мне, спрашивал, как сказать по-немецки ту или иную фразу, запоминал и, видно, объяснял что-то немцам».

В заключение приведем слова В.П.Янкловича:

«В последний год часто вспоминал про детство... Вдруг говорит: "Давай поедem..." — и везет меня на бывшую Первую Мещанскую... И начинает искать окна, где была их квартира...»

Вспоминал про детские годы — значит, дороги они были ему...»

Вот здесь, в доме № 126 по Первой Мещанской — теперь проспект Мира № 76, — жила семья Высоцких и наша семья. Чуть дальше было еще два таких же дома, еще дальше — выход на Переяславскую улицу, параллельную Мещанской. Справа шел забор, глухой забор, и получался замкнутый внутренний двор.

В то время — до и после войны — Москва жила дворами. И вся жизнь детей нашего дома проходила здесь, во дворе. На этом самом месте мы играли в лапту, в шандор... Зайти в соседний двор значило попасть на чужую территорию. Совсем рядом — дом Академии наук, там жил знаменитый Кулик, исследователь Тунгусского метеорита. С его племянником я учился в одном классе и бывал у них дома, но и меня там могли поймать и всыпать. Чужая территория. Войти в чужой двор — пересечь границу! Это надо было знать и учитывать.

Все эти три одинаковых дома принадлежали когда-то купцу Абрикосову, хорошо известному в Москве. А ребят нашего двора, чтобы как-то отличить от других, звали «абрикосовцами». Даже была такая детская дразнилка:

«Абрикосы» ели косы,
А на ужин — ленточки!

Дом наш фасадом выходил на Первую Мещанскую, со стороны улицы был магазин. Этот магазин как бы считался частью нашего дома: всех продавцов и грузчиков мы хорошо знали. Как мне тогда казалось, они никогда не ме-

нялись. Наш магазин все называли «Моссельпромковский» (помните у Маяковского: «Нигде кроме, как в Моссельпроме!»). А после войны там был коммерческий магазин: по высоким — очень высоким! — ценам можно было купить все что угодно.

Напротив нашего дома был дом КГБ, рядом с Рижским вокзалом, с прекрасным — чистым и прохладным — магазином «Консервы», где мы могли выпить стакан сока... В доме КГБ был свой книжный магазин, ателье и кафе — в общем, совершенно другая жизнь, совершенно другой мир. А на нашей стороне — один за другим — бедные деревянные дома...

Дом наш имел Г-образную форму, была подворотня (она не сохранилась) и черная лестница, она цела до сих пор. Когда строили новый дом, то короткую часть буквы «Г» отрезали, осталась только длинная. Нина Максимовна с Володей, Гися Моисеевна с Мишей Яковлевым и наша семья жили как раз в той части дома, которая не сохранилась. Высоцкие и Яковлевы жили на третьем этаже, а мы с мамой — на втором. В нашей комнате был единственный на весь дом балкон, как раз над магазином.

Здесь жила очень интересная публика. В подвале — там тоже были комнаты — жили семьи ломовых извозчиков. До войны и некоторое время после войны вещи перевозили на лошадях. Напротив этих окон — большой каменный забор, под три метра. Так казалось с нашей стороны. На самом деле это была одна из стен бывшей конюшни. Конюшни перестроили, и там жили люди, — это был дом № 124.

Выше жили бывшие приказчики, ремесленники, крестьяне — в общем, рабочий люд. А чтобы вы почувствовали аромат, вкус и запах той жизни, достаточно сказать, что на нашем втором этаже было семнадцать комнат. В каждой комнате — по семье, значит, это человек семьдесят. И на всех — одна кухня, один умывальник и два туалета.

Я родился в 1933 году, на пять лет раньше Володи. Так случилось, что война застала нас в Армении, на матиной родине. Вернулись мы в этот дом в 1944 году, с этого момента я и помню Володю Высоцкого — маленького симпатичного мальчика, очень любознательного. Нина Мак-

симовна его всегда очень хорошо одевала, конечно, по своим возможностям и по возможностям того времени. Володя тогда еще ходил в детский сад, и однажды Нина Максимовна взяла меня с собой — съездить за Володей. Тогда она уже жила одна, детский сад был где-то в районе Савеловского вокзала, и по тем временам это считалось далеко. По Первой Мещанской еще ходил трамвай, и мы поехали за Володей. На обратном пути Володя запомнился мне тем, что задавал много вопросов, и не на все я смог тогда ответить.

Ребята в нашем доме было много, и все мы жили очень дружно. Вообще, все люди тогда жили по-другому: более празднично, что ли. После тягот войны всем хотелось радости, праздника. По-моему, особенно это чувствовалось в Москве. Торжественные салюты, когда освобождали города, потом — Победа, парад на Красной площади... И люди шли на улицы, сами шли — все это безо всякой организации или призывов.

Часто собирались в нашей комнате, особенно молодежь, потому что комната у нас была большая, а мама наша — молодая и красивая. Нина Максимовна бывала у нас довольно часто.

Вообще, я думаю, что Нина Максимовна оказала очень большое влияние на своего сына. Почему? Насколько я помню, именно Нина Максимовна приучила Володю к театру. Я хорошо запомнил, как она достала билеты на «Свадьбу в Малиновке». А после этого Володя часто заходил к нам и — даже не рассказывал — показывал. То он Попандопуло — «И что это я в тебя такой влюбленный?!», то еще какой-то другой персонаж... Тогда я думал, что у Володи это пройдет, но теперь ясно, насколько глубокими были первые театральные впечатления. Нина Максимовна постоянно покупала билеты, особенно на каникулах, и они ходили в театры.

Миша Яковлев учился в театральном техникуме, а когда проходил практику, иногда брал нас с собой на спектакли. Меня он проводил в Театр Маяковского, и там мы видели Бабанову. Не из зала — на сцене, а рядом, близко — за кулисами. Вполне возможно, что он брал с собой и Володю — они же дружили семьями... Представляет, что значило для Володи увидеть вращающийся теат-

ральный круг или сидеть в крошечной осветительской, а в четырех шагах от него — Бабанова...

Ну а внешний мир для ребят нашего двора — это Рижский вокзал, рынок, железная дорога... У Рижского вокзала мы учились кататься на велосипедах. А иногда забирались на старый путепровод, смотрели, прошел ли трамвай (машин было совсем немного), и катились вниз.

По железной дороге после войны шли эшелоны с военной техникой. Они подолгу стояли здесь. У танков люки были закрыты, но мы сумели достать масляный насос... А потом набирали в него воду и поливали пассажиров троллейбусов: около Рижского рынка тогда было кольцо и громадная лужа...

За Переяславкой, ближе к железной дороге — действующая до сих пор церковь. Туда мы бегали смотреть крестный ход на Пасху. А перед этим вместе с матерями ходили в эту церковь святить куличи и крашеные яйца. Причем куличи обязательно пекли дома.

Хождение в баню — это был обязательный еженедельный ритуал для всех жителей дома. Недалеко был Банный переулок, там и находилась «наша» баня. Поздно вечером в субботу или рано утром в воскресенье шли в эту баню, занимали очередь на себя и на соседей. Стоять в очереди приходилось довольно долго, но мы собирались компаниями, и время проходило незаметно.

Все мы учились в одной мужской школе № 273, кажется тогда — Сокольнического района. Володя учился в ней в 1 и 2 классах, до отъезда с отцом в Германию. А когда он вернулся, то остался в семье Семена Владимировича. Я знаю, что Евгения Степановна очень хорошо относилась к Володе. И Володя стал бывать в нашем доме по воскресеньям, по праздникам и на каникулах.

События? Ну, например, отмена хлебных карточек. Во время войны в стране была карточная система, она сохранялась и после войны. И только, если я не ошибаюсь, в 47-м году карточки на хлеб отменили. Мы были прикреплены к хлебному магазину практически напротив нашего дома (он и сейчас там). И весь наш дом ходил туда получать черный хлеб. Ходил и Володя Высоцкий, Нина Максимовна же работала. Около магазина всегда стояла очередь, внутрь пускали по несколько человек.

И представьте, сколько собралось народу, когда эти хлебные карточки отменили! Как мы рвались, спешили увидеть своими глазами, что хлеб можно купить просто за деньги.

Новый дом появился так. Слева, еще до войны, был вырыт котлован. Он постепенно наполнялся водой, мы даже учились там плавать. А с другой стороны стоял недостроенный дом: балки, пролеты, перекрытия... Так и простоял всю войну. Году, наверное, в 46-м его стали достраивать немецкие военнопленные. Мы их знали, давали им хлеб (сбегаешь домой, принесешь), а еще они очень просили папиросы. А взамен дарили нам какие-то фигурки из металла, ножички...

Этот большой дом строило Министерство путей сообщения, в 53-м году заселяли первый подъезд. Вот тогда и отрезали нашу часть буквы «Г». Мы с мамой переехали одними из первых, а Нина Максимовна с Володей и Яковлевы долгое время не переезжали — они попали уже в третий подъезд на четвертый этаж. На две семьи им дали трехкомнатную квартиру, так что одна комната у них была общая.

Эта комната очень пригодилась, когда Володя бросил МИСИ, поступил в Школу-студию МХАТ и женился на Изе Жуковой. А перед этим Володя пришел к моей матери (к тому времени я уже окончил МИСИ) и сказал:

— Тетя Соня, я ухожу из института.

Для моей мамы это была трагедия: поступить в институт и бросить! Она только сказала:

— Что вы, Вова?! Разве можно это делать?! Куда же вы пойдете?

— Я пойду в театральный.

— Как?! С вашим голосом?!

Ведь это все враки, что Володя посадил или пропил свой голос, уже тогда у него был низкий, хрипловатый баритон. И Володя сказал:

— Нет, я все равно пойду!

Человек искал себя, выбирал. Володя сделал талантливый выбор.

А потом... Нина Максимовна и Володя переехали в Черемушки, мы встречались очень редко. Володя начал писать стихи и песни. Волны его славы доходили и до нас.

Он стал сниматься в кино, играл в эпизодах. Мы с мамой всегда это обсуждали:

— Наш Володя сыграл здесь... сыграл там...

Виделись очень редко, я считал неудобным навязываться. В Театре на Таганке я был несколько раз, но только однажды зашел к нему за кулисы. Хотя Володя был всегда рад и видеть и поговорить...

Была одна случайная встреча во Внуковском аэропорту. Володя куда-то улетал, его провожала целая компания. Было видно, что они уже довольно давно «провожаются»... Распивали последние две бутылки шампанского. Я не хотел подходить, но Володя меня увидел — подбежал, обнял... Тогда и я выпил стакан шампанского. Мы коротко поговорили, вспомнили нашу прошлую жизнь...

Это была наша последняя встреча.

Июль 1990, Москва

Ну, что вам рассказать о нашем доме...

Однажды я шел по проспекту Мира: от Рижской до самой Колхозной площади. И вдруг поймал себя на мысли — а я ведь старше всех этих домов. Весь проспект был построен на моей памяти... А когда меня в школе спрашивали: «Где живешь?» и я отвечал: «В большом доме», — то все знали, что это трехэтажный дом на Первой Мещанской у Рижского вокзала. Тот самый дом, где родился Володя Высоцкий.

Сошлюсь на Нину Максимовну, она вспоминает:

«Буквально на второй день после рождения Володи от Миши Яковлева в роддом пришла открытка такого содержания:

“Мы, соседи, поздравляем Вас с рождением нового гражданина СССР! И всем миром решили назвать Вашего сына — Олегом.

Олег — предводитель Киевского государства”.

Когда я пришла с ребенком домой, соседские дети с любопытством рассматривали своего Алика... А узнав, что мальчика назвали Володей, обиделись...»

А мы, коридорная мелюзга, не просто обиделись — мы «бойкотировали» комнату Высоцких. Наверное, недели две никто из нас не заходил к ним. А почему Олег? Потому что тогда все пацаны нашего двора бредили подвигами киевского князя Олега.

Так что Володю я знал с самых первых дней его жизни. И с самых первых дней к нему был повышенный интерес всех наших соседей. Ведь он был последним ре-

бенком из тех, кто родился перед войной в нашем коридоре.

Володя был очень симпатичным и общительным мальчиком, его любили искренне и по-настоящему...

Соседка Высоцких Нина Михайлова и ее подруги были яростными поклонницами Ляли Черной. Они собирали все ее фотографии, ходили на все концерты и спектакли. Потом они как-то познакомились с Лялей Черной, и она стала проводить девчонок на свои выступления. Видя совершенно безграничную любовь этих детей, она даже согласилась прийти к ним в гости. И вот Ляля Черная пришла к нам в дом и обалдела, увидев все это, всю нашу бедность. Кто-то попросил ее спеть, она ответила: «С удовольствием!» Но в комнату Михайловых набилось столько народу, что ей пришлось выйти в коридор. Конечно, высыпали все жильцы, поднялись люди со второго, а потом и с первого этажа... И был потрясающий импровизированный концерт Ляли Черной в нашем коридоре! Дружба эта длилась долгие годы...

Еще одна соседка — тетя Варя. Воспоминания, которые тогда нам были неинтересны, ей были безумно приятны. Просто потому, что это была ее жизнь. И когда мы переезжали в новый дом, кто мог перевезти тетю Варю? — конечно, мы — соседи... И на долю каждого из наших мальчишек и девчонок досталось по две иконы, и мы шли по улице с этими иконами. А прохожие просто обалдели:

— Это что — крестный ход?!

А мы отвечали:

— Нет, это тетя Варя переезжает в новый дом!

В старом доме комнаты Высоцких, Михайловых, Климовых и наша — это фасадная часть — выходили на Первую Мещанскую. А дом — бывшие меблированные комнаты «Наталис» — был старинный, толщина стен около метра. И каждый вечер, подложив под себя подушки, мы ложились на подоконники и смотрели на улицу. Это было самое любимое развлечение!

— Смотри, вот идет дядя Петя из тридцать четвертой. Ага — «под мухой»! А это к тете Клаве идет поклонник! Да нет — не к ней...

Это было очень увлекательное занятие и один из многих источников информации. Телевизоров еще не было, репродукторы-диффузоры работали несколько часов в день... У Высоцких и у нас было по два окна, и иногда к нам приходили соседи, окна которых выходили во двор. И самое забавное, что мы еще и переговаривались! Высунув голову, мы обсуждали, к кому именно пошел этот незнакомый человек. А некоторым было не лень выбежать на лестницу и удостовериться: нет, этот гражданин пошел не к тете Клаве!

Климовы... Сам Климов работал милиционером, а его жена тетя Галя воспитывала трех дочек. С ними я учился в одной школе. И вот рано утром тетя Галя выстраивала нас в один ряд и каждого крестила:

— Чтобы тебя сегодня не спросили! Чтоб у тебя не было двоек!

Я просил:

— Теть Галь, перекрести меня два раза...

У Климовых очень интересно обедали. Тетя Галя своим пронзительным, как сирена, голосом кричала на весь коридор:

— Девки! Обедать!

Со стола снималась скатерть, на клеенку ставилась большая железная миска с супом. Все ели деревянными ложками. И первую ложку должен был зачерпнуть глава семьи. А если кто-то вылезал, то тут же получал ложкой по лбу! Мне это так понравилось — из большой железной тарелки, да еще деревянной ложкой! Прихожу домой:

— Я теперь буду есть только деревянной ложкой и только из железной миски.

В общем, жили одной семьей, общими для всех радостями и заботами... И выручали друг друга во всем. Забыл купить хлеба? — зашел к Высоцким! Кончился сахар? — попросил у Климовых! Нет соли? — пожалуйста!

А еще — все комнаты практически не запирались. Во-первых, никто ничего и никого не боялся, а во-вторых, просто нечего было воровать... Можно сказать, что у нас был не общий коридор, а общая квартира.

И в этой квартире мою маму — Гисю Моисеевну Яковлеву — называли «Валерьянка». Знаете почему? Жили

у нас люди достаточно простые — дворники, шоферы, милиционеры; конечно, выпивали. И частенько были скандалы, выясняли отношения с битьем посуды и даже рукоприкладством. И всегда звали на помощь маму. Она закуривала папиросу, брала с собой несколько штук и шла в «район конфликта», в бой! Не знаю, откуда у нее брались и храбрость и смелость (на улицах она очень боялась пьяных), а главное — такт и подход к людям. Но минут через сорок мама приходила домой, возбужденная, с красными щеками. Папа или я спрашивали:

— Ну что — помирила?

— Конечно!

Она всегда находила какую-то логику во взаимоотношениях, находила нужные слова. И конечно, маму за это уважали.

Вообще, у мамы, где бы мы ни жили, врагов не было. Она всегда была настроена на помощь, иногда даже в ущерб себе... Папа ушел в московское ополчение в августе 1941 года, хотя у него была бронь. И погиб в октябре под Вязьмой. А пошел в ополчение еще и потому, что семье сохранялся его оклад, чтобы нам было хорошо...

Воевали и два брата Высоцких — Семен Владимирович и Алексей Владимирович... Володя просто обожал своего дядю Алешу, гордился своей тетей Александрой Ивановной. Володя рассказывал мне прекрасную и трагическую историю их любви: во время войны Алексей Владимирович и Александра Ивановна считали друг друга погибшими. Я помню, как они приходили в гости на Первую Мещанскую. Их дочь Ирэна была еще совсем маленькой, и я помню, как ловко, одной рукой, пеленала ее Александра Ивановна.

Вообще семью Высоцких я знал довольно хорошо. Должен сказать, что Нина Максимовна очень много дала Володе. Работала она в «Интуристе» переводчицей с немецкого, приносила зарубежные журналы, которые в то время никто нигде не видел, да и не мог видеть. Из этих журналов вырезались фотографии звезд кино: Рудольфо Валентино, Вальтер Слезак, Дуглас Фербенкс и Мэри Пикфорд — их портреты я впервые увидел у Нины Максимовны. И гитара была у них в комнате. Кажется, на ней играла сестра Нины Максимовны Надежда...

Семен Владимирович учился в одном техникуме с братом Нины Максимовны — Володей. Красивый, обаятельный, контактный молодой человек. Мама моя славилась еще и тем, что гениально готовила украинский борщ, который Семен Владимирович очень полюбил. Он мог вернуться домой поздно и, не заходя к себе, постучаться в нашу комнату:

— Гися! (Они с мамой были на «ты») У тебя сегодня борщ?

— Борщ...

— Тоцца грей!

Мама вставала, разжигала керосинку, грела борщ. Я же говорю, мы жили одной семьей.

Я уверен, что своим умением общаться с самыми разными людьми Володя обязан отцу. Потому что в Семене Владимировиче, по моему мнению, пропал блестящий актер. Как он умел «вести стол», как он рассказывал анекдоты!

Семен Владимирович работал на телефонной станции и сумел себе и нам поставить телефоны. Конечно, это был праздник! Но праздник очень быстро кончился...

— Гися Моисеевна, сестра заболела. Можно позвонить?

— Конечно.

Только болезнью сестры разговор ограничиться, разумеется, не мог:

— Ну а как там невестка? А тетя Лида приезжала из деревни? Там все нормально?

Соседка чувствовала некоторое неудобство и в качестве благодарности начинала пересказывать весь разговор. Но и противоположные ситуации тоже имели место. Звонок:

— Гися Моисеевна, вы очень добрая женщина. Позовите Валью со второго этажа...

В общем, мы были в курсе всех дел нашего дома. Примерно то же самое происходило у Высоцких. Правда, в несколько меньших размерах, потому что они уходили на работу...

Помню Алексея Серегина, брата Нины Максимовны, знаменитого летчика-испытателя. Он был репрессирован в сталинские времена. Хорошо помню Николая, двою-

родного брата Володи Высоцкого... И вот однажды Николай появляется у нас, появляется после сталинских лагерей. А попал он туда, кажется, за то, что с голоду украл буханку хлеба... В лагере заболел туберкулезом... Я помню, как он уезжал из Москвы — здоровый, ухоженный ребенок, — а вернулся, по существу, инвалидом.

...И вот мы втроем — Володя, Коля и я — иногда сидели до утра: Коля рассказывал нам про лагерную жизнь, пел тюремные песни... Я глубоко убежден, что это оказало влияние на первые песни Высоцкого — так называемые блатные. Да еще общение с Толей Утевским, который брал его «на операции». Однажды Вовка прибежал бледный:

— Мы с Толяном были на задержании. Вдруг — стрельба! Чуть не убили...

Ну, может быть, Володя и преувеличил немного... Но Толя Утевский действительно был ему как старший брат. И когда Утевский женился на известной певице Наталье Разинкиной, Вовке это жутко льстило. Я помню, как он гордился, когда ему после концерта доверяли нести ее чемоданчик...

Утевский — да, но прежде всего Коля. Ведь он прожил у нас на кухне полгода (это уже в новом доме). Представьте, человек с туберкулезом легких живет на общей кухне, и никто слова не говорит. Одна семья... И я думаю, что влияние Николая на Володю еще недостаточно оценено.

К этому времени ту часть старого дома, где мы жили, уже сломали. А началось это так: вся Первая Мещанская была застроена одноэтажными домами, их снесли и начали возводить восьмизэтажный «сталинский» дом. Сломали и фасадную часть нашего дома. Я хорошо это помню: иду в метро, а в это время ломают переднюю стену. И вдруг вижу свою комнату, вижу место, где висела картина, там обои другого цвета... Ломали не один день... Ужасное состояние, я даже не думал, что это может так на меня подействовать. Но когда каждый кусок штукатурки связан с твоим прошлым...

А новый дом строился сразу с двух сторон. Фасадную часть, от Рижского вокзала, которая прекрасно сохранилась до сих пор, действительно строили пленные нем-

цы. Мы к ним привыкли, все с ними здоровались. Помню, как Нина Максимовна иногда подкармливала этих немцев... И все мы очень удивлялись, как здорово они работают.

В старом доме у Высоцких и у нас были самые большие комнаты, но к тому времени прописано в них было по два человека в каждой. А у всех остальных комнаты были маленькие, а народу жило много. В общем, им давали двух-трехкомнатные квартиры... В результате все очень быстро выехали, а в отсеченной части дома остались только Нина Максимовна с Володей и я с мамой... Почему мы не выезжали? Потому что нам предложили по одной комнате, а в новом доме однокомнатных квартир не было. А потом вышло постановление Моссовета о предоставлении такой же жилплощади с удобствами, но в любом районе Москвы. И один знакомый юрист подсказал, что нас могут задвинуть куда-нибудь очень далеко, на самую окраину, в такую же коридорную систему. Поэтому мы держались...

Постепенно — свято место пусто не бывает — у нас организовалась «малина»: рядом — Рижский вокзал и Рижский рынок, там шпаны хватало. Причем они запирали входные двери! Мы с мамой приезжали поздно, вынуждены были стучать. «Кто? — Свои!» Нас они пропускали. И мы видели, как прямо на лестнице сидели ребята и девушки, тут же водка, закуска. На ночь мы стали запирать двери. Высоцкие, кажется, засовывали топор. Уже тогда отключили газ, радио, телефон, оставили только воду...

Так мы жили несколько недель и все-таки добились уникального решения! Настаивая на том, что мы почти родственники, мы получили на две семьи трехкомнатную квартиру в нашем же новом доме. Беспрецедентный случай — нам «в порядке исключения» выписали ордера не на квартиры, а на метраж! У нас даже был выбор, и мы выбрали трехкомнатную квартиру на четвертом этаже с окнами на проспект Мира.

Квартира по тем временам была фантастической: коридор с альковом — двенадцать метров! У нас была комната для мусоропровода! Добавьте лепнину и двухстворчатые стеклянные двери — в общем, из грязи да в князи! Но была и некая сложность — одна комната, первая, была

изолированная, а две другие — вторая и третья — смежно-изолированные. Мы решили тянуть жребий. И Высоцким повезло больше: Нина Максимовна «вытянула» первую комнату и половину третьей.

Вот в этой общей комнате и жили после свадьбы Володя Высоцкий и Иза Жукова. Поставили ширму, за ней кровать — семейное гнездо. Я рано утром уходил на работу и будил Володю. Он открывал глаза:

— О, друх! (Он меня так называл — «друх».) О, друх! Привет!

Никогда не было — вот разбудил, не дал поспать... У Володи был очень мягкий характер, я никогда не видел его в плохом настроении...

Появилось телевидение, начинался наш КВН... Точнее, мы — Аксельрод, Муратов и я — «рожали» этот самый «Клуб веселых и находчивых». На ходу надо было придумать правила игры — новые конкурсы, которые потом становились традиционными. «Разминка» или «Гимнастика ума», «Домашнее задание», «Конкурс капитанов» — все это придумывалось там, в нашей квартире. И все это было на глазах Володи.

И конечно, в нашем доме бывали весьма интересные люди. Приходил Олег Табаков, с которым мы вместе делали киновикторину «Игра без дублей». Бывал Олег Стриженов, мы вместе с ним учились в театрально-техническом училище: Олег на бутафорском, а я на механическом отделении. Заходили Валя Леонтьева и Света Жильцова, которые вели передачи. Но главную роль играли, конечно, Алик Аксельрод — великолепный врач и прекрасный режиссер, и Сергей Муратов — профессиональный журналист, теперь известный кинокритик, преподаватель факультета журналистики МГУ.

Однажды получилось так, что мы с Аликом Аксельродом к утру должны были закончить сценарий очередного КВН (Серезжа Муратов был в Болгарии). И надо же было такому случиться, у меня дико разболелись зубы. Я курил сигарету за сигаретой... Вот именно тогда мы придумали конкурс «Будем зубастыми!».

На сцене стояли два стоматологических кресла — самых настоящих! Потом выходил Алик с Наташей Защипиной — тогда они вели КВН — и говорил:

— Самых смелых милости просим!

Причем, чтобы не было никаких претензий, свою смелость надо было зарегистрировать у нотариуса. И нашлись два смелых человека, по одному из каждой команды, которые сели в эти кресла. А мы специально «держали паузу», нагнетали атмосферу... И наконец два ассистента выносили две гигантские зубные щетки и объявляли конкурс. На ручках этих щеток с помощью бормашин надо было выгравировать «Будем зубастыми!» — у кого получится лучше и быстрее, тот и победил...

Ну а в ту ночь, когда мы придумывали этот конкурс, меня мучили зубы и мне казалось, что никотин хоть немного заглушает боль. Примерно к двум часам ночи у меня кончились сигареты. И Володя, который все время был с нами, исчез... А через полчаса явился с пачкой сигарет. Оказывается, он увидел, что у меня кончились сигареты, и сбегал на Рижский вокзал. Вот такой он был человек... А ведь именно в это время ему жилось очень не сладко...

Бывал в нашей квартире и Андрюша Донатов. Я с ним познакомился в Ташкенте, в эвакуации. Мы с ним были записаны сразу в три секции Дворца пионеров. Сразу в три, потому что в каждой давали по пятьдесят граммов хлеба... Потом, спустя много лет, мы с ним совершенно случайно столкнулись на телевидении — Андрей работал ответственным редактором самой популярной тогда передачи «Журнал искусств». Собственно, с этой встречи я и начал сотрудничать на телевидении.

Было время, когда Андрей жил в нашей квартире — у него был ремонт. В это время в Ленинграде запускался фильм «713-й просит посадку», сценарий которого написали Андрей Донатов и Алексей Леонтьев... Мы сидим с Андреем, заходит Нина Максимовна:

— Ребята, ну помогите Володе. Может быть, есть хоть небольшая роль?

И Андрей тут же позвонил режиссеру. Оказалось, есть эпизод. Надо было сыграть роль американского морского пехотинца, который защищает кинозвезду. Это была первая роль Володи в кино...

Примерно в 1963 или 1964 году мы с Высоцкими разменялись, и наши встречи с Володей стали нечастыми, но всегда дружескими. А когда появилась Марина Влади, я и сам старался держаться подальше, зачем примазывать... Однажды Нина Максимовна пришла к моей тете — одно время мы жили у нее — и рассказала:

— Представляете, возвращаюсь после работы усталая, вымотанная. Падаю на стул, вытягиваю руки и ноги. И вдруг Марина — кинозвезда с мировым именем! — стягивает с меня сапоги. Меня это тронуло до слез.

И вот Марина Влади написала книгу, которая мне очень не понравилась. Мало того, что она неуважительно говорит о Нине Максимовне, она просто несправедлива по отношению к Люсе Абрамовой. И как можно так писать о Семене Владимировиче, человеке уважаемом и заслуженном... Она утверждает, что Володя запил в тринадцать лет, — это чушь! Я говорю об этом как очевидец.

Виделись мы редко... Да и, честно говоря, я Володю иногда недооценивал: «большое видится на расстоянии»... Расскажу вам такой случай.

Однажды на заводе, где я работал, поднялся шум:

— У нас Высоцкий будет выступать! У нас — Высоцкий!

Такой ажиотаж! А я не пошел на его концерт. Ну кто для меня был Вовка Высоцкий — сосед, который на двенадцать лет моложе меня. Я еще раз скажу, что тогда я не видел в Володе большого поэта, это моя вина и мой грех...

Встречи? Однажды иду по Таганке со своей знакомой, иду к Павелецкому вокзалу. И вдруг сзади кто-то меня обнимает:

— Друх! Привет! Ты «Гамлета» видел? Хочешь?

— С удовольствием.

Заходим в театр — народу! Но Володю узнают, уступают дорогу. Он протискивается к окошку главного администратора:

— Я очень редко обращаюсь к вам... Мне очень нужно два билета на сегодня.

Женщина посмотрела-посмотрела, нашла два билета: один в шестом ряду, второй в одиннадцатом:

— Возьмете?

А я, как интеллигентный молодой человек, спрашиваю у своей знакомой:

— Ну что, идем?

— В разных рядах? Я не пойду.

Так я и не попал на «Гамлета»...

А «Балладу о детстве» я впервые услышал спустя несколько дней после смерти мамы — Гиси Моисеевны Яковлевой... Володя позвонил:

— Приезжай, я написал новую песню.

После работы я поехал к нему. Помянули маму... Володя поставил кассету, а потом говорит:

— Забирай кассету.

— Да ты что. Не возьму. Все равно не смогу ее слушать...

Потом я не мог себе простить, что не взял кассету, потому что в первом варианте был еще один куплет про маму... И, конечно, всей своей жизнью мама заслужила эту песню, эту вечную память...

Во времена КВН Володя иногда меня спрашивал:

— Друх, а как у тебя это получается?

Я вспомнил об этом и тоже спросил:

— Володя, а как у тебя это получается?

...И еще один «перевертыш»... В период расцвета КВН, когда мы где-нибудь появлялись с мамой, то все говорили:

— Вот Миша Яковлев — один из авторов КВН, а это его мама — Гиса Моисеевна.

А потом, когда мамы не стало и я приходил к Нине Максимовне, где собирались Володины родные и друзья, то меня представляли так:

— А это — Миша Яковлев, наш сосед, сын Гиси Моисеевны...

И наша последняя встреча... Я помню разговор: он очень переживал, что у него не было ни одного «афишного» концерта.

— Друх! Вот ты — член Союза журналистов, а я ни в каком творческом союзе не состою. Уйду из театра — и я никто. Тунеядец...

Володя был в детстве — и остался навсегда! — удивительно добрым человеком. Я даже немного горжусь, что никогда не обращался к Володе с просьбами. Хотя однажды, уже во время его колоссальной популярности, он сказал мне:

— Друх! Может быть, тебе что-нибудь надо? Я теперь все могу!

Когда Володя записал свою первую пластинку во Франции, то позвонил мне:

— Немедленно приезжай! Привез десять авторских пластинок...

Я приехал, он торжественно вручил мне пластинку с такой надписью:

«Вечному другу и вечному соседу — Мише Яковлеву».

Июнь-сентябрь 1989, Москва

ДЯДЯ ЛЕША

(Вспоминает Александра Ивановна Высоцкая)

Прадед Владимира Высоцкого, дед моего мужа Алексея Владимировича, — простой рабочий, стеклодув из Брест-Литовска. Бабушка Володи, Ирина Алексеевна Семеновко-Высоцкая, — это доброта и культура, она всю жизнь работала косметологом. Умерла в Киеве в 1970 году.

Когда бабушка приезжала к нам из Киева, то сразу просила послушать новые Володины песни, а мы записывали их с шестидесятых годов. К сожалению, эти пленки пропали: Света Скоморохова — дочь Николая Михайловича Скоморохова, нашего близкого друга, — лежала в больнице и попросила Володины записи. А потом дала кому-то переписать, и так — с концами...

Дед Володи — тоже Владимир Семенович Высоцкий, знаете, у него было три высших образования — после войны посоветовал: пусть Вова поедет в Германию. Все же там масло, молоко, а всего этого дети в России тогда не видели.

Родители моего мужа разошлись, у него было буквально полуголодное детство. Он натренировал собаку — на базарах, на вокзалах она таскала ему еду... Пришлось и через это пройти. И чтобы не быть никому в тягость, он поступил в артиллерийское училище в Ленинграде. Училище он закончил за два года до войны, в 41-м был уже командиром батареи.

С Алексеем мы познакомились за четыре дня до начала войны — только знакомство и обещание писать. Получилось же, что воевали вместе... А с Ниной Максимовной я познакомилась в 43-м году — вместе встречали Новый

год. Очень хорошо помню Володю: ему было пять лет — изумительный малыш. Он тогда меня называл «военная тетя». (В архиве семьи Высоцких хранится фотография тех лет с надписью: «Володе от "военной тети"». — В.П.)

Да, жил Володя на Большом Каретном, на проспекте Мира, но я могу сказать, что всю жизнь он был бесприютным. Очень любил Лиду — племянницу Евгении Степановны. Когда было плохо, ездил к ней «поплакаться».

Алексей и Семен — родные братья, но совершенно разные по характеру люди. Володя сказал в интервью во время гастролей Театра на Таганке в ГДР, что никто из родственников на него не оказал особого влияния — ни отец, ни мать, разве что дядя. Так потом Семен писал в ГДР — правда ли это? Ему прислали подтверждение с печатью. И тогда Семен сказал: «Наверное, Володька был не в себе».

Однажды нам звонят в дверь, Алексей открывает. Стоит человек, потрепанный, плохо одетый, — ну, не сложилась жизнь у человека.

— Грамер, это ты?!

— Боб, ты меня узнал!

Всю ночь сидели на кухне, пили коньяк и разговаривали.

— Боб, ты представляешь, а с Семеном мы поговорили две минуты — в коридоре...

А когда-то в Киеве они втроем дружили...

Алексей дружил с Вадимовым тогда. Снимался фильм «Большая руда», и Алеша таскал Володю на съемки...

...Семен Владимирович опасался брака Володи и Марины. Еле успокоили — она же коммунистка, член общества «Франция — СССР»...

Володя вернулся с Гаити, второй муж Марины водил его осматривать плантации, на которых выращивают черный жемчуг. Семен спрашивает:

— Володька, что ж ты пару жемчужин на память не попросил?

— Ну, папа... Я на заводах выступаю — так что мне, деталь на память просить?!

Вот пьеса Володарского... Там, конечно, много искажений и преувеличений, но суть Семена изображена верно. Он моей дочери Ирэне такой скандал устроил! Я три

дня ее откачивала (после публикации статьи Ирэны Высоцкой «Мой брат Владимир Высоцкий». — В.П.). И все потому, что Ирэна не упомянула Евгению Степановну — «вторую маму»! Хотя в Германии — а мы тогда жили неподалеку — Евгения Степановна исключительно хорошо относилась к Володе.

Когда Алеша умер, Володя был в Париже. Выпил, сидел в аэропорту и плакал — он не успевал на похороны... Потом умер дедушка — он последние годы жил у нас. После похорон Володя провожал меня домой: «Тетя Шура! Вы даже не представляете, сколько вы и дядя Леша значите для меня... И как жалко, что я не мог чаще общаться с дядей Лешей...»

1987—1988

В жизни Владимира Высоцкого были люди, сыгравшие значительную роль в его судьбе, но о которых он практически никогда не вспоминал и никому — даже самым близким людям — подробно не рассказывал. Один из них Георгий Бантош — второй муж Нины Максимовны Высоцкой. Были ли они официально зарегистрированы, точно не известно. Это не столь важно, гораздо важнее, что Высоцкий прожил с этим человеком — вероятно, с перерывами — несколько достаточно сложных лет.

Все люди, которые в те времена хорошо знали В.В. и Нину Максимовну, по вполне понятным причинам очень мало вспоминают о Бантоше. Умер Михаил Яковлев — сын Гиси Моисеевны («вечный сосед», по выражению Высоцкого), который тоже прожил все эти годы рядом с Бантошем. В своих воспоминаниях он только упоминает о нем. В последнем разговоре — уже в больнице — он сказал мне: «Вот выйду, расскажу вам все... Только знайте, что у Володи было трудное детство».

Не вспоминает о Бантоше и Иза Константиновна Высоцкая, первая жена В.В., — не вспоминает, я думаю, потому, что ей трудно говорить об этом. А главная причина, вероятно, в том, что никто не хочет обижать Нину Максимовну. Сама же она нигде публично не рассказывала о Бантоше и очень резко отреагировала на упоминание о нем в книге Аллы Демидовой «Владимир Высоцкий, каким знаю и люблю»: «Евгения Степановна часто и надолго уезжала к мужу (Семен Владимирович после возвращения из Германии служил в Киевском военном округе. — В.П.),

Володя оставался один или со случайно заехавшими родственниками, иногда уходил к матери на Первую Мещанскую, но там был уже другой человек — дядя Жора, муж матери, — и Володя опять возвращался на Большой Каретный».

Повторим, что сам Высоцкий очень немногим и только очень близким людям рассказывал о Бантоше: своей второй жене Людмиле Абрамовой и в последние годы — В.П.Янкловичу.

Л.Абрамова: «Про Жору рассказывал. Со злостью и с хохотом. Рассказывал как о преодоленном. Терпеть он его, конечно, не мог. Но опять же, как рассказывал? Как Жора Бантош боялся Гисю Моисеевну. Как весь дом содрогался при виде Жоры Бантоша, а Гися Моисеевна, бросив котлету, которую она в этот момент валяла в сухарях, кричала на него, махала кулаками и тряпками, приходила обратно, снова брала котлету и продолжала дальше ее валять. То есть не без смеха. Я от него никогда не слышала, что “вот бедная мама...” Просто как факт».

Но на самом деле все было гораздо сложнее. Вспоминает еще один сосед Высоцких по Первой Мещанской, Вартан Тер-Миносян: «В это время (после войны. — В.П.) Нина Максимовна познакомилась с одним молодым переводчиком — она же тогда была очень молодая женщина... У Семена Владимировича была другая семья, и ей надо было устраивать свою жизнь. И так сложилось, что этот человек должен был жить у Нины Максимовны. Насколько я помню, именно в это время Семен Владимирович и предложил взять Володю».

Вот внешняя и очень короткая характеристика Бантоша, которая принадлежит школьному другу Высоцкого Владимиру Акимову: «Жора — второй муж Нины Максимовны — работал учителем... Молдаванин, здоровый такой мужик, красивый, но такой тупой мужской красотой...»

В Германию Володя Высоцкий выехал вместе с Семеном Владимировичем и Евгенией Степановной 2 января 1947 года, время знакомства Нины Максимовны и Г.Бантоша точно не известно. Рассказывает Л.Абрамова: «Нина Максимовна познакомилась с Бантошем на теплоходе, у нее есть фотография — она в шикарнейшей шляпе рядом

с громадным мужчиной. Замуж она вышла в 1952 году, а развелась в 1961-м. Я его чуть-чуть не застала...»

Развелась или просто рассталась? Семен Владимирович Высоцкий: «Потом появился у Нины Максимовны Жора Бантош... "Мой муж! Мой муж!" Но официально они не были зарегистрированы. А сына мне присудил суд, и у меня есть документы...»

Продолжение рассказа Л.Абрамовой: «Но вначале все было хорошо. В письмах Бантоша к Нине Максимовне он тепло говорит о Володе. Это же не сразу все эти безобразия начались». А вот об этих «безобразиях» воспоминаний сохранилось достаточно. Дело в том, что Бантош был пьющим человеком, а пьяным становился жестким, даже жестоким.

Из рассказа М.Яковлева: «Был у Нины Максимовны муж — Бантош такой... Человек очень ограниченный. У них с Володей отношения не получились, честно надо сказать. Однажды ночью мы проснулись от жуткого звона — Жора в Володю запустил графином! Еще один штрих, чтобы вы поняли психологию этого человека. Однажды часа в 3—4 ночи просыпаемся от жуткого шума воды. Врываемся в ванную. Горячая вода уже шпарит через край! Что за елки-палки?! Мы думаем, что кран сломался, мама Володина ведрами черпает воду, а это Жора открыл. Вот такой мелкий шkodник. Жутко эгоистичный человек».

Вспоминает Инна Александровна Кочарян: «Я однажды встретила Володьку — у него пятерня отпечаталась на лице! Жора ударил. Женя держала Семена Владимировича, но он все равно пошел разбираться».

С.В.Высоцкий: «Володька прибежал, вот такое красное пятно на щеке! Я пошел:

— Если ты, гад, хоть раз пальцем его тронешь — убью! Когда Жора пил, доставалось и Володе и Нине».

О том, как доставалось Нине Максимовне, Высоцкий рассказал один-единственный раз Фаине Георгиевне Раневской. А мне об этом поведала незадолго до смерти Елизавета Моисеевна Абдулова:

«Володя рассказал Раневской о том, что молодой муж у матери был пьющим человеком. Он напивался, бил бутылки, а мелкие осколки насыпал под простыню. И сме-

ялся, когда Нина Максимовна кололась. Фаина Георгиевна сказала:

— Володя, вы обязательно должны написать об этом».

Л.Абрамова: «Жора однажды так запустил в Володю табуреткой, что у того чуть не вытек глаз. Жора Епифанцев, зажав глаз рукой, на себе притащил Володю в Склифосовского».

С.В.Высоцкий: «А потом пьяный он бросил в Володьку какой-то мраморной штукой. Хорошо, что промазал, а попал бы — и не было бы Володьки!»

Даже невозможно представить, что пережила Нина Максимовна...

М.Яковлев: «Жора преподавал в школе и одновременно учился в институте, Нина его материально тянула: кормила, поила, иногда и одевала».

Высоцкие вместе с Яковлевыми получают трехкомнатную квартиру на две семьи. Л.Абрамова: «Да, вначале в квартире отношения были терпимыми, даже хорошими. Но потом появился Коля — племянник Нины Максимовны, больной туберкулезом. Потом Володя женился на Изе. И сам Жора болел туберкулезом: больницы, санатории... И все это тащила на себе Нина Максимовна».

Однажды Нина Максимовна сказала мне в разговоре, что когда-нибудь она сама расскажет «про нашу уродскую, ни на что не похожую жизнь»...

Володя Высоцкий взрослеет, он полноправный участник компании на Большом Каретном, его новые друзья старше и сильнее. М.Яковлев: «Лева Кочарян несколько раз ночевал у нас, чтобы Жора ничего не сделал Володе». Вероятно, это было после табуретки и «мраморной штуки».

И еще одно — более позднее свидетельство В.Акимова:

«Володька прибежал:

— Я убью его! Издевается над матерью!»

Мы пошли вместе: ждали-ждали, но Жора тогда не пришел. А потом куда-то совсем пропал». Значит, это уже 60-й или самое начало 61-го года. М.Яковлев: «Жора исчез еще до размена. Он уехал куда-то в Приозерск под Ленинградом».

Вернемся немного назад. В 1957 году в квартире появляется первая жена В.В. Иза Константиновна, но уже весной 1958 года она оканчивает Школу-студию МХАТ, а осенью уезжает на работу в Киев — в Театр имени Леси Украинки. Только ли персональная заявка М.Ф.Романова была тому причиной? А через два года — весной 60-го — Иза Константиновна возвращается в Москву, как тогда казалось — навсегда: 25 апреля зарегистрирован брак, в мае Равенских — главный режиссер Театра имени Пушкина — обещает принять супругов Высоцких в труппу. Подробно обо всем этом Иза Константиновна Высоцкая написала в книге «Старатель» (М.: Аргус, 1994). Равенских ее в театр не взял, другой работы не было: «На театральные неурядицы и связанное с ними мое плохое настроение наложились мои личные обстоятельства, о которых не стоит здесь рассказывать». В мае 1961 года Иза Константиновна уезжает в Ростов-на-Дону — там ей предложили место в Театре имени Ленинского комсомола. «Я не выдержала. Положение неработающей было для меня мучительным. Володя отчаянно сопротивлялся. Уезжать было нельзя, но я уехала».

Всё решили те самые «личные обстоятельства». С.В.Высоцкий: «Володька с Изой жили за занавеской, в проходной комнате. И конфликты были, их просто не могло не быть». Семен Владимирович рассказывал мне о них...

Наступает самый драматический момент. Вероятно, Нине Максимовне пришлось выбирать: либо она расстанется с Бантошем, что и произошло через некоторое время, либо...

М.Яковлев: «У Изы была обида на Нину Максимовну...» Действительно, в своих воспоминаниях она довольно сдержанно говорит о Нине Максимовне и очень тепло о семье Семена Владимировича.

Но Георгий Бантош был для Нины Максимовны, конечно, близким человеком, и были в их отношениях и светлые моменты. Дорога ей была и память о нем.

С.В.Высоцкий: «Нина взяла и повесила Жорин портрет на Малой Грузинской. Я говорю:

— Убери сейчас же! Чтобы Жоры этого тут не было!

Она к Андрею Крылову (в то время председатель московского Клуба самодеятельной песни. — В.П.):

— Вот, Семен сказал...

Но портрет убрала».

За несколько дней до смерти В.В. вместе с В.П.Янковичем ехали по проспекту Мира: «И вдруг он мне с такой обидой стал рассказывать, что мать вышла замуж за этого Жору.... Как он напивался, как орал на мать. Его это просто убивало».

«Поэт без трагедии — не поэт» (Анна Ахматова).

Л.Абрамова: «И мне кажется, что вот эти внутренние подавленные воспоминания о детстве — чтобы наесться досыта, чтобы была крыша над головой и чтобы папа и мама были вместе — это было. Но поскольку это было подавлено долго-долго, поскольку он не трогал этого, старался не вспоминать, оно и стало жадой, чтобы всем было хорошо. Это тот двигатель, который заработал».

Леонид Евсеевич, вы ведь учились с Высоцким в одной школе?

Да, но Аркаша Свидерский, Яша Безродный и я были в другом, параллельном классе, а вместе с Володей учились Гарик Кохановский и Володя Акимов. Володя учился в 8 «б», а мы — в 8 «г», и вот с 8 класса началась наша дружба, образовался этот наш кружок.

Что нас сблизило тогда? Конечно, не разговоры об искусстве. Мне кажется, что ребята, которых я называл, были чуть взрослее всех остальных. Я-то точно был взрослее всех, потому что был «второгодником». Мою мать по ложному обвинению посадили в тюрьму, и одно время я не учился, а целыми днями просиживал в прокуратуре — добивался ее освобождения.

Может быть, все началось с канадского хоккея. Как мне кажется, мы первыми среди школьников Москвы начали играть в канадский хоккей, во всяком случае, мы так считали. И вот где-то Гарик Кохановский достал настоящие «канады». Это была такая радость! Это было что-то невероятное! И никаких щитков, никаких шлемов тогда не было. У меня были обыкновенные «гаги», и я стоял на воротах, стоял в первый и последний раз... Потому что Гарик Кохановский так «заехал» мне шайбой по ноге, что я по сей день это помню. Так что вначале сроднились мы на почве чистого интереса к спорту. Гарик Кохановский в хоккее очень преуспевал, а еще в одном параллельном классе учился будущий олимпийский чемпион — Игорь Деконский... Мне кажется, что

и Высоцкий был с нами, но были ли у него коньки, я не помню, ведь тогда коньки были не у всех, их достать было невозможно. Когда отец мне купил «канады» — это был миг полного счастья и полного тщеславия! У Левки — «канады»!

Мы учились в мужской школе, а рядом была 187-я женская школа. Я помню наши походы на каток и знакомства с девочками из соседней школы. Да, появились какие-то знакомства на катке — и это было в 8–9 классах. Тогда мы еще ходили к нашему любимому завучу Михаилу Петровичу и добивались совместного с девочками вечера. У нас устраивали вечер, но были только мальчики и их родители — тогда мальчики со сцены декламировали стихи и пели песни. И вот Михаил Петрович вдруг устроил нам совместный с девочками вечер в актовом зале 187-й школы, и Володя — это я отчетливо помню — читал басню Крылова.

Но она была переделана...

Да, да — в шутовую, даже пошловатую форму. Это не с точки зрения искусства, а с точки зрения оценки прошлого. Я хорошо помню тот вечер — это наиболее яркая страница нашего детства, по крайней мере в моих воспоминаниях. Это не был сексуальный интерес, но подсознательно мы тянулись к этому... Ни у кого еще не было девочки, с которой бы он встречался; у меня точно не было. И после этого вечера мы стали ходить к кому-то из девочек домой, слушать Лещенко и Козина, пить сухое вино и в темноте есть торт и детские пирожные, которые были маленькие и очень дешевые.

Я очень хорошо помню, что на Трубной площади, в одном из старых домов, жила Вера Козлова, которая казалась мне недоступной, хотя она была нашей ровесницей. Была еще такая Тартаковская, очень красивая девочка. И мы впервые с этими девочками поехали на природу. Мы взяли с собой сухое вино, еду, и я даже помню это место — это было в Кратове, на берегу озера. Когда мы решили, куда поехать на пикник, я сказал:

— Давайте поедem в Кратово — там прекрасное озеро...

Это линия школьная — 8—9 классы, хоккей, совместные вечера, походы на каток... Да, года два мы заливали дорожки сада «Эрмитаж».

Ну, сад «Эрмитаж» — это целая эпопея...

Да, и вы, наверное, знаете это не только от меня. Там недалеко жил Володя Акимов, у него была своя комната, он в те годы был художником, и по тем временам нам казалось, что очень серьезным. Позже и я стал профессиональным художником. Не помню, какие у него тогда были полотна, но помню, что они были необычные.

Это был целый мир, и мне казалось, что другого мира просто не существует, — встречи в его огромной комнате, которая сохранилась до сих пор. Практически это были не отдельные встречи, а ежедневное времяпрепровождение... Мы слушали музыку. Не помню, какая это была музыка. Джазом, например, мы считали песни Утесова, Цфасман, Эдди Рознер — тоже джаз, мы же ходили в «Эрмитаж» на их концерты. Не каждый мог купить билет — просто не было денег, и мы сидели в оркестровой яме, слушали у входа. Сад был великолепный — это кусок дореволюционной Москвы.

А еще мы прогуливали школу, сбегали на «Тарзана»... У пленных немцев, которые строили Петровку, 38, мы оставляли портфели, потому что с портфелями не пускали в кино. А когда были помладше — сбегали в уголок Дурова и часами простаивали у говорящего ворона. На вопрос: «Как тебя зовут?» — он отвечал: «Воронок». «А как ласково тебя зовут?» — «Воронуша».

У Гороховера мы играли в карты. И то, что в карты мы играли на деньги, усиливало к ним интерес. Играть без денег казалось неинтересно. Правда, Гороховер, как мне по сей день думается, был взрослее нас по развитию, хотя был младше на класс — он раньше нас прикоснулся к порочным, что ли, сторонам жизни. Я не в том смысле, что это плохо, просто он больше соприкасался с реальной жизнью, сталкивался с ее негативными сторонами.

Нам никогда не было скучно. У нас была масса интереса, не знаю, высоких ли, но уж не низких — точно. Была живая жизнь.

Вы помните, может быть, был такой процесс врачей. Лидия Тимашук, Герой Советского Союза, раскрыла преступную группу врачей, которые якобы хотели уничтожить всё... У меня мать была «врагом народа»... Некоторые преподаватели в душе были против гонений, и среди них — очаровательная Вера Александровна Дудовская, преподаватель французского языка. Так вот, я знаю, что Вера Александровна нескольких парней из нашего класса водила к себе домой обедать. Но она не говорила: «Пойдемте ко мне обедать», — а предлагала: «Пойдемте у меня что-то посмотрим...» А потом: «Ребята, давайте попьем чаю». А чай с бутербродами — нормальная еда для мальчишки... Так что находились люди, которые хотели нас огрადить, защитить.

А были контакты с дворовыми компаниями: с Малюшкой, с Лиховым переулком?

Значит, была Малюшенка, Крапивинский переулок... У меня эта страница осталась как бы неперевернутой. Но я знал, что есть какие-то кланы, существует какая-то вражда или, будем считать, мелкая рознь. Думаю, что Акимов, Гарик Кохановский и Володя соприкасались со всем этим теснее.

А Петровка, 26 была наша, там жили будущие конькобежцы и хоккеисты — чемпионы мира, а поскольку Деконский учился в нашем классе, его окружение было нашим окружением.

...На катке играла музыка. Это тогда для нас!.. Мне казалось, что я окунаюсь в какую-то сказочную атмосферу — музыка, свет, и еще Игорь Владимирович Ильинский катается на фигурных коньках посередине, мы в одном дворе с ним жили. Каток — это огромная страница жизни.

Петровка, 26 — это был очень популярный каток в центре Москвы, каток «Динамо». Вдоль его освещенного забора обычно выстраивалась очередь за билетами. Билет стоил 2 рубля 50 копеек. Команда Домницера — предводителя лиховской шпаны — раскупала с утра все билеты. Выстраивалась очередь, и ждали, когда кто-нибудь уйдет с катка: уйдут пять человек, продадут пять билетов в кассе. А чтобы долго не стоять, домницерские мальчишки продавали эти билеты желающим по 5, по 10 рублей в субботу и воскресенье.

А еще эти ребята из домницерской компании высматривали в очереди людей, одетых подороже, побогаче, и... У них точно была мафия, потому что контролеры пропускали их безо всякого — они фланировали то на лед, то со льда. Короче, они делали так: заходили на каток без коньков, подходили к тому забору, через который все видно, — глухой забор был примерно по плечи, а выше торчали головы в зимних шапках, — они выбирали себе жертву и сдирали шапку. Но Олег Домницер четко знал, кто принадлежит к клану Петровки, 26, и его дружки нас не трогали.

Вот только один раз пострадал я. Мне отец купил шапку за десять, кажется, рублей — это было что-то фантастическое! Для меня это был праздник! И у меня на катке стянули эту шапку. Я подошел к Домницеру — он стоял, как адмирал Нельсон, и руководил действиями своих подчиненных, — я и говорю:

— Олег, что такое?! У меня только что один из твоих шкетов стянул шапку!

Через десять минут нашли этого человека, вернули мне шапку. Я никуда не ходил жаловаться не потому, что я такой хороший, а потому, что знал отношения. И, видимо, чувствовал защиту: рядом Деконский, Кохановский, Акимов — их всех знает и против не поперет.

Что еще связано с Домницером?.. Помню такую ситуацию: у нас в классе был отличник — Алик Трофимов, сын полковника КГБ. Он тоже жил на Большом Каретном. В общем, Алик нас пригласил к себе на день рождения — это был 9 или 10 класс, точно сейчас вспомнить не могу, — одних мальчишек. Мы играли в пуговицы. Знаете эту игру? О, это была роскошная игра! У Алика, у него одного был громадный стол — полированный, с бортами, и мы пуговицами играли в футбол. Играли один на один — в бортах были сделаны ворота. У каждого было по пять больших пуговиц и одна маленькая, которая изображала мяч. Нужно было так нажать на край большой пуговицы, чтобы она стукнула по мячику, а мячик влетел в ворота.

И вот Алик пригласил нас, мальчишки пришли. Кто был? Володя Высоцкий был точно. Короче говоря, к Алику пришло восемь мальчишек... Отец дежурил, а мать специально, чтобы дать мальчишкам отдохнуть, создать атмо-

сферу, ушла. На столе стояли лимонад и оранжад, бутерброды с любительской колбасой, пирожные и отдельно — чашки для чая.

Мать уходит — гуляйте и все такое. И тут кто-то раз — и вынул из кармана бутылочку сухого вина. В какой-то момент пришел Домницер, притащил настоящую водку:

— Кто пить будет? Никто не будет? Ну, ладно...

Короче говоря, пили-пили-пили, а на следующий день Алик Трофимов красный прибегает в школу — исчез из письменного стола отцовский пистолет.

Началось расследование: вызывали каждого, кто там был. Все мальчишки промолчали, никто ни разу не назвал фамилию Олега, хотя все поняли, что пистолет взял он. В общем, каким-то образом раскрутили это дело, никто ни одной фамилии не назвал, но обвинили Домницера. Как это дальше раскручивалось, я уже не помню, но точно знаю, что через короткое время после этого происшествия Домницера около школы сбил трофейный «студебеккер». А следом шла другая машина — она еще раз его переехала. У него была травма, практически не совместимая с жизнью: была изувечена черепная коробка, но его спасли и выносили для того, чтобы судить за кражу оружия.

Это была случайность, этот «студебеккер»?

Думаю, нет. Думаю, это была акция. И думаю, эта трагическая конфликтная ситуация послужила толчком для написания Володи Высоцким песни «Где твой черный пистолет?».

А что еще запомнилось вам из школьных лет?

Как мы снимались в кино... 1955 год. Юрий Павлович Егоров — знаете такого режиссера? — снимает фильм «Они были первыми». Этот фильм был недавно по телевизору, и я с гордостью показывал моей жене, что «вон мы мелькаем». Это эпизод, которого никто не помнит. А я помню. Есть документы, есть ведомости, по которым мы получали деньги.

Мы едем черт-те куда от центра — Киностудия имени Горького, где я, по иронии судьбы, потом проработал почти двадцать лет. Мы прочли где-то в газете

объявление: «Молодежь в возрасте от 16 до 20 лет приглашается на массовые съемки кинофильма "Они были первыми". Приезжать к такому-то часу, адрес: 4-й Сельскохозяйственный проезд (раньше он так назывался, теперь это улица Эйзенштейна), Киностудия имени Горького».

Мы приехали на проходную. Точно помню, кто был: Гарик, Володя Высоцкий, Володя Акимов, Аркаша Свидерский и Игорь Герасимов, — точно знаю, что пять человек. Нам выписывают пропуска, мы проходим и снимаемся. Восемь часов в жаре, с намазанными лицами мы торчали за спиной Ленина, которого играл Штраух. Это была заключительная сцена фильма, где Ленин на III съезде ВЛКСМ провозгласил: «Учиться, учиться и учиться!» А за Лениным — панорама участников съезда — комсомольцев, и последние три минуты камера все время приближается, таким образом увеличиваются лица — и мы там стоим! По телевизору хорошо было видно, можно было отличить и Акимова, и Высоцкого, и Гарика, и меня. Двадцать лет назад мне это очень польстило.

И вы все ходили смотреть фильм?

Я — да. Я гордился, я всем рассказывал. Мне кажется, что у большинства участников не запечатлелся в памяти этот случай, но я на всю жизнь запомнил эту сцену. Помню, что мы даже получали деньги по ведомости — три рубля — спустя неделю или две. Но дело не в деньгах — сам факт, что мы еще раз были на киностудии. Вот такой эпизод. Это был 55-й год.

А после окончания школы вы встречались с Высоцким?

В 59-м году я вернулся из армии, компания наша к тому времени разделилась. Володя уже стал профессиональным актером, распределился к Равенских. Я искал себя: работал санитаром в морге, готовился поступать в медицинский... Но в конце концов пошел на студию Горького, где долгое время работал художником. С Володей мы редко виделись:

— Вовка, ну как дела?

— Да какие дела — 70 рублей!

Не шикарно, конечно. У меня уже потекла какая-то своя жизнь, закрутка... Еще помню такой эпизод. У нас на студии Шукшин делал фильм «Живет такой парень». Володя тоже был приглашен. Он снимался в фильме, ездил с Василием Макаровичем на Алтай.

Точно?..

Как «точно», когда он в кадре! Как это «точно»! Володя же в кадре — знаменитая сцена «В клубе»!.. И вот они едут на Алтай, на съемки — это Оловянный рудник! — поселение зековское. Володя потом отлично рассказывал, как там за водкой женщины ходят. Он эту сцену увидел и так мне ее рассказал, что у меня сложилось впечатление, будто я видел собственными глазами.

Женщина заходит в магазин, где продают железоскобяные изделия, водку, макароны, бычки в томате — словом, всё в одном помещении. А из магазина она выходит и вот так держит подол — она в нем несет водку, не в чем ее нести после работы — вот она так идет по поселку и несет водку в подоле.

И другая сцена — во время съемок в клубе, где Володя снимался. Играла музыка, местные парни и девушки танцевали. Один из осветителей пригласил местную девушку потанцевать. К нему подошли двое местных и на очень высоких тонах стали что-то говорить. Затеваюсь драка. И в это время подошел Володя, взял обоих за руки и своим голосом говорит:

— Вы чего там?

И парни мгновенно отошли. Это не со слов Володи — это со слов осветителя, который там был...

Больше наши кинематографические пути не пересекались. Один раз мы встретились у Геры Фрадкина, тогда Володя уже был с Мариной. Какой же это был год?.. Наверное, начало их отношений, потому что они еще не были мужем и женой.

Это все, что я могу сказать о Володе, если говорить о хронологии встреч. Более тесно мы уже не общались.

Потом еще были встречи, но мельком — в Сочи, в «Спутнике» — он был с Мариной: они уже были мужем и женой. Не помню, какой это был год... Где-то 72–73–74-й... Были случайные встречи в Доме кино.

- Как дела?
- Всё нормально!

Что у нас еще могло выпасть из разговора, о чем я не рассказал?.. Я не хочу вам ничего говорить о его творческой жизни на Таганке — эти страницы на виду у всех. Для меня дороже то, с чего мы начинали... То, с чего он начинал, в чем он рос и как он рос. А росли мы, по-моему, очень достойно. И не каждый школьный класс давал такое количество имен, да и не каждая школа в целом, я думаю, давала такой выпуск.

Март 1988

Так получилось, что в Школу-студию МХАТ несколько человек были приняты раньше других. 2 июня 1956 года стало известно, что приняли ленинградца Вильдана и москвичей Яловича, Портера и Высоцкого. А поздно вечером в тот же день объявили, что приняты Лена Ситко и я... И всем нам было велено прийти на следующее утро.

А в Москве тогда творились невероятные вещи — примерно как сейчас. 1956 год — начало общественного подъема, «оттепель». В залах Академии художеств на Кропоткинской открылась выставка Кончаловского. Мы зашли в Студию, а потом пошли на эту выставку. Долго гуляли в Александровском саду... Вот тогда-то мы все и познакомились по-настоящему.

И сразу же стало видно, что особенно сблизились Высоцкий и Ялович. Оба москвичи, оба все время хохмили. Но если Гена был смешным сам по себе и шутил по поводу, то Володя всегда кого-то изображал, играл какой-то типаж. В общем, они оба были комедийными, ярко характерными. Чуть позже Володя начал пробовать на нас свои рассказы. И все эти рассказы велись от лица какого-нибудь типажа. С самого начала это было актерское творчество.

Совсем недавно на похороны Юлия Даниэля в Москву приезжал Андрей Донатович Синявский, наш преподаватель литературы, приезжал всего на несколько дней. Так вот, он и его жена Мария Васильевна Розанова рассказывали, что им правдами и неправдами удалось вернуть из КГБ свою пленку с записями Высоцкого. Наверное, это самая ранняя пленка с записями песен, а главное

рассказов. А может быть, и вообще единственная, потому что других записей ранних рассказов Высоцкого не сохранилось.

Некоторые Володины рассказы и записать-то было невозможно. Это были «немые» рассказы. Ну, например, о том, как закусывал его дядя. Дядя говорил тост и по ходу дела выпивал рюмку, но водку не проглатывал. Ему предлагали закуски, а он показывал жестами: это не то, и это не то... А водку все время держал во рту, и мимика от этого была совершенно невероятной! В конце концов ему давали то, что он хотел, и он проглатывал водку... «Вот я и говорю...» — и продолжал тост. Это был просто блестящий актерский этюд. Помнит ли кто-нибудь об этом?

Но наверняка все ребята помнят нашу любимую игру в «бороды». Идешь с кем-нибудь по улице, увидишь человека с бородой, и надо первым сказать: «Моя борода!»; и так нужно было набрать три «бороды». Правила такие. Борода у «Бороды» не считается («Борода» — это был швейцар в ресторане ВТО). Борода в машине или на велосипеде — две «бороды». Борода у милиционера — три «бороды». Ну а если кто-нибудь увидел милиционера с бородой в машине! Это всё! Сразу пять «бород»! И можно заказывать «американку», то есть придумать что-нибудь, чтобы проигравший выполнил.

56-й, 57-й годы... Много тогда всего происходило, казавшегося нам невероятным. Например, впервые в нашу страну приехал итальянский певец Марио Дель-Монако, он пел вместе с Архиповой в «Паяцах». И один из первых рассказов Володи был о Дель-Монако, рассказ от имени Сережи из Марьиной Рощи. Я могу только очень бледно попытаться его воспроизвести...

«Ну, там в пнофкоме дани эти бинеты. Они же сездесят нубней стоят! Ну, я это Нюнке говоню... Я же пенедовик, вобсе... А это же сестой нят пантена! И как же мы долзны выгнядеть! Ну, Нюнка посне смены спать вобсе не стана, сназу в панихмахенскую... Ну, сени мы в сестой нят... там это, стемнено. Высен этот с паноской, пни панаде, весь в ченном. Тут это, музыка, хоть пнась. Нюнка сназу захнапена, ну, понимаесь, она же не спана...»

И эта смешная и грустная история заканчивалась так: «Ну, сто я вам, небята, сказу. Дель-Монака, мона быть, он

и певец. Мона быть, и итаныянский. Мона быть, я нисево не говоню. Но ведь нисево не понятно!»

Или еще один тип — «Вася-ловитор Склизкие руки». Он работает в цирке — ловит, если кто-то из воздушных гимнастов срывается. И этот Вася-ловитор погибает, спасая своего товарища. А на поминках все говорят хорошие слова про Васю, какой он был замечательный человек. И наконец встал Костя-тяжеловес «нижний», сказал речь, а потом сказал «а!» — и все «слепили заднего» (сделали заднее сальто) в честь Васи. Вот такой был рассказ...

Синявский очень ценил эти рассказы Высоцкого. Вообще, с Андреем Донатовичем многое связано. Он пришел к нам не сразу. Сначала русскую литературу нам читал Абрам Александрович Белкин, вот он и привел к нам Андрея Донатовича. Русская литература первой половины XX века. Пришел к нам такой немного странный человек, еще молодой, но уже с бородой. Глаза тоже странные: не поймешь, на тебя глядит или нет. Он говорил очень тихо, с расстановкой, немного растягивая слова. Но сразу же — ощущение доверия к тебе. Но самое главное — что говорит! Называет имена, которые мы не знали. Бунин, Цветаева, Ахматова, Мандельштам. Мы узнаём, что муж Ахматовой, Николай Гумилев, был расстрелян, а сын репрессирован. У нас были не только лекции, но и беседы. Синявскому можно было сказать, что Бунин тебе ближе, чем Горький. Только он всегда требовал, чтобы твое мнение было обосновано. Почему нравится? А почему не нравится?.. Синявский учил нас мыслить...

С другой стороны, Андрею Донатовичу, по-видимому, тоже было интересно с нами. Как потом выяснилось, он впервые столкнулся с такими яркими индивидуальностями, хотя у него были ученики и прежде. Его очень заинтересовал наш «капустник», идею которого подсказал наш любимый педагог Борис Ильич Вершилов. К сожалению, он умер в марте 1957 года. По его идее мы сделали необыкновенный «капустник».

Вообще, наш курс был очень музыкальным. Валя Никулин великолепно играл на рояле. Гена Ялович — на многих музыкальных инструментах, его аккордеон постоянно лежал в Студии. Рома Вильдан тоже играл. Я помню, что и Володя садился за фортепиано, что-то подбирал.

С первого же «капустника», в котором было очень много музыки, мы стали любимым курсом в училище. Изображали педагогов, студийную жизнь.

А Борис Ильич смотрел-смотрел на все это и как-то сказал:

— Знаете что, ребята. Что же вы не делаете настоящих «капустников»? Таких, какие когда-то были во МХАТе!

— Как? У нас нормальные «капустники»!

— Да нет. Вы всё изображаете педагогов, всё про свою Студию. А вот во МХАТе делались пародии на все виды искусства. Попробуйте сделать такой!

И наш курс сделал такой «капустник»! Была пародия на трагедию — мы играли «Отелло». Мавром был Жора Епифанцев, его красили черным. Я играла Дездемону... Выходили люди в красных колпаках со свечами. Жора говорил: «Сначала свечу задую, потом ее». И надевал черный колпак. А перед появлением Отелло я пела:

Как увижу, как услышу,
Все во мне заговорит,
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит!

Потом — пародия на цирк. Все наши ребята сидели на тумбах, как разные звери, и чесали друг друга ногами. Выходила Аза Лихитченко в высоких сапогах, с хлыстом — укротительница! Она засовывала голову в «пасть» Вильдану! А потом под «ап! ап!» они прыгали друг через друга.

В этом «капустнике» Володя очень хорошо изображал Чарли Чаплина. В котелке, в длинном фраке, с тросточкой. Он двигался по-чаплински и пел:

А я бы дал экрану
Второго Ив Монтана!
Но мне сказали: рано!
Сниматься не дают!
Тарам-пам-пам. Пам...

А еще был кусок, когда мы изображали цыганский табор. Все. Весь курс! Этим цыганским табором и кончался наш «капустник». И вот под «Танцуй, Васек черноголо-

вый!» высказывали Большаков и Высоцкий (у него было такое прозвище — «Васек»), высказывали, плясали, а Володя начинал петь французско-цыганскую абракадабру под Ива Монтана:

Жем прямо через Гран-бульвар,
Атанде шоз, атанде шоз, атанде шоз нуар!
Тротуары и бульвары,
Аксессуары!
Пурген кашнэ, ален журне!

А мы все подхватывали:

Аи н-не, не-не! Аи, не-не!

«Капустник» пользовался большим успехом, и, как мне кажется, именно после этого Андрей Донатович Синявский стал к нам присматриваться. Он даже приходил на наши экзамены по специальности. А после этого мы побывали у него в гостях. Не весь курс, конечно. Я помню, что там были Жора Епифанцев, Гена Ялович, Володя Высоцкий, конечно, и еще человека три-четыре. Вот так мы попали в знаменитый подвал к Синявскому.

А тогда в моде были блатные песни. Да, иногда мы гуляем в перерыве по улице Горького, и вдруг Володю окликают: «Ну-ка, Васек, подь сюда». Значит, у него остались старые дворовые знакомства. Более того, они с Яловичем знали эти уличные песни и пели их вдвоем, это было замечательное исполнение! Одна песня была комедийная, и они ее выстроили как диалог: один человек рассказывает, а другой уточняет.

Один:
Я вышел в сад весенний прогуляться.
Стоит она...

Другой:
Стоит одна!

Один:
Не в силах воздухом весенним надышаться.
Он подошел и речь завел:
Мол, разрешите, дама, с вами прогуляться.

Другой:

Она в ответ?

Один:

Она в ответ сказала: «Нет.

И не мешайте мне другого дожидаться!..»

Это было смешно. Я думала, что давно уже все забыла. Оказывается, я запомнила эту песню. А потом была песня «На Перовском на базаре», мы ее пели всем курсом, а я кричала:

Есть вода, холодная вода!

И все подхватывали:

Пейте воду, воду, господа!

Была пленка, где Ялович пел:

На Колыме, где Север и тайга кругом,
Среди замерзших елей и болот...

Так вот, все эти песни были записаны, но я не знаю, куда делась эта пленка и сохранилась ли она вообще. А у Синявского сохранилась — это совершенно точно, потому что он ценил эти песни. И еще, он очень высоко ставил самые первые Володиные вещи: «Это был воскресный день, и я не лазил по карманам» или «Понял я, что в милиции делала моя с первого взгляда любовь». Да, ведь Андрей Донатович вместе с Машей (Марией Васильевной Розановой. — В.П.) сами прекрасно пели блатные песни! От них я впервые услышала эту замечательную песню про Марсель:

Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак!

Синявский был большим знатоком и ценителем такого рода народного творчества, и именно это он ценил

в Володе. Как мне кажется, именно Синявский заставил Высоцкого серьезно этим заниматься. Он считал, что Володино раннее творчество ближе к народному. И до сих пор — мы недавно с ним разговаривали — Андрей Донатович думает, что это у Володи самое главное, самое настоящее...

А как была записана та пленка с ранними песнями и рассказами? Маша специально позвала Володю, когда Андрея Донатовича не было дома, записала, а потом подарила Синявскому. И эта пленка считалась собственностью Марии Васильевны, поэтому из КГБ ее вернули.

Не знаю точно, были ли знакомы Высоцкий и Галич, но вполне могли, потому что когда мы учились на третьем курсе, будущий «Современник» репетировал «Матросскую тишину». Репетировал на нашей учебной сцене. А потом мы даже дежурили у них на спектаклях, были билетерами, когда им давали площадку филиала МХАТа. Да! Когда спектакль «Матросская тишина» запретили, мы хотели ставить эту пьесу в своем молодежном экспериментальном театре. И даже все вместе ходили к Галичу домой, он жил у метро «Аэропорт». И Высоцкий был вместе со всеми. Галич тогда дал нам свою пьесу.

Володя, Володя... Ну, например, впервые в своей жизни я была в ресторане по приглашению Володи Высоцкого. Это было 25 января 1957 года. Мы закончили первый семестр, Володя пригласил Таю Додину, меня и Гену Яловича. Дядя Сема — Володин папа — дал сыну 200 рублей, чтобы отметить день рождения. Мы заняли отдельный столик, и на эти 200 рублей мы пили коньяк, ели икру и другие вкусные вещи. Вот так я впервые попала в ресторан — по приглашению Высоцкого. Тогда у него была такая юношеская симпатия ко мне, но все было очень приблизительно, ничего серьезного... Просто дружеское расположение, которое осталось на всю жизнь.

А потом мы поженились с Геней Яловичем. Была замечательная свадьба осенью 1958 года. Свадьба была в «Праге», и весь вечер «на манеже» был Володя. Он сочинил прекрасный «капустник», и, по-моему, у Гены должна была сохраниться эта пленка.

И на Мещанской у них с Ниной Максимовной мы бывали. Трехкомнатная квартира на две семьи, там еще

жили тоже сын с матерью. Там однажды мы встречали Новый год, а потом на майские праздники поженились Володя с Изой Жуковой. И свадьба была у Семена Владимировича и Евгении Степановны на Большом Каретном. Народу было много, и я помню, что мы пели наши песни.

И после Студии мы общались довольно долго. Я очень близко подружилась с Лилей Ушаковой, женой Жоры Епифанцева, — вот у них я часто и встречала Володю Высоцкого. И не на праздники, а просто так. Было время, когда ему некуда было пойти. Я знаю, что он тосковал, когда они расстались с Изой, но и с ним бывало трудно. Я помню, как мы с Лилей целый вечер возили Володю по Москве. Он пришел уже трезвующий, но еще в тяжелом состоянии. У Лили его оставить было нельзя — куда везти? Тогда только что родился Никита — поехали на Беговую. Денег на такси не было, а Володя в жуткой депрессии. В общем, нам с Лилей досталось...

Айс-Краускле? Это было в 1964 году, осенью. Гена и Володя снимались в фильме «На завтрашней улице», а я приехала на неделю из Ленинграда. Помню, они жили в палатках. Решили ехать в «Лидо» — это был шикарный ночной ресторан в Риге, который недавно открылся. Вышли на дорогу, «голосовали», добирались на «попутках». И там, в «Лидо», мы засиделись. С нами был Толя Утевский, у которого оказались знакомые музыканты, они играли в этом ресторане...

Ресторан закрывается. Но Ялович уже за роялем, Володя поет свои песни. Прошло четыре года после Студии, и у Высоцкого было уже довольно много песен. А за соседним столом сидят пожилые люди — бывалые такие мужики. Их тоже не выгоняют — видно, они дали деньги. И один из них наклоняется к нам: «Ребята! Вы знаете песни Высоцкого?! Да это же мой кореш! Мы с ним вместе срок тянули!» А Володька показывает: «Ребята, только молчите!» А потом мы всей компанией ночевали у Утевского на даче, которую он там снимал.

Вы понимаете, нашему поколению вначале действительно повезло. Как произошел перелом после XX съезда, как перемешалось все в наших мозгах, так и пошло... Многие имена и авторитеты для нас не имели никакого значе-

ния. Нас потом обманывали, водили за нос, но все равно — суть оставалась. Мы были уже другими.

Когда я закончила школу и поступила в Студию, у меня было ощущение, что я все могу! Если захочу — могу полететь! Только надо было очень захотеть. Было ощущение, что все возможно! Хрущев ходит по улицам! Он с Тито прошел по Пушкинской — здесь, у нас! И все нормально! А какой был фестиваль! А потом, когда я стала работать в «Современнике», ведь мы же во время спектакля бегали читать стихи на Маяковку! Отыграем первую картину — бежим на площадь читать Цветаеву, Ахматову, Мандельштама! А потом — назад! И успевали к выходу!

Тогда мы мечтали о своем театре — молодежном экспериментальном. Даже сделали два спектакля. Начинали репетировать пьесу Епифанцева, в которой звучали песни Высоцкого. Но время шло, и все изменилось очень резко — «оттепель» кончилась. До февраля 1967 года мы еще репетировали, собирались, а потом театр распался, к сожалению...

Позже я Володю встречала все реже и реже. Но он обладал таким счастливым человеческим даром — к нему люди навсегда сохраняли прекрасное отношение. Несмотря на то, как сводила и разводила их жизнь. Потому что, как мне кажется, Володя умел видеть и ценить в людях лучшее, главное.

Однажды я встретила Володю на Каретном ряду. Он снимал квартиру в том же доме, где жил Епифанцев. Лиля и Жора уехали в отпуск и оставили нам с мужем квартиру. И мы с Володей встретились совершенно случайно и неожиданно на стоянке такси. Встретились как родные люди! Как будто мы вчера расстались.

Июнь 1989

В Школу-студию МХАТ я поступила в 1954 году. В Студии тогда царила вполне пуританская атмосфера. Ну, например, нельзя было появиться на занятиях не только с накрашенными губами, но и — боже упаси! — с ярким маникюром (только на третьем курсе, когда начались занятия по гриму, можно было немного подкрасить губы). Женя Урбанский, который учился курсом старше, вполне официально вызвал нас и сказал, что второкурсников мы должны приветствовать вставая! «Потому что они в Студии уже пожилы и поработали». И мы со страшной силой ждали, когда мы наконец станем третьекурсниками... Вот тогда мы покажем, вот тогда мы приведем все в полный порядок!

Итак, мы дождались своего часа... И остолбенели, когда 1 сентября 1956 года в Студии появился новый набор. Ничего похожего на нашу чопорность и пуританство! Все пело, плясало и веселилось — на всех лестницах и лестничных площадках. Это был курс Володи Высоцкого, курс, по тем временам, очень раскрепощенный и очень современный. Курс, который пел весь, целиком! Все они были с гитарами и другими музыкальными инструментами.

И сам Володя очень быстро стал центром внимания, а для нашего курса — центром нежности и любви... Уже начались его знаменитые рассказы про двор на Большом Каретном, про Курочку Рябу, про соседа-голубятника Леньку «Гунявого»... Ну, четверокурсники все-таки дистанцию держали... Но Володя полюбил нашу подругу Изу Мешко-

ву-Жукову и как-то сразу пришелся по душе всему нашему курсу.

Знаете, у меня, конечно, бело-розовое восприятие Володи Высоцкого, потому что это Студия, это самое начало жизни... Итак, Иза и Володя поженились — все это было на моих глазах. И многое рассказывала любимая подруга...

— Ты знаешь, что мой натворил... Звонит, говорит, что везет семьсот рублей... Занял тысячу, триста истратил... Приезжает домой, привозит три рубля. Где деньги? — раздал на улице... «Ты знаешь, Изуль, у них такие мрачные лица! Они такие несчастные!»

Муж задерживается у друзей... Звонит: «Изуля, ты хочешь, чтобы я приехал быстро?!» Приезжает быстро, но без свитера. «Где свитер?» — «Отдал таксисту. Но ты же сама хотела, чтобы я приехал быстро, да и свитер был рваный».

Изуля переживает — муж немного непутевый. Ходит взад-вперед... «Изуля, не горбись!» Володя не мог видеть, если она расстраивалась... «Изуля, не горбись!»

Иза окончила Студию, распределилась в Киев. Володя часто приезжал. Однажды пришел в театр на репетицию. А Романов — народный артист СССР, главный режиссер — терпеть не мог, если кто-то посторонний сидел в зале. Кричит со сцены:

— Кто там?

Высоцкий отвечает:

— Пока никто!

А потом Ростов, где я работала и куда после Москвы приехала работать Иза... Естественно, она бывала у меня, бывал и Володя. 1961 год, приезжает Володя. Им надо серьезно поговорить, а у меня одна комната...

— Карина, ну нам же надо поговорить!

— Вы что, с ума сошли... У меня же одна комната.

— Сдай балкон!

Вот там, на балконе, они и поговорили.

Так сложилось, что мы с Володей соприкасались в разные времена, в разные периоды... Первый — это Студия и Иза... Второй — я вернулась в Москву: Володя уже с Люсей, у них дети. А у меня растет Ирина... И вот второй наш — «детский» — период...

Наши дети вместе ездили в загородный санаторный детский сад. Вернее, каждую неделю на электричке мы за ними ездили... Маленький Аркадий был ослепительно талантилив — просто ком солнечного света!

Едем в электричке:

— Дорогие товарищи! Я буду объявлять остановки. Станция «Звезда Альтаир». Следующая — «Столица Амстердам»!

— Тетя Карина, мне исполнилось пять лет. Читать перестал, начал писать...

Володя купил первую дорогую гитару; 500 рублей! — тогда это были деньги. И вдруг Аркадий говорит мне:

— А у папы гитару украли.

— Как украли?

— Да, украли. Вот люди! Он пришел к ним петь, а они украли гитару и французский значок с пиджака!

Французский значок действительно был — это такая деталь, что я во все поверила. Сижу и до самой Москвы переживаю за Вовку... Надо уже выходить, я спрашиваю у Аркаши:

— И на чем же теперь папа играет?

— Ну как на чем? Пришлось отдать ему мою балалайку!

...Сидим у Люси, несколько женщин. Заходит Аркадий:

— Дорогие женщины! Самые милые и любимые! У нас во дворе замечательный мальчик продает замечательный пистолет! И всего за один рубль.

Люся:

— Никаких пистолетов!

— А-а, дуры! Кто вас сюда звал?!

Через некоторое время в комнату вваливается Никита:

— Можно попить?

— Ну иди. Там на кухне...

Никита тихо идет на кухню. Примерно через полчаса в комнату врывается Аркадий:

— А Никита не только украд у вас рубль и купил пистолет, но и не дает мне пострелять из него!

В общем, они совершили все мыслимые преступления: и воровство, и предательство. И я их хоро-

шенько отшлепала! Вот тогда я и поняла пользу наказания. Это же освобождение от вины! И ребята тоже это поняли...

— Тетя Карина, ты живи у нас...

И снова электричка... Аркаша «выступает»:

— Дорогие товарищи! Сейчас я буду петь папины песни!

В заколдованном болоте

Там кикиморы живут...

Пассажиры заинтересовались:

— Мальчик, а почему ты поешь?

— А сегодня у Ирочки день рождения.

— Она кто тебе — сестренка?

— Нет, она — двоюродная девочка!

...Но вернемся к Володе. Мой день рождения, сижу дома, никого не жду. Звонок в дверь — Высоцкий.

— Володя, ты что?

— Да у меня до спектакля час времени, пришел попеть тебе песни...

И протягивает туфельки для Иришки, до сих пор помню их: чешские, фирмы «Батя», 28-й размер (это были лучшие туфли в детстве Ирины). И еще пачку сигарет «Филип-Моррис»...

— Ой, откуда у тебя «Филип-Моррис»?

— Я вчера был во французском посольстве...

...Однажды мне срочно понадобились деньги. Звоню Высоцкому.

— Карина, ты вовремя. Сегодня снял деньги... И «развязываю»...

— Володя, зачем?

— Ты понимаешь, я уже не могу. Мне так тяжело видеть эти мрачные лица! Такое количество несчастных людей! А когда выпью — все в другом свете, все меняется. Я всех люблю! Понимаешь?

Потом редкие случайные встречи... И в 1980 году на Пасху — наша последняя встреча. Это было на Красной Пахре, на даче у Людмилы Зыкиной. Володя заходит, увидел нас — и бросается к Боре (художник Б.Диодоров, муж К.Диодоровой. — В.П.). Обнимает нас и... здороваются

с Ириной. А потом спрашивает: «А это кто?» — «Володя, это же Иришка!»

Однажды мы сидели с дочерью и вспоминали Володю. И моя Ирка вдруг говорит: «Ну вот, дядя Володя умер... Даль умер. За кого теперь замуж выходить?»

1988–1989, Москва

С Владимиром Высоцким мы познакомились в Школе-студии МХАТ. Тогда в Студии была традиция — четверокурсники сидели на приемных экзаменах. Потому что людям было безразлично, кто придет им на смену. Я был на четыре года младше, и тогда это была колоссальная разница. Но встреча произошла.

Видел Володю в выпускных спектаклях. В горьковском «На дне» он грандиозно играл Бубнова. А в спектакле по водевилям Чехова, в «Свадьбе», он играл Папеньку.

Мы дружили двадцать лет и один месяц. Были у Володи знакомые, друзья — школьные, институтские, другие. Люди приходили и уходили... Но, как сказал Леня Мончинский, Володя мог быть за Севу, против Севы — но никогда без Севы. Хотя иногда мы ругались так, что люди вылетали из комнаты.

Мы были из одного времени. Времени, когда пацаны «толковище вели до кровянки...». Я прекрасно помню то время и тех людей. Их сажали в тюрьму, они возвращались, и их знали все — «Мамон», «Червонец», «Шинда»... И при всем уголовном прошлом и настоящем, толкнуть старика, задеть женщину, обидеть ребенка — это было как-то не принято. И была какая-то блатная романтика, даже героика — пусть ложная, но она на нас, мальчишек, конечно, действовала. Какой-то очень интересный — запретный и притягательный — пласт в жизни.

А еще в это же время — возвращение демобилизованных с войны, возвращение репрессированных из сталинских лагерей. На этом якобы блатном материале Воло-

дя уже в самом начале выходил на уровень высокой поэзии. Ведь его первые песни — это как бы взгляд сверху на все проблемы тех лет.

И «врачи-вредители», и «космополитизм» — все это было на наших глазах. А потом шестидесятые годы, хрущевская «оттепель»... Удивительное время! Стихи на площади Маяковского, поэтические вечера, театры, которые могли образовываться сами... В 1961 году при клубе Дзержинского возник такой театр — Московский молодежный экспериментальный театр. Люди, которым было плохо в своих театрах, стали собираться вечерами и до утра репетировать. Помню, были тогда кафе, которые работали до 4 часов утра. И однажды мы зашли поесть в такое кафе, так нас «накрыли»: «Что за подозрительные личности!» И когда мы расходились по разным театрам, то договорились: если будет интересная работа, то тащить своих...

В 1964 году у Володи были сложности на «Мосфильме». Некто Гуревич заявил ему, что, если Володя еще хоть раз «сорвется», его выгонят с «волчьим» билетом. А меня тогда утвердили на одну из главных ролей в фильме режиссера Филиппова «На завтрашней улице». И мы уже знали, что жить придется прямо в лесу, в палатках; значит, если что случится — допустим, Володя «сорвется», — там будет проще. В общем, Высоцкому надо было сниматься в этом фильме.

Мы с Яловичем нашли группу, и я говорю режиссеру: «Вы что, собираетесь фильм делать или ерундой заниматься?! Где вторая бригада, с которой наша должна соревноваться?! Значит, так, мы товарищей уже подобрали, и они должны ехать с нами. И Высоцкий в том числе...»

Съемки проходили под Ригой, на строительстве Плявинской ГРЭС — поселок Айс-Краускле. Действительно, мы жили в палаточном городке, даже вели «натуральное хозяйство»: жарили картошку, собирали и варили грибы. А чтобы сделать жизнь более организованной, образовали свое правительство: премьер-министр — Гена Ялович, военный министр — Высоцкий, министр финансов — Абдулов и вдовствующая королева-мать — Савелий Крамаров. Но потом я совершил «государственный переворот» и всю власть — главным образом финансовую — захватил в свои руки.

По воскресеньям играли в футбол: Школа-студия МХАТ против сборной мирового кинематографа. Странно, но все товарищеские встречи мы проигрывали, если же была ставка — «бутылка с носа», — то выигрывали вчистую.

Так вот, мы вели «натуральное хозяйство» — денег тратили немного. А ведь шли суточные, квартирные — сумма у нас сложилась немалая по тем временам. И мы вырвались на два дня в Ригу — с посещением ресторана «Лидо» и прочими развлечениями. Возвращаемся — и чувствуем, что опаздываем на съемки... А нас предупредили, что съемочный день стоит 40 тысяч рублей, и эти 40 тысяч придется платить нам. Со станции бежали бегом, бежали в дождь. Конечно, опоздали... И съемка была отменена, но ее отменил сам Господь Бог — нельзя было снимать из-за дождя.

Я точно знаю, что там, под Ригой, были написаны песни «Штрафные батальоны», «Все срока уже закончены» и «Мне этот бой не забыть нипочем». Когда мы ехали в Ригу, в кузове «полуторки», Володя вдруг стал куда-то уходить, уходить... «Бумагу! Карандаш!» И огрызком карандаша на пачке «Памира» он почти полностью написал песню «Все срока уже закончены».

Его манера работы над песнями со временем менялась. Я видел Володю, работающим на одном дыхании. Песня часто рождалась в считанные минуты и иногда записывалась сразу целиком. В одной компании сидели до поздней ночи... Не хватило... Пошли в кафе «Арагат», там ночью за 5 рублей можно было купить бутылку водки. Идем, остановились около автомата с газированной водой (Володя мне завидовал, что ударом кулака в нужное место я могу заставить автомат работать без денег). Тогда, у автомата, Володя почему-то повторял чью-то фразу: «Постой, чудак, она ж наводчица». Когда мы вернулись в дом, он ушел минут на пятнадцать в другую комнату и написал эту песню.

Много раз в его песнях я узнавал какие-то вещи, вспоминал детали каких-то событий, но вырваться из деталей, выйти на такую высоту — мог только Высоцкий. Иногда выдавал блестящие импровизации — и нигде потом не использовал. А есть вещи чисто документальные, например «Баллада о детстве»...

Да, работа с годами усложнялась, менялась мелодия, изменялся текст... Вот сейчас мы слушаем концерты — «Батюшки, не та мелодия, не те слова!» — а это Володя впервые на публике попробовал эту песню.

Концерты... На выступления, на концерты Володя часто брал с собой и меня — хотя прекрасно мог бы без меня обойтись. И даже если в день было три концерта, то все эти концерты я слушал до конца, стоя за кулисами. Ведь все они были очень разными: от атмосферы в зале до общения с людьми — многое менялось. И в этом общении на концертах Высоцкий был абсолютно открытым, потому что он был сильным человеком.

Конец июля 1979 года — концерты в Бухаре, Заравшане, Уч-Кудуке... 60 градусов в тени, дует ровный горячий ветер... А ведь приходилось давать и по пять концертов в день. В Заравшане идем на пятый — последний — концерт.

- Володя, побольше расскажи, чуть поменьше спой...
- Сева, ты же знаешь, что я так не могу.

И часто это пятое выступление было лучшим, самым мощным. Мне кажется, что он испытывал какое-то чувство вины перед зрителями, которые пришли на последний концерт. И после этих пяти концертов — встречи с людьми... И иногда поздно ночью у костра Володя вдруг говорил: «А ну-ка дайте гитару».

Осень 1967 года, мы жили вместе в Одессе в гостинице... Володя снимался в «Интервенции», у меня была другая работа. На несколько дней он улетал в Москву, а там как раз в это время проходил кинофестиваль. Вернулся... В каком-то маленьком кинотеатре мы вместе с ним смотрели «Новости дня», и там был сюжет «Звезды кинофестиваля». Появилась Марина... Володя вскочил! «Вон она, смотри! Ну вот, уже нет...»

Первым возвращался в Москву Володя. Я ему сказал: «Возьми ключи от квартиры, но не забудь — я завтра прилечу последним рейсом». Приезжаю домой, звоню — никто не открывает. Расстроился, конечно... Но у меня был отработанный трюк — с лестницы я «нырял» через форточку и приземлялся на кухне на кафельный пол. Я все это проделал, лег спать... Вдруг слышу голоса — вваливается большая компания. Володя знакомит меня с Мариной...

Помню, что были Михалков-Кончаловский, Аксенов... Прекрасно тогда посидели и поговорили.

В 1971 году они расписались в каком-то Дворце бракосочетаний. Свидетелями были Макс Леон и я. После регистрации приехали в тот самый «первый дом от угла» — дом на углу Садового и Каретного ряда, где жил Жора Епифанцев. Так вот в этом самом доме они сняли двухкомнатную квартиру с окнами на Садовое кольцо, но прожили там очень недолго.

Малая Грузинская — это его первая и последняя квартира. То жил с матерью, то в семье отца, бывало, что ночевал и у друзей...

...«Алиса в стране чудес» — детище Герасимова, он был педагогом Школы-студии МХАТ. Вначале он предложил сыграть в этом спектакле мне. И я сразу подумал: «Надо, чтобы Высоцкий написал песни...» Володя отказался: «Это что-то детское». Потом приехала Марина, и мы объединились. Она говорила Володе: «Это же любимейшее произведение детей всего мира!» В конце концов мы его убедили. Работа шла целых два года — со скрипом, с диким трудом... Но пластинка все-таки вышла!

...Володя умел слушать как никто другой — и сразу вникал в суть дела... Я помню, что песня «07» впервые была исполнена в Дубне, на встрече с молодыми учеными. Так они очень удивлялись: «Откуда вы это знаете — "реле там с ячейкой шалят..." Если бы мы решили эту проблему, то это было бы громадное событие». Думаю, что к таким вещам он был подготовлен знанием жизни. Но он из жизни извлекал совершенно неожиданные уроки. Он видел связь между, казалось бы, несовместимыми вещами.

Способности... Вы, наверное, знаете, что Володя в уме умножал и делил пятизначные цифры.

Володин характер... То, что он иногда взрывался, ни о чем не говорит. Вы понимаете, почти каждый день у театра дежурили толпы. И эта назойливость могла иногда вызывать раздражение... Почему он иногда казался замкнутым? Он просто вынужден был что-то отсеивать, чтобы хоть что-то успеть сделать. Ведь у него всегда была масса дел — одного устроить в больницу, другому помочь с лекарствами. А ему мешали, надоедали. Но если он видел

человека действительно интересного — это было совершенно другое дело.

Уговорить, убедить мог кого угодно... Например, одно время он убеждал всех: «Ешьте овсяное печенье — от него не толстеют!» Где не толстеют, с какого бока? — непонятно... Не толстеют, и всё! Но даже женщины, сидящие на жесткой диете, ели это овсяное печенье, и в больших количествах. Сам он ел очень быстро... Говорил, что «стол должен быть представлен на тарелке», — и быстро-быстро все съедал.

Авария в Ефремове — случай совершенно невероятный. Переломы, травма головы... был период, когда врачи ко мне не подходили — «безнадежный»... На вертолете из Ефремова перевезли в Тулу. Там потихонечку стал приходиться в себя. Володя прилетел из Парижа — и сразу помчался ко мне. А в больнице уже привыкли, что ко мне приезжают актеры... Забегает медсестра: «Кажется, сам Высоцкий!» Я решил пошутить — лег на кровать и накрылся простыней. Открывается дверь — я вижу какое-то искаженное лицо... Ведь он мчался к умирающему, но, конечно, не должен был этого показать. Я на всю жизнь запомнил его лицо: затравленные глаза, на губах застывшая улыбка.

Володя мог уйти в «пике» с совершенно случайными людьми. Ну а потом — «А-а, все равно!» — появлялся у нас. Страшное время — всегда кто-то должен был быть рядом. Надо было его «вытаскивать»... Я ему часто говорил: «Володя, надо, надо лечиться!» Был один очень крупный разговор в январе 1980 года. Я хорошо помню, это было в большой комнате, мы стояли у стенки. Тогда я и Вадим Туманов все ему сказали. Но это помогло ненадолго...

В мае Марина уговорила его лечь в госпиталь в Париже, но он в предынфарктном состоянии улетел в Варшаву играть «Гамлета»... Его физиологические резервы были все-таки фантастическими... В июне у Марины умерла сестра — Володя «сорвался» и не полетел на похороны.

23 июля приезжали врачи-реаниматоры. Они договорились забрать Володю 25-го утром — их бригада дежурила через сутки, и 25-го освобождался отдельный бокс. Когда они приехали 23-го, меня не было. А если бы я был в то время в квартире, я бы настоял, и они Володю забрали бы.

24 июля Володя целый день ходил по квартире — стонал, хватался за сердце. В таком состоянии он никогда не лежал... Вечером с ним был Валера Янкович, и уже ночью он поехал домой — помыться, побриться... А в квартиру приехал Федотов (Анатолий Федотов, врач. — В.П.). Я думаю, что Федотов ввел Володе снотворное, чтобы самому поспать. А когда он проснулся, Володя был мертв.

Памятник... Ведь Марина сама занималась когда-то скульптурой. Она сразу же сказала, что скульптурного изображения на могиле быть не должно. «Надо найти камень, похожий на Володю». Но все же был объявлен конкурс на лучший проект памятника. Выставка открылась, мы пришли, посмотрели — все это было не то. И я сказал: «Марина, ты права...» В конце концов решили, что будут работать три группы скульпторов и архитекторов... Марина выбрала проект Давида Боровского: настоящий небесный метеорит, вправленный в строгий земной камень. Мы даже ходили на прием к академику Яншину — с просьбой к Академии наук выделить метеорит для памятника Высоцкому. Яншин прочитал и ни слова не говоря написал на прощении: «Выдать». Ну а потом начался конфликт с родителями...

За те двадцать лет, что мы дружили, Володя внешне очень изменился. В детстве и в юности он был совсем другим человеком — смешным, заводным... Драться не любил и не умел... То есть школьные друзья рассказывают про одного человека, а мы знали другого... Володя изменился невероятно. Росла внутренняя сила, что и дало какие-то физические изменения. Казалось, он даже ростом стал выше. Но в главном, в сути — в любви, в отношении к друзьям, в добре — этот человек не изменился.

1986–1987

Мария Васильевна, вначале вопрос, который интересует всех коллекционеров, да и просто почитателей Высоцкого: сохранилась ли ваша пленка с рассказами Высоцкого?

Эта пленка с устными рассказами Высоцкого существовала и существует. Хранится в Париже, никаких расшифровок никто не делал...

Вы не помните реакцию учеников Андрея Донатовича, или бывших учеников, на процесс Синявского и Даниэля?

Дело в том, что к началу процесса ученики — курс Высоцкого — были уже достаточно далеки... И не просто курс, а ученики той группы, в которой учился Володя Высоцкий и с которой у нас сложились хорошие отношения... А все началось так: после одного из экзаменов они пришли к нам домой и устроили концерт. Эти отношения и в дальнейшем складывались вокруг песен, разговоров. Ни с одной из последующих групп ничего подобного не получилось.

А когда Синявского посадили... Еще до процесса, ранней осенью, через две-три недели, когда о его аресте стали широко узнавать в Москве, Высоцкий приехал ко мне. Он взял гитару и спел песню. Эту песню я уже знала, но в тот момент она прозвучала очень кстати:

Говорят, арестован
лучший парень
за три слова...

И вообще, весь первый год, когда Андрей Донатович был в лагере, — весь этот год перекликался с песнями Высоцкого...

А однажды приехал ко мне Высоцкий и спел «Охоту на волков». Он был сильно выпивши — и все требовал, чтобы мы вместе, сейчас, немедленно! поехали в лагерь! И что Володя через «запретку», через колючую проволоку споет «Охоту на волков» прямо там! И что Андрею Донатовичу это будет приятно!..

Володю мы очень любили... Да, кстати, и магнитофон купили исключительно ради Высоцкого. И на моих пленках тогда ничего, кроме Высоцкого, не было!

После ареста Синявского у нас проводили обыск. И уже в конце обыска увидели, что стоит магнитофон, что лежат пленки, и начали их изымать.

Я подняла невероятный крик! Доказывала, что обыск по делу Синявского, а мои пленки к этому делу не имеют никакого отношения. Это мое личное имущество, и пусть они принесут ордер на обыск уже по моему делу — а так не отдам, и всё!

Тем не менее пленки они забрали. А потом я очень долго скандалила, чтобы мне эти пленки вернули! И в один прекрасный день я «доскандалилась»! Пленки мне вернули. Но предупредили, что один из рассказов стерт, потому что он антисоветский. Это был рассказ, который мы называли «Рассказом о двух крокодилах». На самом деле было не два, а три крокодила — один утонул, один стал секретарем райкома, третий остался крокодилком... Совершенно дурацкая история: там еще была медведица, которая оказалась Надеждой Константиновной Крупской! На этом основании рассказ был стерт...

Как только я пришла домой, сразу же поставила эту пленку — и ожидала на месте этого рассказа «дырку». И вдруг слышу вполне нормальное звучание! То есть у них там техника барахла...

И тут я поняла, что мир един и что все в этом нашем мире связано... И что в стране, где никто не умеет работать, не умеет работать и КГБ.

А какие были рассказы?

«Космонавт номер тысяча с чем-то...» — Володина фантазия о том, как он готовился в космонавты... А чаще всего это были экспромты: Володя заводился от какой-то фразы, а дальше все шло и шло...

Но среди всего прочего на пленке есть и старые театральные байки — бродячие театральные сюжеты... «Про Анку Карэ», «Про драму в цирке» — есть такой рассказ... Эти рассказы я слышала в самых разных вариантах и в самых разных исполнениях...

Записи песен вернули?

Да, конечно. Причем все — в оригиналах.

Правда ли, что Андрей Донатович больше ценил устные рассказы Высоцкого, чем его песни?

Нет, неправда. Он ценил и то и другое. Об этом говорил и Высоцкий в одном из своих выступлений.

Как происходили сами записи?

Мы записывали Володю у нас дома. В доме была гитара — только для Высоцкого, больше никто на этой гитаре не играл. Ни до, ни после... Так вот, мы жили в большой коммунальной квартире, в доме без телефона... — и вдруг раздаются три звонка в дверь! Заходит Высоцкий, он почти всегда приходил без предупреждения... Мы жили на улице Воровского, в центре города, а Высоцкий работал, кажется, в Театре Пушкина — бывшем Камерном, — и было вполне естественным после спектакля забежать к нам...

Итак, Володя приходил вечером, пел, и вначале это было абсолютное счастье... А потом мы думали: ну когда же он уйдет?! Потому что к этому времени Володя был пьян в дупель, а у нас коммунальная квартира.

Сейчас опубликован «Дневник Высоцкого», Владимир Семенович там пишет, что он присутствовал на вручении премии Андрею Донатовичу. Что это была за премия?

Это была премия за лучшую иностранную книгу года, Андрей Донатович получил ее за повесть «Голос из

хора», которая тогда только что вышла на французском языке.

Правда ли, что на церемонии присутствовал Солженицын?

Нет, Солженицына там не было.

Как часто Высоцкий заходил к вам в Париже?

В Париже были встречи, но их было немного, Марина Влади боялась этих встреч. Потому что тогда Марина Влади была «девушка официальная» и была заинтересована в добрых отношениях с советскими властями. И мне кажется, боялась общаться с «особо опасными»...

Как же Высоцкий — кстати, вместе с Мариной Влади — решился пойти на вручение премии?

Ну вот взял и решился! Я читала это место в дневнике Высоцкого, и я вижу, как невероятно осторожно Володя пишет об этом. Хотя это — дневник. Но те отношения, которые были у нас в Союзе, они все-таки стимулировали — и он пришел. Он мог преодолеть некоторый страх...

А вообще, судьба и конец Высоцкого меня очень огорчают...

В последние годы мы с ним практически не виделись. По мере общения с Мариной Влади он все больше и больше становился «официозом»...

Но вы это чувствовали во Франции, а здесь все происходило несколько по-другому...

Я не знаю, как он вел себя в России и общался ли с персонами нон грата...

Ну, например, до самого отъезда Аксенова Высоцкий общался с ним...

Аксенов не «лагерник», на нем не висела статья. Тут есть свои повороты и нюансы...

Наши отношения стали разлаживаться только в самый последний период, и это было связано с Мариной Влади. Не то чтобы отношения стали портиться — просто наши поезда шли в разные стороны... И расстояние все увеличивалось и увеличивалось...

Масса вещей, которые сейчас происходят вокруг Высоцкого, огорчают. Мне кажется, что нет ничего страшнее памятника на его могиле. Я представляю себе, как крутится в ней Володя... Во всяком случае, Володя тех времен, когда мы его знали. Потому что это был совершенно другой человек...

28 февраля 1992, Москва

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

В Ленинграде-городе,
У «Пяти углов»,
Получил по морде
Саня Соколов...

В.Высоцкий

Очень близкая всем нам семья — Сани Соколова.
А.Макаров

Когда и как вы познакомились со знаменитой компанией с Большого Каретного?

По-моему, это был 1956 год... К тому времени я уже работал тренером по самбо. Захожу в Спорткомитет, а инспектор мне говорит:

— Слушай, возьми к себе ребят, им надо позаниматься.

— Но мы уже далеко ушли.

— Ну все равно, возьми.

Мы набирали ребят в сентябре, начинали с азов, а это было где-то в конце ноября, и новичкам надо было догонять. Ну, что делать, я говорю:

— Ладно, ребята, приходите.

Пришли Лева Кочарян, Артур Макаров, Толя Утевский и еще кто-то, уже не помню. И начали они у меня заниматься. А где-то в апреле Лева Кочарян говорит:

— У меня скоро съемки, надо двух-трех девочек подготовить...

И эти девочки тоже стали заниматься у меня. Да, а мой отец — шофер, он некоторое время возил Сергея Аполлинариевича Герасимова, приемного отца Артура Макарова. Потом они продавали «Победу», а покупали «ЗИМ». Отец эту старую «Победу» у них купил. Так Артур стал бывать у нас дома, а я бывал у него, ездил и на дачу в «Песках»...

Да, вспомнил! Девушек Лева Кочарян привел позже — гораздо позже — году в 65-м... Они занимались у меня месяца три, занимались со страховкой. Я показывал

броски, боевые приемы, и мы слевой решали примерно, что в какой сцене надо делать...

Наверное, для фильма «Неуловимые мстители»?

Да, как раз снималась первая серия. Тогда я познакомился с Олегом Савосиным — первым нашим каскадером. Должен был ехать к ним на съемки в Каховку, но не получилось... Я тогда готовил к соревнованиям команду из ВВС. А когда начались съемки в павильоне, в некоторых сценах участвовали мои ребята. Саша Меркулов, потом он стал чемпионом Европы, Иван Царев... Я где-то там лечу вниз головой. В общем, мы делали все эти трюки. Потом следующая картина — и пошло и пошло...

А в фильме «Один шанс из тысячи» вы снимались?

А как же! Там даже фамилия Соколов у одного из героев. Это ноябрь-декабрь 67-го года. Я был дублером у братьев-близнецов — помните таких? На съемки приехал Андрей Тарковский — он был художественным руководителем картины.

Когда вы познакомились с Высоцким?

Володя пришел вместе с ребятами в 1956 или 1957 году — точно не помню. А у меня в самом центре была уникальная квартира — другой такой квартиры в Москве больше не было. Дом до революции принадлежал винозаводчику Шустову. У него был винный завод в Москве, винный завод в Ереване и еще один в Кизляре. Шустов был поставщиком Двора Его Императорского Величества! Коньяк Шустова, «кизлярка» Шустова, а особенно славилась «Рябина на коньяке»... Во дворе большого дома были флигели, где жили дворники, кучера, всякая прислуга. А в глубине двора стоял каретный сарай, с сеновалом наверху. В сарае сделали гараж, а сеновал пустовал.

Мой отец в тридцатых годах работал в Харбине, потом мы переехали в Москву — его назначили замдиректора автобазы «Интуриста», а квартиру не дали. Но отец получил хороший стройматериал и на этом сеновале построил отдельную квартиру. У меня же была своя комната — в мансарде, и железная лестница выходила прямо на ули-

цу. А рядом — улица Горького, Пушкинская площадь... Кто только не заходил! Все эти неприкаянные тогда ребята — и Миша Туманишвили, и Володя Акимов, и у Артура Макарова квартиры тогда не было...

И вот ребята собираются. Денег нет. Берем пару бутылок водки, кильку в томатном соусе, плавленые сырки — всё! И начинается серьезный разговор за жизнь! Все было хорошо, но мне приходилось тяжело — я один из всей компании не курил, так что держался поближе к окну. В разговорах этих что-то я не воспринимал, что-то вообще не принимал — у меня же свои взгляды на жизнь. И вся эта наша жизнь в Володиных первых песнях.

Талантливые ребята, но жизнь-то у них была... Артур Макаров после истории с «Новым миром» (после публикации повести в этом журнале он был исключен из Литературного института. — *В.П.*) года три жил впроголодь. Андрей Тарковский после запрещения «Рублева» сидел без работы. Вот что хочешь, то и делай! Хорошо, знакомые ребята готовились снимать фильм «Красные пески» — взяли его туда художественным руководителем. Месяца три-четыре он работал... У Володи были проблемы в театре, Лева таскал его в свои картины. Выпить любил, но не так, чтобы очень.

Собирались и чудили — могли петь, кричать, стучать — и никому не мешали. Глухие стены, а под нами гараж. Володя пел. Иногда мои родители что-нибудь поесть подбрасывали. Потом я женился — готовила жена. Артур говорил:

— Саня, пить мы можем где угодно, а вот поесть только у тебя.

Но собирались ведь не только у меня — и у Кочаряна на Большом Каретном, и в комнате у Володи Акимова, и у Туманишвили в его расписанной комнате, и у Артура — где бы он квартиру ни снимал...

Однажды сидели у меня, вваливается Володя. Он как раз вернулся из Магадана. Это когда он из Одессы вместо Москвы полетел в Магадан. Рассказывал, как прилетел, как чудили с Кохановским. Про Марину рассказывал, но у меня она была только один раз, и то мельком. Где-то с 69-го года Володя стал отходить, да и компания

уже распалась. Появились семьи, у всех разные интересы...

Ну а «В Ленинграде–городе, у “Пяти углов»...”?

Не знаю. Наверное, просто в рифму. Это я уже потом услышал. Ну, думаю, увековечил меня Володя Высоцкий. Я даже, когда был в Ленинграде, пошел посмотреть, что это за «Пять углов»... Общались мы в одной компании примерно лет десять. Прекрасное было время – незабываемое!

Сентябрь 1989, Москва

Юрий Борисович, когда вы попали на Большой Каретный?

В 1951 году я поступил на юридический и учился там вместе слевой Кочаряном. Мы учились в одной группе и, как говорится, сидели за одной партией, и через Леву я познакомился со всеми остальными – с Утевским, с Макаровым, с Туманишвили... И на дне рождения Утевского я впервые увидел Володю Высоцкого; скорее всего, это было в 55-м или 56-м году. Я хорошо помню, что Володя пришел с гитарой и спел шуточные куплеты, посвященные Утевскому.

После третьего курса я ушел работать в уголовный розыск, а Лева закончил университет и должен был тоже работать в милиции. Но Сергей Аполлинариевич Герасимов взял его ассистентом на «Тихий Дон», и вся дальнейшая жизнь Кочаряна была связана с кино. Потом Лева женился на Жене Крижевской, а она жила в том же самом доме на Большом Каретном. Вот в этой квартире и существовала наша компания. Вообще ребят было много, но постепенно сформировалось ядро, которое Артур Макаров называл «первой сборной»...

Каким вам запомнился Высоцкий?

Это был совсем молодой парнишка, симпатичный и очень живой. По-моему, он уже учился в Школе-студии МХАТ. С Володей мы тогда довольно много разговаривали. Понимаете, у меня так сложилась судьба, что я с тринадцати до пятнадцати лет был на фронте – воспитанником,

или, как говорят, «сыном полка». Потом некоторое время я учился в мореходном училище, учился и в цирковом. И только после этого поступил на юридический. Ребята, конечно, об этом знали, а вот Володе я рассказывал о своей жизни...

В те послевоенные годы мы не сразу определились. Во всяком случае, многие из нас. Кочарян некоторое время учился в училище гражданской авиации, потом в Институте востоковедения... У Артура Макарова вообще очень сложная судьба... Поэтому много разговоров было о жизни, которую мы знали к этому времени достаточно серьезно.

Где вы тогда работали?

Вначале — «на территории», в 62-м отделении милиции на Тишинском рынке, а перед уходом в коллегию адвокатов — на Рижском вокзале. Насчет «громких» дел я особенно похвастаться не могу, но дела были всякие... Ребята многие знали, и Володя — тоже. А в одном деле ребята даже участвовали. Мне надо было задержать такого Лапчева Женю — он скрывался. И мы его задержали вместе слевой Кочаряном. Взяли в Электрическом переулке, прямо на улице. Был там такой знаменитый дом.

Первые песни Высоцкого — уличные, дворовые. Как вы думаете, почему они были именно такими?

Я не думаю, что они были именно такими потому только, что Толя Утевский и я работали в уголовном розыске. Хотя в первых Володиных песнях — всё из наших разговоров, из нашего быта, из нашей жизни.

Тогда была мода — многие пели такие песни. А еще уголовный мир в нашей стране обладал какой-то притягательностью. Помню, что Володя этим интересовался. Я ему рассказывал про одну женщину, которую хорошо знал, про женщину из этого мира. Рассказывал, как она попала в Магадан, на Колыму — прошла по тюрьмам... Володя интересовался особым языком этого мира, и что могли, мы ему рассказывали.

Вы помните сам процесс записи первых песен?

Первым его стал записывать Лева Кочарян. У него был старенький магнитофон «Днепр». Лева подклады-

вал под микрофон книги, усаживал Володю, и они начинали записывать. Лева делал все, чтобы лучше получалось. Володя тоже очень серьезно готовился... В общем, это всегда был очень серьезный процесс, почти как в студии.

А вы видели Высоцкого работающим, то есть когда он писал ручкой по белому листу бумаги?

Нет. За исключением, пожалуй, одного случая... Я заехал за ним, Володя жил тогда у своей мамы, где-то на Профсоюзной. Я приехал, Володя мне открыл и говорит:

— Извини, мне надо дописать...

И вот он при мне стал что-то писать, дописывал прямо на ходу. Я помню, что он был очень веселый:

— Ну все, ну сейчас...

Но это было уже позже...

Что вам запомнилось с самых ранних лет?

Запомнился такой случай с Володей. В 60-м году лежал я в госпитале, на Петровке. На последнем этаже поликлиники МВД было такое отделение... Это был, очевидно, сентябрь или октябрь. Мое заболевание связано было с печенью, и жена приносила мне очень много винограда. А ребята приходили совершенно голодные и съедали весь этот виноград. Володя наелся винограда и пел для меня, правда не в палате, а на балконе. Сбежались люди и слушали его...

Каким было ваше отношение к первым песням Высоцкого?

Может быть, это не очень скромно, но я Володю оценил чуть ли не одним из самых первых. Я не только его ценил, но и отстаивал... Однажды мы собрались у Артура Макарова — он тогда жил на Звездном — и сидели на кухне. Я помню, что Артур и Андрей Тарковский Володю немало зажимали, а я все повторял:

— Да у него все хорошо, не надо лучше! Уже! У, здорово!

Артур и Андрей возражали:

— Вот ты всегда споришь. А ведь Володя мог бы куда более серьезные вещи писать!

Мне кажется, что уже тогда Володя был крупной личностью. Если бы он не состоялся как поэт и певец — хотя этого просто не могло быть, — то он мог бы стать крупным артистом типа Райкина или Хазанова, хотя несколько в другом жанре... Уже тогда Володя так здорово работал со словом, так талантливо рассказывал, мог подать самые простые вещи так, что мы все лежали от смеха. И мне тогда казалось, что он все равно станет известным и знаменитым.

Я знаю, что два человека сразу же оценили первые песни Высоцкого; а кто был второй?

Кочарян, конечно, Лева.

Вы как-то соприкасались с фильмом Кочаряна «Один шанс из тысячи»?

Что значит соприкасался? При мне писался сценарий. Артур писал его сам, но сценарий дорабатывался, набравывался в разговорах. Многие что-то предлагали, особенно Лева. И всем нам было очень интересно. Это был первый самостоятельный фильм Кочаряна, поэтому Лева очень серьезно относился к работе. Лева предложил мне сняться в фильме в роли немца, а я сказал, что в роли немца сниматься не буду. Принципиально. Но, вообще говоря, я был очень занят в то время. Они все уехали в Одессу, а я остался в Москве.

В конце шестидесятых годов в вашей компании уже не было единства?

Да, у нас произошла размолвка. Вначале между Артуром и Левой — какая-то меркантильная история... Я остался на стороне Артура, хотя с Левой не порывал. А вскоре Лева заболел, заболел очень серьезно и знал об этом. Он несколько раз лежал в больнице. Однажды мы приехали к нему с Андреем Тарковским. Левка лежал зеленый: он тогда принимал какую-то химию, и цвет лица у него был желто-зеленый. Мы были настроены очень решительно: расцеловали, растормошили его — и Лева немного взбодрился... А потом, в последние дни, он уже никого не хотел видеть.

Вы, наверное, знаете, что у Высоцкого было какое-то чувство вины перед Кочаряном?

Чувство вины было... И было, наверное, у всех, и у меня в том числе. Лева умер, ушел, а нас рядом не было. Наверное, от этого... Ведь Лева абсолютно для всех нас был человеком эпохальным. Он очень много значил для каждого из нас, и как-то не верилось, что он может так рано уйти.

Но Высоцкий еще до смерти Кочаряна начал отходить от вашей компании?

Да, он уже стал более самостоятельным, был весь в делах. У него пошли спектакли, концерты, и общения стало меньше, просто не хватало времени.

Но как-то у нас с ним произошел один очень интересный случай. Театр гастролировал где-то в Прибалтике, кажется в Риге. И там вдруг были совершены какие-то преступления, связанные с изнасилованием, и почему-то дали словесный портрет человека, похожего на Высоцкого. Не знаю, что там конкретно произошло, но Володя очутился в Москве, пришел ко мне и вот здесь, в этой комнате, жил два дня. Скорее всего, он просто уехал оттуда, потому что его могли задержать. Задержать и предъявить потерпевшим. А знаете — люди в таких случаях могут сгоряча и ошибиться. И когда Володя пришел ко мне посоветоваться, я сказал:

— Сиди здесь и никуда не выходи!

А в это время мы вместе с Борисом Скориным (сотрудник уголовного розыска. — В.П.) наводили справки. В конце концов мы узнали, что к Володе это никакого отношения не имеет... Вот такой случай, когда Володя пришел ко мне за помощью как к знающему человеку. Скорее всего, это было самое начало семидесятых годов.

И еще. В нашей компании я был одним из первых автомобилистов — с 55-го года у меня был старый «Москвич». За рулем этого «Москвича» побывали многие наши ребята. Володя на машине не ездил, но знал о моем увлечении автомобилями.

Однажды, когда у Володи уже был «БМВ», мы встретились прямо на улице. Виделись мы тогда уже очень редко, буквально два-три раза в год, в каких-нибудь компаниях: у него давно была своя жизнь...

И вот мы с женой едем в «Жигулях», и вдруг сзади нам мигает «БМВ». Я остановился – выходит Володя. Я ему говорю:

- Ну, у тебя и аппарат, черт возьми! Ничего себе!
- Аппарат как аппарат...
- А здорово бегают?
- А ты садись, попробуй!

И мы на этом «БМВ» мотанули по Бородинскому мосту, развернулись, поехали по набережной в сторону Воробьевки. И я на этом кусочке сумел выжать километров 170! Наверное, можно было и больше.

Вот так он вспомнил, что я ценитель всех этих автомобильных дел.

Позже вы встречались?

Да, однажды Володя пел в нашей юридической консультации. Это было в 1972 году. Наши адвокаты просто с ума сошли, когда он спел «Охоту на волков». Вот тогда я в полной мере ощутил величину его славы...

Кто и как организовал этот концерт?

Заведующая нашей консультацией, Лидия Максимовна Каменева (к сожалению, ее уже нет в живых), узнала, что я знаком с Высоцким:

– Юра, ты не мог бы сделать так, чтобы Высоцкий пришел к нам и попел?

И Володя пришел... Это было на Фрунзенской набережной, наша консультация теперь в том же месте... Мы устроили какой-то вечер – тогда еще было можно с вином, были самые простые закуски, и Володя просто пел... Поел с нами винегрета и пил только лимонад. А потом многие на него набросились:

– Как бы с вами договориться... А вы не могли бы поехать туда-то...

Володя ответил:

– Только через Юру.

Да! Он тогда сказал, что начал писать песню «Сегодня в гостях у адвокатов», и прямо там, за столом, стал что-то записывать. Это хорошо помнят все, кто там был, но, насколько я знаю, Володя такой песни не написал.

А как вы узнали про смерть Высоцкого?

Так получилось, что я в этот день уезжал за границу. Да, это было 25 июля: у нас с женой были визы – мы на своей машине уезжали в Чехословакию: я заканчивал войну в Чехословакии, в Праге, и решил съездить туда, взглянуть...

Так вот: была виза, и нужно было пересечь границу точно в определенное время. Шла Олимпиада, и все было очень строго. И вдруг позвонил Артур – жуткая совершенно вещь: умер Володя. Но мы должны были уехать – поэтому я не попрощался с Володей. Вот такая история...

И уже после его смерти со мной произошел немного странный случай, связанный с Володей... Однажды я приехал в Первую тюрьму, в «Матросскую Тишину». Приехал встретиться с одним своим подзащитным – горели сроки, нужно было срочно подать жалобу. Это была пятница – приемный день, но мне сказали:

– Сегодня приема нет, у нас карантин. Иди в кабинет к начальнику тюрьмы...

Вижу, у него на стене висит портрет Высоцкого – такая расхожая фотография, с гитарой, вообще-то она мне никогда не нравилась. И вот начался разговор, который у нас не получился. Откровенно говоря, я разозлился и просто «послал» этого начальника тюрьмы.

И тут он мне заявляет:

– Ах, ты так?! Ну, я тебя проучу! – И к секретарю: – Давай сюда кого-нибудь из персонала! Сейчас мы этого адвоката оформим, будет знать, как здесь ругаться!

Я не выдержал:

– И у тебя, гадина, еще портрет Высоцкого!

– А ты чего о Высоцком знаешь?

– Я-то знаю, а вот ты ничего не знаешь!

– Ну-ка, погоди чуть-чуть, – сказал он секретарю, и оказалось, что этот начальник тюрьмы работал в МУРе и даже встречался с Володей. И когда он узнал, что я люблю Высоцкого и даже имел к нему какое-то отношение, он моментально стал другим человеком: – Ну, хорошо... Извини, что так получилось.

Он мне выделил специальную камеру, где я и поговорил с моим подзащитным.

И последний вопрос: главная черта характера Высоцкого?

Знаете, бывают такие люди, которые принимаются целиком, во всем, абсолютно. Вот Володя был именно такой парень. Я не помню никаких его поступков, которые могли кого-нибудь задеть, обидеть... Не то чтобы его надо было защищать, он очень точно входил и выходил — в любой ситуации.

А главное, по-моему, в нем было чувство справедливости. Он хотел, чтобы все было по-справедливому, и искренне и честно говорил об этом в своих песнях.

Декабрь 1988

С Володей Высоцким мы познакомились на Большом Каретном. Я тогда дружил с Артуром Макаровым, он меня и привел в знаменитую квартиру Кочаряна. Поднимаемся по лестнице, заходим — большая комната, огромный диван... У нас с собой, естественно, было: ставим на стол, открываем бутылки... Но Артур говорит:

— Нет, без Вовки не пойдет.

— А кто это?

— Да один гениальный мальчик.

«Гениальный мальчик»... — это меня тогда удивило.

Мы все были тогда молоды, все что-то делали, все пробовали себя... И, в общем, были сдержанны в оценках друг друга. И вдруг — гениальный мальчик?!

Артур набирает один номер, второй, третий... В конце концов Высоцкого нашли. Приехал небольшого роста крепкий парень. Выпили, Володя взял гитару. Всем присутствующим песни, наверное, были давно известны, но я-то их слышал впервые! Хорошо помню, что он спел тогда «Большой Каретный».

Вот с этого вечера и начались наши встречи: разные компании, разные люди, разные события...

Компания была большая и самая разнообразная: люди появлялись и исчезали... Был основной состав или, как говорил Артур Макаров, «первая сборная». Была и «вторая сборная» — это ребята помладше. Приходил Василий Макарович Шукшин... В прошлые годы я был чемпионом страны по боксу, участвовал в Мельбурнской олимпиаде. Запомнил, что однажды Шукшин сказал мне:

– Эдик, вот если я тебя со всей силы ударю, неужели ты устоишь?!

Квартиры в Москве у него тогда не было, и иногда Василий Макарович оставался ночевать на Большом Каретном.

Вечер Шукшина в Доме журналистов. Естественно, Большой Каретный представлен в полном составе. Я немного опоздал, стою сбоку у двери. Василий Макарович говорит о Толстом и о толстовстве... Тогда мне это казалось таким далеким и неинтересным. Стою, рассматриваю зал. В первом ряду вижу Высоцкого. Меня поразило, что он буквально впитывал каждое слово Шукшина. Это я очень хорошо запомнил.

Слевой Кочаряном мы подружились. Помню, как он провожал меня в Сибирь, я уезжал туда работать. Сидели у меня... Смотрим на часы — ну все, опоздали! Лева уже на ходу заталкал мои вещи в вагон.

В Сибири я прожил два года. Там познакомился и подружился с Сашей Вампиловым. Знаете, какая у него была любимая шутка? Саня говорил, что свататься лучше всего ездить на тракторе! Естественно, его спрашивали — почему? Он отвечал так:

– Во-первых, солидно. А во-вторых, надежный задний ход!

На Большом Каретном я «специализировался» на боксерских байках... При мне тренировался легендарный, великий боксер Николай Королев. И один из первых секретарей обкома якобы приглашает Королева жить к себе в область и защищать ее цвета.

– Если переедет к нам — сделаем всё. Пусть составит список.

И Королев пишет: квартира, финская мебель, машина, скаковая лошадь, жокейская форма... Длинный список. Этот секретарь читал-читал...

– Да, но где же боксерские перчатки?!

1956 год. Последний бой Королева, этому я был свидетелем... Великому Королеву тогда было уже за сорок, но он решил бороться за право выступить на Первой Всесоюзной спартакиаде. Соперник — молодой парень Лева Мухин. Они выходят на ринг, и вдруг Лева проводит удар! И сам Королев оказывается на полу! Медленно он стано-

вится на одно колено... Зубами медленно развязывает шнуровку... Смотрит на боксерские туфли, на пол... Крепко выругался — «так-перетак»!

– Ну вот. Не могли канифоли насыпать!

Он рвался на ринг, очень хотел закончить ярко. Но после этого боя ушел навсегда.

Рассказывал я и про свои зарубежные поездки — тогда это было большой редкостью. На текущие расходы нам выдавали чисто символическое количество валюты, купить на эти деньги что-нибудь было практически невозможно. Владимира Енгибаряна помните? Так вот, у нас с ним в Риме был свободный день, и Володя говорит:

– Я тут в телефонной книге нашел один очень богатый армянский магазин. Давай поедем — хозяин за значок с Араратом нас обует и оденет. Это точно!

Денег на такси, естественно, нет, долго шли по раскаленному Риму. Идем, идем, блеснуло стекло. Подходим — шикарная вывеска «Казарян». На приставной лестнице стоит человек и драит эти буквы. Спрашиваем:

– Где хозяин?

Он так презрительно, сверху вниз, посмотрел на нас:

– В Нью-Йорке...

Оказалось, что у этого Казаряна была целая сеть магазинов по всему свету.

Вообще в этой компании было много блестящих рассказчиков — особенно, конечно, Володя. Я не был другом Высоцкого, просто мы встречались в этой большой компании. Это общение всем нам очень много давало, хотя тогда мы этого не понимали. А вот теперь...

Я приезжал, уезжал... А про Высоцкого доходили невероятные слухи. Что наш «Вовка-Шванц» и Марина Влади... Что у него машина заграничной — учтите, в начале семидесятых годов это было большой редкостью...

Однажды я спросил у Артура Макарова:

– Артур, а ребята бывают на Володиных концертах?

И Артур гордо ответил:

– Нет!

И я это понял. Володя был наш, но Володя тех лет... И мы берегли свой образ, мы не хотели становиться поклонниками Высоцкого. Мы знали больше — нормальное человеческое общение...

Последний раз я встретил Володю в тот день, когда Артура приняли в Союз кинематографистов. Мы решили обмыть это дело у Юры Гладкова, у него тогда была квартира у гостиницы «Украина». Артур сказал, что должен подъехать Володя... Когда все собрались, Артур «предъявил» удостоверение, мы его поздравили. Володя говорит:

— Нет-нет... Я за рулем не пью.

Стали прощаться, Володя спрашивает:

— Эдик, тебе куда? Давай подвезу до центра.

Выходим, стоит «пежо»! Володя ехал, напевал... Кажалось, что все светофоры стояли по стойке «смирно»! Подъезжаем к «Метрополю», там тогда была колонка с высокооктановым бензином, Володя заправился, попинал шины...

— Ну, пока!

Вот теперь я вспоминаю об этом — святое было время! Всем нам повезло, что в нашей жизни был Большой Каретный!

Май 1988, Москва

Ваша первая встреча с Высоцким — когда и как это было?

В 1960 году я уходил из Театра Пушкина, но поехал на свои последние гастроли с этим театром в Ригу. А Володя именно в это время был принят в театр и тоже поехал в Ригу. Вот тогда я и познакомился с ним. Но это было ни к чему не обязывающее общение, я из театра уходил и близких отношений ни с кем завязывать не хотел. В следующий раз я увидел Володю у Левы Кочаряна...

Расскажите немного о Кочаряне.

Кочарян работал в кино, я в театре — и друг о друге мы ничего не знали. Но после Театра Пушкина мы с Валей Куликом — моим другом по Вахтанговской студии — перешли в Театр киноактера. Валя снимался на «Мосфильме», где-то познакомился, а потом и подружился слевой Кочаряном. Кроме того, Валя знал, что наши отцы — Иосиф Туманов и Сурен Кочарян — были очень дружны, и счел своим долгом познакомить и подружить сыновей.

Я тогда жил на Арбате, в Кривоарбатском переулке. Мы с мамой занимали большую комнату в коммунальной квартире. И вот однажды Валя Кулик притащил ко мне Левушку Кочаряна, а слевой, по-моему, был тогда Толя Утевский. Вот таким образом мы и познакомились... В том прекрасном возрасте любые встречи превращались в не менее прекрасные застолья — и мы быстро сошлись.

А потом я стал бывать у Левы Кочаряна... И вот в этом доме на Большом Каретном я познакомился уже со всей компанией: и с Артуром Макаровым, и с Юрой Гладковым, и с Володей Высоцким. А потом — с Аркашей Свицерским, Володей Акимовым, Гариком Кохановским, но это было уже позже. А основной состав нашей компании — это Лева, Толя, Артур, Юра, Володя и Олег Савосин.

Какой это год?

Это был конец 60-го или самое начало 61-го. В то время мы с Володей Высоцким как-то очень подружились. Правда, ближе всех мне был Лева Кочарян. Но с Володей мы сблизились настолько, что после смерти моей мамы он просто жил у меня. Временами, но жил... И когда ему — в силу каких-то обстоятельств — нужно было побыть одному, он приходил прямо ко мне. Да и женился он на моих глазах...

Мы были уже очень дружны, скорее всего, это конец 61-го года... В Москву приехала с «Ленфильма» Анна Львовна Тубеншляк — второй режиссер картины «713-й просит посадку». И она пригласила меня пробоваться в этот фильм; пробовался и Володя. Кстати, позже я выяснил, что мы претендовали на одну роль, и на эту роль морского пехотинца был утвержден Володя. А когда Тубеншляк приехала забирать его в Ленинград на съемки, я пошел их провожать. И в окне вагона увидел очень красивую девушку (а в то время ни одну симпатичную девушку оставить без внимания мы просто не могли). Я — Володе: «Ты эту девушку потом обязательно привези к нам». А Тубеншляк говорит: «Это наша актриса Люся Абрамова. Она тоже снимается в «713-м»». И Володя отвечает: «Обязательно привезу!» А сам женился на ней, гад! — после съемок, в Ленинграде.

А потом были наши набеги на родильный дом, в котором родились Володины сыновья... Мы набирали в «Арагви» какие-то кушанья — сациви, шашлык, лаваш — и буквально прорывались в этот родильный дом. Чуть ли не в родильное отделение... Остановить нас было невозможно — это была какая-то стихия.

Высоцкого утвердили на роль, а вас нет — это не повлияло на ваши отношения?

Ну что вы! Я был счастлив, что Володя попал на картину... Это было удивительное и прекрасное время, когда каждый совершенно искренне радовался за товарища, который получил пусть даже твою роль. Сейчас такое понять практически невозможно... В нашей компании были такие отношения, что любой успех твоего друга воспринимался как большой праздник для тебя лично! С тех пор многое изменилось — мы поскущтели, постарели, стали жестче, а тогда это было совершенно нормально.

Большой Каретный — что вам особенно запомнилось из того замечательного времени?

Запомнилось ощущение непрерывного, постоянно-го творчества. Да, был в наличии весь привычный антураж: застолье, тосты — но мы собирались не для этого. Собирались поговорить, поспорить... Многие из нас недавно закончили театральные институты, многие уже начинали работать в кино, было много друзей и знакомых в театрах и на студиях. Первые фильмы, первые роли, первые книги... А еще собирались, чтобы послушать первые Володи-ны песни.

Причем на Большом Каретном бывали совершенно разные люди — от высоких интеллектуалов до настоящих блатных. А между ними — жокеи, бильярдисты, работники торговли — и вообще кто угодно. В общем, крутилась такая громадная команда, в которой могли встретиться люди совершенно разные по своим симпатиям и антипатиям. И все это объединял, конечно, Лева — человек громадной эрудиции и сильного концентрирующего начала.

И вообще, это был родной дом, куда мы могли прийти когда угодно и с кем угодно. И мне всегда было жалко жену Левы — Инну Кочарян. Ведь на ее плечах лежали заботы о всей нашей банде. Дом был абсолютно открытым — с утра до вечера. Ей было, конечно, очень трудно — всех нас и накормить, и приютить, и со всеми справиться. Ведь были времена, когда мы встречались там почти ежедневно.

Иногда мы ходили в ВТО, рестораны тогда были гораздо дешевле и доступнее. Зарабатывали мы мало, но на

все хватало. И никогда не считали деньги... Не было расчетов — сегодня ты платишь, а завтра я. Все, что было, несли в этот дом. Жили, повторяю, как одна семья.

Причем людям, которые собирались у Левы Кочаряна, всегда было интересно друг с другом. Может быть, в другом доме они не сказали бы между собой двух слов... Но на Большом Каретном была такая атмосфера, что люди раскрывались. Это всем нам очень многое давало.

И как раз в это время — самые первые песни Высоцкого...

Первые Володины песни были чисто блатными. Хотя скорее даже не блатными, не хулиганскими, а озорными. Озорные песни на заданную — блатную — тему! Ведь всегда существует такой приклатненный мир с «романтикой», которая пленяет воображение очень молодых людей. И в этом мире якобы есть законы дружбы и кодекс чести... Хотя это существовало, может быть, только в нашем воображении. Но, признаюсь, тогда все это на нас действовало.

Запомнились вам какие-то конкретные случаи, связанные с первыми песнями Высоцкого?

Это было у меня на Арбате... 1964 год, зима. Я уже был женат. И вдруг глубокой ночью я проснулся. Мне показалось, что чем-то кинули в окно, — мы жили тогда на третьем этаже. Я подошел к окну, оно было большое, трехстворчатое, с подоконником. Напротив — фонари, падал пушистый снег, им вся улица была засыпана. Абсолютная тишина. И под этим фонарем стояла машина, рядом фигурка в шапке-ушанке, тоже засыпанная снегом. Это был Володя, немного пьяненький.

— Вовка, ты что?

— Мишаня, я легоньким снежочком бросил в стеклышко, чтобы не разбить тебе окно. Я из Ленинграда приехал. У тебя нет пятерочки?

У меня тогда ночевал один из братьев Савосиных и еще кто-то. У нас на всех была одна пятерка — до зарплат. Естественно, она перешла к Володе. Он моментально купил бутылку водки — у таксистов в то время была такая цена — и поднялся к нам...

Потом он заставил нас всех лечь спать и сел за стол. До утра он сидел за этим столом и писал. И утром он спел нам две песни, одну я прекрасно помню — это песня про китайцев, про Великую китайскую стену, а вот какая была вторая — забыл.

И тогда же было написано четверостишие, посвященное вам:

**Туманная туманность Андромеды,
Туманов Мишка тоже весь в тумане.
Но, несмотря на горести и беды,
Всегда имеет пять рублей в кармане...**

Да, а связано это вот еще с чем... У нас была приятельница, Галя Ушакова. Она работала главным администратором кинотеатра «Арс» на Арбате. Галя, человек добродушный и компанейский, очень полюбила всю нашу компанию. И однажды она мне говорит:

— Миша, у тебя в комнате надо сделать ремонт!

— Галка, ремонт сделать, конечно, хорошо — но где взять деньги?

— Я дам тебе художника из нашего кинотеатра, он хотя бы стены покрасит.

— Ну хорошо.

Мы все куда-то уехали, а когда я через несколько дней вернулся домой, то свою комнату не узнал. Все стены были выкрашены в разные цвета. Одна — черная, вторая — темно-вишневая, третья — темно-зеленая. И на этих стенах маслом были изображены какие-то химические структуры, кристаллы, соединения — нечто фантастическое. Очень похоже на детскую комнату при отделении милиции. Художник почему-то решил именно так расписать мое жилище. Но смотреть на это долго было невозможно, вполне можно было «трекнуться». И тогда Володя написал:

У меня с нервишками
что-то неустроенно.
Надо стенки Мишкины
поклеить обоями!

А когда и как вы вместе с Высоцким оказались в длительной гастрольной поездке по Сибири?

Был ноябрь 1963 года. У меня дома были какие-то сложности, и у Володи тоже что-то дома не клеилось — он был какой-то бесприютный и неприкаянный. Тогда я еще работал в Театре киноактера, и мы очень часто собирались на улице Воровского. В театре был дешевый буфет, бильярдная, и у нас там было много друзей-приятелей.

Как-то мы с Володей сидели в этом буфете и разговаривали. Скорее всего, грустили по поводу наших «поломаных» жизней. И к нам подошел человек — как впоследствии выяснилось, его звали Виктор Войтенко, — который и предложил нам отправиться в концертную поездку. Мы с Володей переглянулись:

— А откуда вы нас знаете?

— И почему вы уверены, что мы умеем что-то делать на эстраде?

— Ну, мне сказали, что вы молодые талантливые актеры...

Я спрашиваю: «Володя, ты как?» Он отвечает: «А я готов». И мы согласились. То есть авантюрное начало в нас тогда было очень сильным. Войтенко сказал, что он сегодня выезжает в Томск — там у него бригада артистов — и из Томска вышлет нам билеты. В этой бригаде работали Леонид Чубаров и Зинаида Кириенко, а мы должны были приехать им на смену. И Володя и я, хотя и согласились, но отнеслись к этому не очень серьезно. «Конечно, поедем!» — но через неделю обо всем забыли. И очень удивились, когда по почте пришли билеты и телеграмма: «Выезжайте».

Я помню, что мы вылетели под самый Новый год — 25 или 26 декабря. И в Томск мы летели — добирались! — трое суток. Все время — нелетная погода, везде — снегопады и метели. И мы садились на всех аэродромах, на каких только это было возможно. Я уже не помню названий городов, но сам полет запомнил хорошо. Перед этим я побывал в Италии, и у меня сохранились какие-то итальянские сувенирные цацки: брелочки, ручки... Кроме того, у меня было 30 рублей, а у Володи — трешник. Но все это мы просадили еще перед отлетом в ресторане аэропорта Внуково. Мы же думали, что прилетим в Томск и станем

обеспеченными людьми. Так вот, эти трое суток Володя дарил стюардессам итальянские сувениры, а они нас подкармливали в гостиницах, в которые нас определяли ночевать. А потом, кажется в Новосибирске, мы познакомились с каким-то военным, он летел в отпуск из Германии и вез с собой десятилитровую канистру спирта. Конечно, от этих 10 литров ничего не осталось... И военный полетел дальше — куда-то на Дальний Восток — уже без канистры. В общем, мы прилетели в Томск небритые, заросшие и совершенно потерянные для искусства!

Наш Войтенко долго нас отмачивал, отпаривал, отмывал, а потом заставил что-то быстро приготовить для эстрады — и уже на следующий день мы выступали. Я читал какие-то стихи, которые помнил еще по Вахтанговскому, а Володя — какую-то смешную прозу... По-моему, что-то из Шолохова, про деда Щукаря. Позже мы с ним вдвоем приготовили рассказ Чапека «Глазами поэта», а Войтенко в местном кинопрокате за две бутылки водки устроил нам отрывки из фильмов, в которых мы играли. Так появились ролики. И знаете, потом мы довольно хорошо стали работать. Даже вошли во вкус — придумывали прямо на ходу какие-то хохмы, веселили друг друга со страшной силой! Мы сами получали удовольствие, и я думаю, зрители тоже.

Да, вспомнил одну важную вещь... К нам неожиданно приехал директор Калмыцкой филармонии, ведь именно от этой филармонии мы и выступали. Наша группа задолжала филармонии какую-то сумму. Директор был суровый такой мужчина, он прошел всю войну, причем в штрафных батальонах. А к тому времени уже были написаны и «Штрафные батальоны», и «Мне этот бой не забыть ничем». И Володя за столом их спел. Спел этому человеку, который был совершенно растроган и потрясен. Я тогда впервые увидел, как взрослый сильный человек может «сломаться» на Володиных песнях. Он просто сидел и плакал... Такой здоровый, мощный мужик — крепкий, кряжистый, вот фамилию, к сожалению, я уже не помню... Этот человек простил все долги нашему Войтенко. Он сказал: «Ребята, работайте как хотите! Вы — чудные парни!» Может быть, он пошел на какое-то служебное нарушение, но тогда он был совершенно потрясен...

Как складывался маршрут вашей поездки?

Мы были в Томске, потом в Колпашеве — городе ссыльных, потом Бийск, Барнаул, Горноалтайск, Белокуриха, Джезказган, Караганда, Чимкент, Темиртау, Мангышлак, Гурьев... За это время Володю немножечко одели, обули, и он стал готовиться к поступлению на Таганку... В новом пальто и в новой шапке он уехал поступать к Любимову — и поступил.

И до какого времени продолжались ваши дружеские отношения?

Володя начал потихоньку от нас отходить, когда появилась Марина. Наверное, он опасался приводить ее в нашу вольницу. Володя больше стал бывать у Всеволода Абдулова — там дом был более строгий. И мы все воспринимали это как небольшое, но все же предательство нашей общности... Так что мы с Володей были близки примерно до 68-го года.

А потом заболел Лева. Когда он попал в больницу, мы не просто приходили и навещали его — мы его похищали... То домой, то в шашлычную... Лева все время спрашивал: «А где Володя?» А Володя в больницу так и не пришел... Лева это жутко переживал. Очень он переживал, когда Артур Макаров и Андрей Тарковский предложили ему другого режиссера на фильм «Один шанс из тысячи». А Володя все не приходил и не приходил — я думаю, поэтому он и не пришел на похороны. В этом тоже, как мы тогда считали, был элемент предательства.

Мы не общались с Володей до 73-го года, причем вообще не встречались. На концерты его не ходили. Я, например, не был ни на одном концерте Высоцкого... И вот однажды совершенно случайно мы встретились — и встретились очень тепло. Он приехал ко мне на дачу, во Внуково, отмечать день рождения моей трехлетней дочери.

А в последний раз я видел Володю летом 1979 года. Эта встреча была уже на Малой Грузинской. Я попросил его написать песню в один мой фильм.

— Конечно! О чем разговор... Выпить? Мне нельзя. Выпью рюмку — какой-то красный туман в глазах.

Но был он неестественно веселый. Я, конечно, ничего не знал о его болезни.

Как вы думаете, почему Высоцкий во многих последних концертах вспоминал Большой Каретный?

Я думаю, это была ностальгия по тому времени, ностальгия по юности... Ведь мы жили тогда практически одной дружной семьей. И у меня, например, ближе людей, чем друзья с Большого Каретного, не было. И быть не может.

Ноябрь 1988

Двор нашего дома на Большом Каретном, конечно, был местом особым. Там стояли столы, за которыми играли в домино, была волейбольная площадка. А по вечерам выносили патефон и танцевали. Блатных у нас не было, жил во дворе Витька «Пистолет», но он давно ничем таким не занимался.

У Утевских была персональная машина и шофер по фамилии Кузнецов. Конечно, все мальчишки крутились вокруг этой машины, и Володя — когда они вернулись из Германии — тоже. Утевские-старшие часто уезжали на дачу. Борис Самойлович и Элеонора Исааковна подолгу там жили, Толян оставался один, и, разумеется, к нему приходили друзья. Стал бывать и Лева Кочарян.

Напротив нашего дома был красный кирпичный дом, там — голубятня Леньки-Гунявого. Все ребята его копировали, потом уже и Володя. «Я своих взганиваю, взганиваю, смотлю — цузой».

Рядом с нашим домом был Клуб имени Крупской — там шли трофейные фильмы. Просто вывешивалась афиша «Сегодня — зарубежный фильм», и никто не знал, что будут показывать. Конечно, помню «Первый бал», «Секрет актрисы», «Королевские пираты». А вот «Тарзан» шел в кинотеатрах с нормальными афишами. Творилось нечто невообразимое. Очередь надо было занимать с утра. Все бесконечно ходили на «Тарзана», все орали, как этот Тарзан, — весь наш двор орал. И висели веревки — то были тропические лианы.

И вот я слышу во дворе — Кочарян, Кочарян. Узнаю — сын знаменитого теще, народного артиста СССР Су-

рена Кочаряна, мне же интересно. А Толя Утевский — наш «крестный», он и познакомил меня слевой. Я приехала с тяжелых гастролей, ничего не хочется делать, но звонит Толян: «Чаем напоишь?» — «Ну приходите!» Вот они и пришли. Это было в 58-м году, ну и постепенно появились все остальные, которых вы знаете.

Мы не обсуждали мировые проблемы, может быть, потому, что все были люди искусства. Да и была масса своих проблем. Лева, конечно, был лидером, он все умел, его все цитировали. Он говорил про Володин пиджак — «единственный и неповторимый!», хотя, как выяснилось, «буклетовых» пиджаков в Москве было несколько. А когда появилась Марина Влади, Лева говорил: «Ну вот, начались эти “рено”, “пежо”, “рединготы”!» Кочарян первым стал играть на гитаре — сохранилась наша гитара, на которой автографы Высоцкого, Утевского и самого Левы.

А велосипед с моторчиком? Меня не было дома, прихожу — Лева и Толян сидят вместе. Они купили моторчик и приделали его к велосипеду. Полдня они катались, потом полдня ремонтировали мотор. И в конце концов этот моторчик они выбросили. Это же чистый идиотизм — взрослые все же люди!

Высоцкие вернулись из Германии, и Семена Владимировича направили служить в Киев. Женя (имеется в виду Евгения Степановна, вторая жена С. В. Высоцкого — В. П.) часто уезжала к нему, и все для Володи делала. Лидочка — Лидия Николаевна Сарнова, — только она. Лида — это вообще изумительный человек, очень домашний. Она и кормила, и поила, и следила за Володей, даже иногда ходила в школу на родительские собрания.

Однажды Володя пришел ко мне

— Иннуля, дай бритвочку.

Ну, я нашла. А у него было пальто, старое и неопределенного цвета, серо-розовое. И Володя полы этого пальто в двух местах разрезал.

— Вот приедут — пусть новое купят.

Через несколько дней пришел расстроенный.

— А Лида мне все зашила!

Правда, потом Володьке сшили в ателье сразу и пальто и шапку.

О Люсе Абрамовой я узнала так. Володя говорит:

— Иннуля, я бываю в одном доме. Представь, там полный Ильф и Петров! Я буду брать по одному тому — почитать...

Не успела я и полкниги прочитать, забегает Володя:

— Иннуля, срочно верни. Теперь это — мой дом.

А у Люси на Беговой столько людей жило! Володя приходит как-то:

— Иннуля, бери на постой! Там так тесно...

Однажды он пришел к нам, снял туфли, снял носки, так носки практически «стояли». Бездомный он был тогда. У Нины Максимовны — Жора Бантош, у Жени — тесно, так что остаться ночевать он мог где угодно: в общежитии МХАТа, у Миши Туманишвили, а у нас иногда просто жил. Вот когда Нина Максимовна рассталась с Жорой и разменяла квартиру, к ней переехала Люся с детьми, тогда и началась нормальная жизнь. Это было, по-моему, в 65-м году, когда они жили уже на улице Телевидения.

Люся — умница, интеллигентный человек. И Володя на фоне Люси выглядел тогда бледненько. Когда Володька уезжал на гастроли, Люся брала под мышку маленького Аркашу и приходила к нам. Володя звонил часто. И ведь это Люся вынесла на себе все самые трудные Володины годы — Марина получила его готовеньким. Володя так рыдал у нас, когда расставался с Люсей. Я уверена, если бы он остался с Люсей, он бы прожил дольше...

Люся должна помнить песни Володи, которые не сохранились. Понимаете, тогда это было извержение — такое количество песен! И все их запомнить и записать было невозможно.

А началось это так: в 1961 году мы в Севастополе купили магнитофон «Днепр» и сразу стали записывать Володю. Да, в Севастополь меня провожали Володя Высоцкий и Володя Трещалов — я уехала на поезде. Приезжаю, меня встречает Володя Высоцкий — прилетел на самолете... Потом приехали в Москву, записывали у нас. Володя приходил — новая песня! — сразу записывали. Они слевой закрывались в комнате и никого не впускали. Все это было до того занудно: не ходи, не шуми, не разговаривай! А они там тыркали, записывали — стирали, стирали — записывали. Та самая первая пленка, я думаю, не сохранилась. Вот

это очень жаль! Потом они решили все восстановить. И вот тогда — в 65-м году — была записана «золотая пленка Кочаряна». Хотя Артур Макаров утверждал в конце восьмидесятых, что существует и первая «золотая пленка» и что она хранится в Ленинграде у его родственников. Вернулась ли она в дом Макарова — неизвестно.

Запомнить все первые песни было просто невозможно! Запоминались любимые. А с той пленкой погибли некоторые песни... Конечно, очень обидно...

В общем, несколько лет жизни! Всего было так много! Но никто не вел дневников, никто ничего не записывал...

Была у меня одна знакомая. Однажды она говорит:

— Как у вас все интересно! Такие интересные разговоры! Люди, давайте организуем литературные вторники!

На это Лева сказал:

— Мало того, что мы пьем почти каждый день, так теперь по вторникам будем пить обязательно!

...Сидим в «Эрмитаже». Мою дочь — маленькую Ольгу — взяли с собой, в корзине. Она заснула, корзину поставили под стол. Хорошо посидели, выходим... И вдруг кто-то вспоминает:

— Слушайте, у нас, кажется, был ребенок?!

...Бывала у нас и Наташа Панова — большая Володина любовь, художник по костюмам Киностудии имени Горького (одну из строк песни «Большой Каретный» можно встретить и в варианте «Все теперь Пановой там — верь, не верь...»). Как-то мы сидим дома, а ее нет и нет. Ну, Володя уже знал, где Наташа может быть, и пошел туда. А она — с двумя грузинами. Он спокойно взял графин со стола и как грохнет о стену! И всё — как отрезал.

...1967 год. Снимается фильм Левы «Один шанс из тысячи». Кочарян зачем-то улетел в Москву. Съёмочная группа отдыхает. Идем с пляжа, какие-то моряки продают импортную шубу за 500 рублей — громадные деньги! Володя ко мне:

— Давай купим, давай! У тебя же нет шубы.

Собрал деньги со всей группы, и я с шубой улетела в Москву. Вот в этом весь Володя. Тебе нужна шуба, ты не должна мерзнуть! — и он разбилась в лепешку, но шубу купил.

...У нас на стене висели американские наручники, были они у нас давно — вот, смотрите, они распилены... А как получилось? Толян вертел-вертел эти наручники и говорит Володе:

— Сейчас мы тебя захохотаем!

Защелкнули наручники, а ключ выбросили в окно. Пошутили... Потом побежали искать ключ. Искали-искали, да разве найдешь! Пришлось распиливать.

...Толя Утевский работал в МУРе, там же работали его друзья. С ними все время общался Володя. Вот еще откуда эта бластная струя. Толя иногда брал Володю с собой. Так и я была на опознании! Это было в Левин день рождения, в воскресенье, на Петровке, в тюрьме!

...Лева заболел — Володя ни разу не пришел в больницу. Левы не стало — он не пришел на похороны. Появился через несколько дней — я не открыла дверь, несколько раз звонил — я бросала трубку.

Я не знаю, что с ним произошло. Но, понимаете, последние годы его окружали такие люди, что он потерял стыд... Эти администраторы, которые на нем наживались и доставали ему отраву. Был еще врач — Боря или Толя? — тоже наркотики доставал... Недаром Утевский сказал ему:

— Володя, ты окружил себя подпевалами. Я этого делать не буду...

...Это была наша жизнь! Наша! Она бы и умерла с нами... Но был Володя — Владимир Высоцкий!

13 февраля 1988, Москва; апрель 2002, Пятигорск

СМЕРТЬ ЛЕВЫ КОЧАРЯНА

Смерть самых лучших намечает
И дергает по одному...

В.Высоцкий

Очередная загадка: почему Высоцкий не был на похоронах своего старшего друга и «учителя по жизни» Левона Суреновича Кочаряна? В день его смерти (13 сентября 1970 года) В.В. был в Бресте, встречал Марину Влади. «Сразу по приезду, 14-го, Высоцкий узнает, что похороны — завтра, и понимает, что прийти надо непременно» (Вл.Новиков). Друзья по Большому Каретному знают, что в день похорон он в Москве. Но Высоцкий на похороны не пришел, более того — он ни разу не навестил Леву Кочаряна в больницу...

Но вначале о легендарном Кочаряне...

Петр Солдатенков: «Он был человеком незаурядных возможностей и колоссальной воли. Он умел все: чинить вещи и ломать препятствия, готовить изысканные кушанья и есть фужеры из стекла, ловить страшных бандитов и с особенно страшными дружить, вести ученые беседы и драться головой, быть нежным и внимательным к друзьям и беспощадно жестким с врагами».

Кочарян после окончания юрфака МГУ работал в МУРе, затем окончил Высшие режиссерские курсы и весь ушел в кинематограф, вскоре стал на «Мосфильме» незаменимым вторым режиссером — «первым среди вторых».

Юлиан Семенов: «Левон был душой Москвы тех лет. Его знали и любили люди разных возрастов и профессий: грузчики, писатели, кондукторы трамваев, жокеи, актеры, профессора, летчики, — он обладал великолепным даром любить в себя сразу и навсегда».

Именно Левон Кочарян был организатором и душой знаменитой компании на Большом Каретном, которая так много значила в жизни Высоцкого.

«В.Высоцкий на Большом Каретном» — эта тема, естественно, требует отдельного разговора, здесь же приведем слова В.В., которые он говорил на одном из концертов, рассказывая об ушедших друзьях: «И еще нет хозяина этой квартиры Левы Кочаряна... Он успел снять только одну картину как режиссер — “Один шанс из тысячи”... Он его поймал и быстро умер. Он успел немного. Он жил жарко, — вспыхнул и погас — мгновенно».

Л.Кочарян заболел раком в конце 78-го года или в начале 79-го. Несколько раз и подолгу лежал в больнице, — друзья, конечно, навещали его. Но не Высоцкий...

Э.Кеосаян: «Кочарян болеет месяц, два, три — Володя не приходит. Однажды Лева мне говорит:

— Знаешь, Володя приходил. Принес новые стихи — потрясающие!

И начал мне про эти стихи рассказывать. А Володя ведь не был в больнице, просто кто-то принес эти стихи, а Лева сказал, что Володя приходил. А в конце громадный Лева весил, наверное, килограммов сорок. И вот однажды он мне говорит:

— Хочу в ВТО! Хочу, и всё!

Поехали, сели за столик, заказали. Смотрю, проходят знакомые люди и не узнают его. Леву это поразило:

— Слушай, Кес, люди меня не узнают. Неужели я так изменился?!»

А.Утевский: «Лева тогда очень серьезно болел, болезнь была неизлечима, и он знал об этом. Мужественный человек, он не давал себя жалеть, успокаивать — он работал...» (Л.Кочарян сумел, смог доснять фильм «Один шанс из тысячи» и даже побывал на премьере в Доме кино. — В.П.)

В.Акимов: «Лева делал очень хорошую самогонку. Мы ее называли “кочаряновка”. Собирался в последний раз — он же все понимал — в больницу и наделал много этой самой “кочаряновки”:

— Вот, меня не будет... Решил вам запастись...»

Левон Суренович Кочарян умер 13 сентября 1970 года. Похороны... Гражданская панихида на «Мосфильме»...

П.Солдатенков: «Миша Ястреб (легендарный московский вор, в перерывах между «отсидками» часто бывал на Большом Каретном. — В.П.) пережил Леву. В сентябре 1970-го, когда хоронили Кочаряна, он пытался прорваться на панихиду, размахивая на проходной справкой об очередном освобождении, а его не пускали. Вышел Юлиан Семенов и провел его по своему красному удостоверению к гробу».

Поминки на Большом Каретном... Большая квартира не вместила всех, кто пришел помянуть Левона Кочаряна, люди стояли на лестничной площадке, даже на лестнице... Высоцкого — ни на похоронах, ни на поминках не было...

Э.Кеосаян: «Лева умер. Володя на похороны не пришел. Друзья собирались в день рождения и в день смерти Левы. Повторяю, я — человек восточный и очень ценю эти жесты. Володя в эти дни не приходил на Большой Каретный, и я долго не мог ему этого простить. И избегал встречи с Володей, даже когда бывал на спектаклях в Театре на Таганке».

А.Утевский: «Друзья очень обиделись. Я с Володей некоторое время вообще не общался, вообще не разговаривал. Я не мог простить, что он не пришел проводить самого близкого друга. Мы знали, что он тогда был в Москве. Не знаю, чем это объяснить... А может быть, и не нужно это объяснять?! Во всяком случае, Володя не пришел на Левушкины похороны».

Почему же Владимир Высоцкий не пришел на похороны Левона Кочаряна? Существует несколько основных версий...

Нина Максимовна Высоцкая: «Володя видеть не мог похороны, поэтому и не пошел:

— Мам, не могу...»

Евгения Степановна Высоцкая: «Я помню, почему Володя не пошел на похороны Кочаряна. В тот день он был в очень плохой форме...»

М.Туманишвили: «Очень он (Лева. — В.П.) переживал, когда Артур Макаров и Андрей Тарковский предложили ему другого режиссера на фильм (на досъемки. — В.П.) “Один шанс из тысячи”. А Володя все не приходил и не приходил (в больницу. — В.П.) — я думаю, поэтому он и не пришел на похороны. В этом тоже, как мы тогда считали, был элемент предательства».

Еще одну версию выдвигает Вл.Новиков:

«Но пятнадцатого с ним (В.Высоцким. — В.П.) приключается то, чего никогда прежде не бывало, — приступ абсолютной некоммуникабельности, неспособности с кем-либо говорить и сделать хотя бы шаг из дому. Неправильно все, непоправимо... Пожалеть об этом придется еще много-много раз, но ничего с собой поделать он не в состоянии».

Может быть, призрак смерти сковал в тот день его волю. Может быть, кто-то свыше предписал ему таким уединенным и молчаливым способом проститься с другом».

Позже, как вспоминает П.Солдатенков, «Владимир Семенович не раз пытался объяснить недоумевающим друзьям и вдове, потерянной от горя, причины, по которым он не был на похоронах Левона Суреновича Кочаряна. Увы, надрыв превратился в трещину, края которой расходились до самой смерти Высоцкого».

Но это общие, хотя и верные слова. На самом деле объяснений с вдовой — Инной Александровной Кочарян — не было: «Я ведь Володю не впустила, когда он пришел после смерти Левы. И звонил он — я бросила трубку».

И только один разговор с непростившим — Эдмондом Кеосаяном:

«...мы столкнулись с ним в коридоре "Мосфильма".

Володя спрашивает:

— Кес, в чем дело? Скажи мне, в чем дело?

— Сломалось, Володя... Я не могу простить, что ты не пришел на похороны Левы. Я не могу...

— Ты знаешь, Кес... Я не смог прийти. Я не смог видеть Леву больного, непохожего. Лева — и сорок килограмм весу... Я не смог!

Вы знаете, Володя был очень искренним, и все слова были его собственными».

По свидетельству В.П.Янкловича, они как-то вместе с Высоцким ехали мимо больницы, в которой умер Кочарян: «И вдруг Володя расплакался...»

Так что раскаяние и чувство вины у В.В. были, не могли не быть...

В 1998 году из Болгарии, из города Велико-Тырново, в музей Высоцкого была прислана пленка домашнего

концерта, где Высоцкий сам рассказывает об этой трагической ситуации...

«Когда он (Кочарян. — В.П.) почувствовал, что умирает, он неделю никого к себе не пускал. Была закрыта дверь, и мы к нему...

Я вообще к нему не ходил — ни когда он болел, ни в больницу, ни на панихиду — не мог вынести его больным. Это вообще очень страшная история, но она очень интересная, чтобы рассказать. Вся эта компания, все эти ребята — интересный, очень интересный народ — даже в смерти».

Даже смерть у него была... Он говорит жене своей: «Инна, дай мне рубашку чистую...» Она ему дала. Он надел один рукав рубахи, потом другой, а потом хотел на голову и не смог. Сил не было. Он тогда опустил [голову] и сказал: «О, сил нет... Сам чистую рубаху не могу надеть...» И умер».

А закончим мудрыми словами Инны Александровны Кочарян, которая, конечно же, простила: «Понимаете, целая жизнь прошла. Многих уже нет на этом свете. Кто мог знать, что Лева умрет в сорок лет, а Володи не станет в сорок два?! Первое время ребята собирались два раза в год — в день рождения Левы и в день его смерти. А теперь все реже и реже. Я понимаю — у всех давно другая жизнь».

Фанаты Высоцкого отлично знают, кто такой Лева Кочарян. Любой из тех, кто входил в компанию с Большого Каретного, вспоминая о Высоцком, непременно расскажет и о Левоне Суменовиче. Поэтому мне хотелось бы привести здесь только биографическую справку – когда и какие события происходили в жизни Кочаряна. Ведь жизнь компании с Большого Каретного с появлением в ней Левона Суменовича стала вращаться вокруг его «оси» и даже этим определяться. Я обратилась к Инне Александровне Кочарян и записала ее рассказ.

Левон Суменович родился в Тбилиси 22 января 1930 года. Его отец Сурен Акимович, 1905 года рождения, приехал в Москву в 30-м или 31-м году уже актером, отработав три сезона в театре: два сезона в Ереванском театре, потом в филармонии. Он читал монументальные вещи: «Тысячу и одну ночь», «Одиссею», «Крейцерову сонату», «Молодую гвардию», «Сталь и шлак», «Золото» Б.Полевого... Читал гениально.

К тому времени, когда Лева с мамой Анной Сергеевной приехали в Москву и стали жить в Лялином переулке, Анна Сергеевна с Суреном Акимовичем уже развелись, и в 1939 году Сурен Акимович женился вторично.

После окончания школы, в 1947 году, Лева сначала поступил в Институт востоковедения вместе с Юлианом Семеновым, а через год они разошлись по разным институтам – Юлиан Семенов ушел в Литературный институт, а Лева – в МГУ на юрфак.

Левон Суменович окончил юрфак МГУ в 1955 году вместе с Михаилом Горбачевым, который тогда был секретарем парторганизации университета. Лева же был капитаном баскетбольной команды. После университета Леву распределили в какое-то милицеевское управление, затем он закончил трехмесячные курсы оперативников, а когда получил отпуск, Сергей Аполлинариевич Герасимов попросил Леву съездить в станицу Вешенскую к Михаилу Шолохову и утвердить у него сценарий «Тихого Дона». Лева давно дружил с Артуром Макаровым, племянником известной киноактрисы Тамары Федоровны Макаровой, жены Сергея Аполлинариевича.

Леву тянуло к кино, и, когда у него закончился отпуск, Герасимов предложил Лева: «Как что делать? Оставь в кино!» – и придумал ему должность в киностудии «Тихого Дона».

Однажды, в 1958 году, Толя Утевский привел Леву в гости к своей соседке Инне Крижевской, у которой он и остался... С тех пор знаменитая компания с Большого Каретного стала собираться у Кочарянов. Инна жила с родителями. Отец – старый большевик, член партии с 1908 года, человек по природе своей немногословный, но когда ребята очень просили, рассказывал, как сидел в Александровском центре, как был на каторжных работах. Умер он в 1961 году.

Инна, по окончании Щукинского училища, до рождения в 1963 году их с Лева дочери Оли работала на эстраде, читала со сцены и прозу и стихи.

После «Тихого Дона» Лева работал вторым режиссером на девяти кинокартинах.

В 1957–1958 годах – у режиссера Каплуновского на фильме «Капитанская дочка» (фильм вышел на экраны в 1959 году). Съёмки проходили в подмосковном Монино.

В 1960 году – у режиссера В.Пронина на фильме «Казачья» (вышел в 1961 году). Съёмки проходили под Грозным.

У режиссера Ю.Солнцевой на фильме «Повесть пламенных лет» (вышел в 1961 году). Съёмки проходили под Киевом.

У режиссера Ф.Миронера на фильме «Увольнение на берег» (вышел в 1962 году). Съёмки – на крейсере

«Кутузов» в Севастополе; в июле 1961 года в съемках участвовал В.Высоцкий.

У режиссера А.Столпера на фильме «Живые и мертвые» (вышел в 1964 году). В съемках под Истрой в сентябре-октябре 1963 года участвовал Высоцкий.

Зимой 1963 года Лева как режиссер снял новогодний «Огонек» с участием Гагарина. «Съемки проходили вечером. Закончили поздно, и около часа ночи Лева приехал домой вместе с Юрой Гагариным. У нас в это время был Володька Высоцкий. Срочно пришлось накрывать на стол. Они проговорили часов до 10 утра, а я ушла спать: я-то с Юрой еще раньше познакомилась в одной компании», — рассказывает Инна Александровна Кочарян.

Лето 1964 года — подготовительный период к съемкам «Анны Карениной» (до смерти М.М.Названова). Потом картину прикрыли.

Тем летом Кочаряны снимали дачу в Подрезкове, рядом с дачей Утевских. И в том же, 1964 году Г.Поженян попросил Леву помочь ему с монтажом фильма «Прощай!». Лева во время своего отпуска поехал помогать Поженяну в Севастополь...

В 1965 году — съемки с режиссером А.Н.Сахаровым фильма «Чистые пруды» по Ю.Нагибину.

В 1966 году — съемки с Э.Кеосаяном «Неуловимых мстителей» под Новой Каховкой.

И в 1967—1968 годах Левон Суренович снимает самостоятельно, как режиссер-постановщик, свой первый и, к сожалению, единственный художественный фильм «Один шанс из тысячи», по сценарию, написанному им совместно с А.Макаровым и А.Тарковским.

По воспоминаниям снимавшегося в фильме Аркадия Свидерского, Л.Кочарян и А.Тарковский как-то вдруг решили написать сценарий: «Давай напишем!» — «Давай!» И написали — в форме хорошего боевика». Инна Кочарян: «Для А.Свидерского, О.Халимонова и О.Савосина роли писались сразу, на предъявленного актера».

*По воспоминаниям Инны Александровны Кочарян
составила Л.Симакова*

«Баллада о безрассудстве» — это был мой сценарий, сценарий о солдате, которого «забыли»... Одесса уже оставлена нашими войсками, а он один держит оборону на батарее. Сценарий прочитала моя подруга Карина Диодорова, она давно и хорошо знала Володю:

— Покажем Высоцкому!

Позвонила ему, он тут же приехал. Забрал сценарий, прочитал...

— Девки, это...

Последовало решительное отрицательное определение. Потом он улетел на съемки в Одессу. Прошло два дня, звонит из Одессы:

— Девки, всё наоборот. Это гениальный сценарий. Слава Говорухин тоже прочитал — начинаем работать. Я играю, пишу песни...

Сценарий надо было увеличить в объеме. Володины добавки должны были сохраниться. По-моему, у Нины Максимовны лежит машинописная копия сценария, а у меня есть первоначальный вариант. Так что можно сравнить...

Тем летом 1967 года мы общались довольно плотно... Я жила у Карины Диодоровой в ее крохотной комнатке на первом этаже дома на Садовой-Черногрязской. В том самом доме, где в квартире на седьмом этаже Булгаков писал «Дни Турбиных». Володя приезжал после репетиции и обычно оставался до спектакля.

Мы жили очень скромно, конечно без «мебели», но к приходу Высоцкого всегда брали у соседки кресло

из гарнитура князей Долгоруких (соседка была из немецких купцов, которым князья Долгорукие когда-то то ли заложили, то ли продали мебельный гарнитур). Володя приезжал, пиджак свой знаменитый вешал на ручку двери, садился в кресло, и мы в деталях обсуждали сценарий...

Мы уже тогда держали дистанцию, но не Володя ее устанавливал. Мы понимали его величину и никакого амигошества себе не позволяли. Высоцкий про нас говорил:

— Чересчур сестренки.

Однажды Володя пришел с репетиции. Мы поджарили традиционную яичницу. Володя хватал куски и проглатывал их, не выпуская гитары из рук... Тогда прямо при нас он сочинял песню «Ой, где был я вчера». Очень хорошо это помню. И вообще Володя пел у нас часто. У Карины было такое окошечко с решеткой — первый этаж... И когда Высоцкий пел, под окном всегда собирались люди. Однажды пришел милиционер, присел под окном — только фуражка торчала... Это было смешно.

...Борис Заходер — большой поклонник Высоцкого — жил в Болшеве и просто требовал Володю в гости! Заходер утверждал: как он понимает песни Высоцкого — не понимает никто. Я все просьбы честно передавала... Едет Володя в машине, машу рукой. Он останавливается.

— Заходер?

— Заходер.

— Ну, передай ему привет!

Я так и не знаю, встретились ли они...

Одно время я работала в КБ, и нам, конечно, хотелось устроить концерт Высоцкого. Попросили меня договориться... Но я не пошла на Таганку, боялась, что Володя по-свойски может отказать. Приглашала его одна наша красивая и интеллигентная дама — такой отказать трудно. Володе дама понравилась, и он пришел к нам. Пришел с Татьяной Иваненко, актрисой Театра на Таганке. Мне сказал, что она не слышала его новых песен...

Концерт он как-то скомкал: пел мало и неохотно. А мы же честно собрали трудовые рубли! Правда, не успели поменять их на крупные купюры, приготовили конверт с этими мятыми бумажками... Я говорю:

— Володя, ты что?! Что с тобой? Так мало пел...

— Ты знаешь, я не смог петь. Там сидел человек и записывал.

Оказалось, что один из наших добросовестных инженеров сидел в первом ряду и от руки записывал тексты песен — это и выбило Высоцкого из колеи.

...Помню, однажды мы встретились на Беговой, Володя приехал попеть новые песни своим ребятам, Никите тогда было лет девять, ну а Аркаше — одиннадцать... Сидел Володя в кресле в углу, а ребята на полу...

И еще одна встреча... Случайная встреча в Одессе осенью 1978 года. Жуткий дождь с громом и молнией, я еду в такси... У киностудии стоит Володя без зонта, но с гитарой. Ловит машину. Мы остановились — ему надо было в аэропорт... Володя рассказывал о том, что, выручая Говорухина, он целую неделю сам снимал кино. И очень гордился своей режиссурой...

Но почему-то обозлился водитель — пожилой грубоватый человек. Он, разумеется, понял, что это Высоцкий. Володя торопил:

— Можно поскорее, я опаздываю...

— Ладно, свои сто граммов успеете выпить в аэропорту...

Я рассвирепела:

— Товарищ, что вы себе позволяете?!

А Володя не обращал внимания, он был счастлив — сделал новую для себя работу...

— Ну, тихо, тихо... Все-таки давайте побыстрее...

Это была наша последняя встреча.

Июнь 1989, Москва

Когда и где вы познакомились с Высоцким?

Мы с Володей как-то сами пытались выяснить этот вопрос. Скорее всего, мы познакомились в общежитии ВГИКа, где я тогда жил... А может быть, нас познакомил Зарик Хухим, который в свое время хорошо знал Высоцкого. Зарик учился на курсе у Михаила Ромма вместе с Володиной Акимовым. Вот к такому выводу мы с Володиной пришли тогда... Но это были просто приятельские отношения, не более того.

А ближе мы сошлись, когда я жил у Александры Александровны Дикой на улице Горького. После института просто негде было жить, и она приютила меня и мою первую жену Ларису Лужину. Володя там бывал. А потом Лариса снималась в «Вертикали» вместе с Высоцким. Однажды Володя говорит:

— Леша, послушай, какую песню я написал твоей бабе!

И спел «Она была в Париже». А Лариса после фильма «На семи ветрах» действительно побывала в Иране, а потом ездила во Францию на Каннский фестиваль...

Ну а знаменитая история со знаменитой гитарой Дикого? Высоцкий рассказал об этом, но очень коротко...

Александра Александровна, жена Алексея Денисьевича Дикого, была женщина замечательная. Артистическая натура, бывшая балерина... Она училась в одном классе с Улановой. Целыми вечерами она с удовольствием рассказывала нам о Светлове, Олеше, Булгакове...

А у меня были магнитофонные пленки — Окуджава, Кукин, Клячкин — в общем, все, что тогда пелось. Были там и записи Высоцкого, сделанные еще во ВГИКе. Тетя Шура услышала Володины песни:

— А кто это поет? А что это за Высоцкий?

Первые Володины песни — уличные, дворовые, блатные. А Дикой ведь сам побывал в сталинских лагерях, правда недолго. Существует такая легенда. Как-то «великий вождь всех народов» выразил недовольство очередным исполнением роли Сталина и спросил: «А где это Дикой?» Алексей Денисьевич был в это время где-то в районе Печоры. И его тут же «выдернули» из лагеря. Освободили и тетю Шуру, которая была в тех же краях.

Так вот, в очередной раз приходит Володя, а я и говорю: «Тетя Шура, это и есть Высоцкий». И Александра Александровна попросила Володю спеть...

А у нее в то время хранилась гитара Дикого — знаменитая гитара венской работы. Она побывала у многих известных артистов, а в России появилась у цыган, в «Яре». С этой гитарой связаны разные романтические истории, ее крали... Когда Высоцкий увидел эту гитару, он сразу сделал «стойку на месте»! Вижу, у него «глаза навывлет», и он говорит мне:

— Делай что хочешь, но это такая гитара!

В это время тетя Шура уже поговаривала: «Отдать, что ли, гитару в Бахрушинский музей?.. Гитара народного артиста Дикого, да еще с такой историей...» Она хотела этот дар оформить, но, как всегда у нас, началась волокита. Александра Александровна возмущалась:

— Я хочу подарить вещь, и я еще должна бегать!

Мы принялись потихоньку тетю Шуру «обрабатывать»... Устроили такую небольшую осаду: Володя приходил, пел... Конечно, он включил все свое обаяние, это он делать умел... В общем, тетя Шура была очарована и в конце концов просто подарила Высоцкому гитару. Я хорошо ее помню — небольшая, изящная гитара в большом футляре, обшитом вельветом в мелкий цветочек. О дальнейшей судьбе гитары я точно не знаю. Помоему, Володя подарил ее одному из сыновей Марины Влади.

В конце шестидесятых годов вы много общались с Высоцким в Одессе. Мне об этом говорили и Артур Сергеевич Макаров, и Олег Николаевич Халимонов...

Да, я тогда со Славой Говорухиным — Славу я знал еще по ВГИКу — снимал в Одессе фильм «День Ангела», а Володя снимался у Киры Муратовой в «Коротких встречах», потом у Карелова в фильме «Служили два товарища», да еще писал песни для Говорухина. В общем, Володя тогда часто бывал в Одессе. И, конечно, мы все время общались. Я снимал номер в «Куряже» (это гостиница Одесской студии), и Володя останавливался у меня. А случалось и так: он бросал вещи в номере, а сам кочевал по разным местам. Вечерами мы собирались у Киры Муратовой или у Юры Хилькевича — у них всегда было много интересного народа.

А что это за место под Одессой — Санжейка? Недавно я узнал от Игоря Шевцова, что некоторые эпизоды фильма «Зеленый фургон» Высоцкий собирался снимать именно на Санжейке...

Место действительно для съемок подходящее: голая степь, крутой обрыв и море — необыкновенно красиво. По-моему, это мне удалось наткнуться на него. Там стояла декорация фильма «Прокурор дает показания», стояла на большом деревянном помосте. А в степи, где туго с топливом для костра, это очень важно. И с разрешения сторожа мы кое-что изымали. Повадились ездить туда почти каждую неделю. Правда, это довольно далеко от города, место пустынное — мы были уверены, что посторонних там не будет. Да, много разного народа там побывало...

Говорухин вспоминал, что в то время Высоцкий много работал — писал...

Он писал все время... Причем мне это не всегда было приятно. Конец картины, что-то недоснято, проблемы с актерами... Поэтому сложные отношения со Славой Говорухиным. У меня съемка в семь утра. Я ложусь спать, а Володя сидит за столом — пишет, пишет... А потом ему нужен выход, ему требуется слушатель! И в четыре утра он меня будит, а у самого глаза черные.

— Послушай! Как я это написал?!

И пел все, что только что сочинил. А потом у него шел отбор, он делал отжимку. Вначале он исписывал своим мелким почерком целые листы — двенадцать-шестнадцать куплетов. И в конце концов оставалось куплетов шесть-восемь.

Расскажите об отношении одесситов к Высоцкому.

Это было не отношение, это была любовь. Володя в Одессе стал кем-то вроде национального героя! Я помню таксиста, который всегда встречал его в аэропорту. А потом все время возил по городу — и это «из любви к искусству». Однажды Володя позвонил мне, сказал, что прилетает и сразу поедет на съемки в порту. Снимался фильм «Служили два товарища», где он прекрасно сыграл роль поручика Брусенцова. Я приезжаю — группа не может работать. Стоят толпы — дайте нам Высоцкого!

Володя всегда с удовольствием приезжал в Одессу.

Но давайте вернемся в Москву конца шестидесятых. Вы часто бывали в Театре на Таганке?

Одно время я буквально не вылезал из театра — спектакли, репетиции, да и просто так. Отношение к Высоцкому в театре было сложным...

Уже тогда?

Не «уже тогда», а именно тогда. И я могу понять актеров — Высоцкий исчезал, пропадал. Кому это понравится в театре? Вот только они не могли понять, что Володя не выпендривался, для него это был способ существования. Случались периоды, когда он был совершенно непредсказуем. Однажды из театра звонили в московские аэропорты, просили не пускать его к летчикам...

Когда Володя исчезал, Юрий Петрович несколько раз звонил мне, он знал, что мы дружим. Володя мне тогда доверял и был уверен, что я его, как говорят, «не сдам».

Да, вспомнил один интересный случай. Однажды после спектакля едем ко мне, я уже жил на проспекте Вернадского; Лариса нас ждала дома. Как мы влезли впятером в горбатый «Запорожец», до сих пор не пойму! Подъезжаем... А у нашего дома были пруды, и там всегда толпы

ребят хороводились. Мы остановились и довольно долго «выковыривались» из этого маленького «Запорожца».

Мимо идет пацан — видно, что поддатый. И — хлоп по крыше! В это время вылезает я:

— Дите! Ты же машину ломаешь!

Причем говорю это довольно мирно. А он завелся. И я слегка подтолкнул его:

— Иди, иди, мальчик...

И вижу: к нам несется кодла — они решили, что их товарища бьют. Несутся с песней «Если друг оказался вдруг». Парадоксальная ситуация! Бегут бить своего кумира, автора этой песни! Была там небольшая свара...

А где тогда жил Высоцкий?

Володя жил тогда с Ниной Максимовной на улице Телевидения в экспериментальной пятиэтажке — у них там было даже что-то вроде кондиционера.

Однажды звонит Нина Максимовна, просит, чтобы я посидел с Володей. Приезжаю к ним. Вдруг звонок. Открываю — два человека. Один у двери, второй — ниже, на лестнице.

— Здесь живет Высоцкий?

— А в чем дело, ребята?

— Мы с Дальнего Востока, нас ребята делегировали. Просили узнать, как дела у Высоцкого. А то у нас ходят слухи, что его посадили. (После публикации статьи «О чем поет Высоцкий» по стране ходили самые невероятные слухи. — В.П.)

— Да нет, ребята. Я вам точно говорю, что все в порядке...

Они не верят. А у Володи на столе лежала кипа свежих фотографий.

— Ну ладно, подождите... Вот смотрите — это снимали неделю назад... А это возьмите себе.

— Ну, хорошо. А вот это передайте Высоцкому.

И подают довольно большой пакет.

Володя проснулся, мы развернули пакет — там оказалась семга. А дело было на Масленицу. Я говорю:

— Ну что, Володя, надо делать блины.

Приехали к моей маме. Она пекла блины, охала и ахала:

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

С Михаилом Яковлевым. Москва, ВДНХ, 1959

Ю.Ершов, Иза и Владимир Высоцкие. Москва, ВДНХ, 1959

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

На высокогорном катке «Медео». Казахстан, январь 1963

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

Владимир Высоцкий, Вениамин Смехов и Валерий Золотухин. 9 мая 1965

Иван Дыховичный, Владимир Высоцкий, Иван Бортник, Михаил Глаголин.
Москва, 1973

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

На концерте в Ленинградском Доме культуры пищевиков. 1968

В поселке Сосново Ленинградской области. Слева – Галина Астафьева,
член клуба «Восток». 1 июля 1972

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

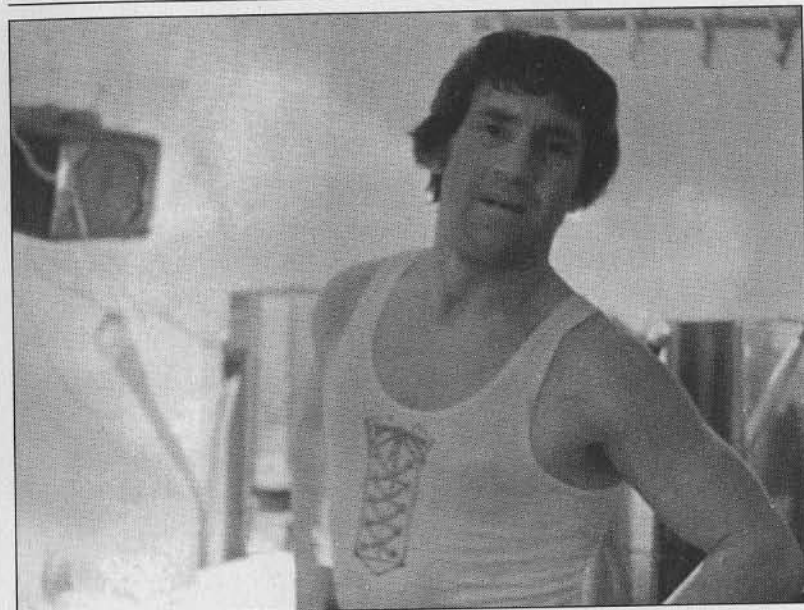

С Мариной Влади.
На съемках фильма «Война под крышами». Белоруссия, 1969

В дни бракосочетания. Москва, декабрь 1971

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

В гримерной Театра на Таганке перед спектаклем «Гамлет». 1980

В мае 1979-го

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

С Всеволодом Абдуловым. Ставрополь, октябрь 1976

С Валерием Янковичем и Владимиром Гольдманом.
Узбекистан, г. Зеравшан, 20 июля 1979

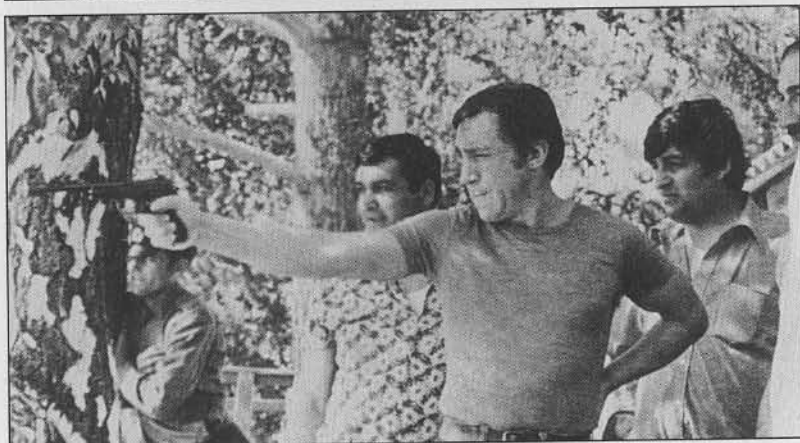
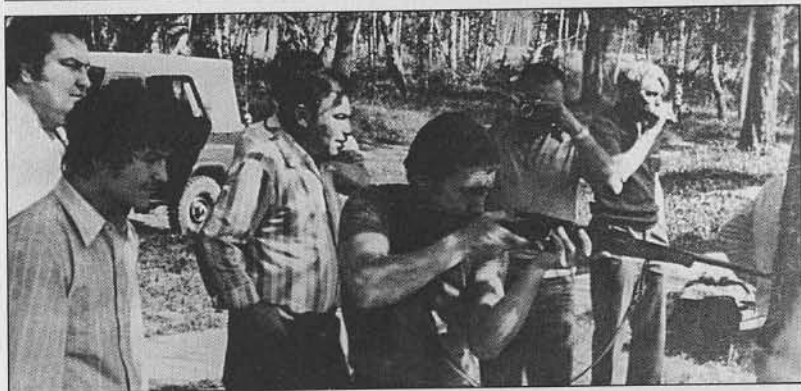
НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

С Булатом Окуджавой. 1975

С Василием Аксеновым и Виктором Ерофеевым. 1979

С Вадимом Тумановым (вверху) и в артели В.Туманова «Восток».
Иркутская область, пос. Бодайбо, 1976

Москва, 1970

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

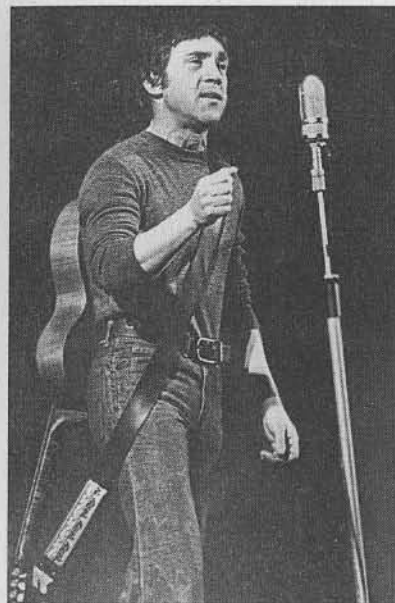
Валерий Перевозчиков и Владимир Высоцкий в Пятигорской студии телевидения. 14 сентября 1979

26 февраля 1967

23 апреля 1979

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

27 марта 1980

Декабрь 1977

Март 1979

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

Москвичи прощаются с Владимиром Высоцким. 28 июля 1980

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ

Олег Даль и Валентин Никулин
во время похорон. 28 июля 1980

Сороковой день, Марина Влади и Артур Макаров
у могилы Владимира Высоцкого. 2 сентября 1980

— Где это вы достали такую замечательную семгу?

Володя отвечал:

— Вот, хорошие, значит, люди меня знают! Семгу привезли!

У него была такая детская черта — любая радость другого человека вызывала у него бурю восторга!

Да, несколько лет мы очень тесно общались, практически ежедневно: Володя, Сева Абдулов, Игорь Кохановский и я.

Володя звонит как-то под Старый Новый год — прилетел откуда-то совершенно неожиданно:

— Немедленно одевайся! Я сейчас за тобой заеду.

И мы поехали к Андрею Вознесенскому на Котельническую. Володя просто трясся от нетерпения:

— Такую песню написал! Сейчас послушаешь!

Приехали — там уже были Гарик Кохановский, Борис Ермолаев. Андрей читал стихи, а Володя тогда впервые спел «Баньку». Так что самая первая запись этой песни должна быть у Вознесенского. Я помню, что он включал магнитофон.

У Вознесенского мы посидели часа два-три, потом умчались дальше. Поехали к Феде Фивейскому. Он скульптор, мастерская его тогда находилась на Садово-Каретной. Федя — муж сестры Кохановского. Там тоже собрался народ. Володя еще раз спел «Баньку».

Высоцкий всегда пел охотно?

Вы понимаете, он не любил, когда его просили спеть какую-то конкретную песню. Но если, предположим, у Абдуловых собирались на день памяти Осипа Наумовича, отца Севы, и там Володю просили спеть Фаина Георгиевна Раневская или Ростислав Янович Плятт, он никогда не отказывался.

А в компаниях он пел только тогда, когда сам хотел. Мог петь-петь, потом откладывал гитару, и начиналось обычное общение. Через некоторое время без всякой видимой причины снова пел. И это происходило совершенно естественно, а не являлось заполнением паузы, как это бывает у актеров...

Два или три раза при мне Володю просили спеть какую-то песню. И я видел, как ему было не по себе — он не

хотел грубо отказывать, но это его сбивало. Ведь у него было определенное настроение, он заряжался на какие-то песни...

Высоцкий «заряжал» компанию?

Да, он и заряжал, и заряжался сам... Володя моментально улавливал, как теперь говорят, эмоциональное поле. Например, в те годы, когда он вообще не пил, создавалось такое впечатление, будто он «принимал» наравне со всей компанией. У него тоже был «кураж»! И если компания была ему интересна, он мог петь часа два без перерыва. Особенно часто это бывало на Санжейке. Володя очень любил, когда Петя Тодоровский подыгрывал ему на гитаре. Он считал Петю замечательным гитаристом. Володя тогда еще не очень хорошо владел гитарой, но когда они играли вместе — это был настоящий концерт! Я не очень большой специалист в этом деле, но когда уж очень хорошо, тогда понимаешь — это мастер! Вот еще одно качество Высоцкого — он просто обожал людей, которые что-то умеют делать отлично.

Сколько времени существовала ваша компания?

Точно не могу сказать... Было время, когда Гарик Кохановский уезжал в Магадан — какая-то там романтическая история. Володя сорвался к нему. Мы тогда подняли всю Москву — выясняли, куда он мог забраться. Потом кому-то стукнуло в голову — давайте позвоним в Магадан! По-моему, это предложил Сева Абдулов. Позвонили — и нашли Володю с Гариком... в бане!

А с баней связан еще такой эпизод. В горах у меня произошел довольно серьезный перелом — четыре месяца ходил в гипсе. Ребята звонят:

— Мы идем в баню... Ну и что — «в гипсе»?

Они купили целлофановый мешок, завернули ногу, и мы хорошо попарились.

А потом Володя с Гариком разошлись... И наше тесное общение подошло к концу...

А почему они разошлись?

Не знаю. У нас не было принято лезть в душу к человеку. Не хочет сам рассказывать — значит, на то есть серьез-

ные причины. Но между ними пробежала кошечка — причем не серая, а черная. Володя переживал этот разрыв. И не потому, что был виноват, — нет! Он переживал сам факт разрыва. Ведь Володю и Гарика связывала очень давняя дружба, очень многое их связывало...

Мы с вами познакомились в марте 1988 года, когда в Москву приезжала Марина Влади. Она вспоминала о многочисленных ваших встречах — а когда была первая?

Они ко мне приехали почти сразу после знакомства. Володя звонит:

— Ой, Лешка, с такой женщиной познакомился! Возможно, мы к тебе приедем?

Приезжают часов в одиннадцать, после спектакля. Я смотрю и не могу понять — ну очень знакомое лицо! Говорит с акцентом — эстонка или латышка?.. Господи, да это же Марина Влади! Марина... Она очень многое сделала для Володи — очень!

У нас как? Два таких человека. Да не может быть, чтобы все было чисто! У нас же умеют придумывать! А им вначале было трудно жить — просто негде. Вот они и скитались, снимали квартиры — сначала на Фрунзенской, потом на Матвеевской. Тогда мы во многих компаниях встречались...

А на Малой Грузинской я у него был всего несколько раз. Мы ходили смотреть дом, когда он еще строился:

— Смотри, буду жить рядом с тобой...

А его дом виден из моего окна. Но заходили друг к другу очень редко, что неудивительно при его и моей разъездной жизни. У меня экспедиция, у него гастроли, поездки — это же разводит людей...

Но в 1974 году вы были оператором фильма «Иван да Марья». Почему от песен Высоцкого в картине почти ничего не осталось?

Володя написал в картину четырнадцать песен, сам хотел сниматься. Но тогда произошла история с автором сценария Хмеликом. Володя принес не тексты, а уже готовые песни. Показал Хмелику, режиссеру фильма Борису Рыцареву и мне. Хмелик сказал:

— Ты, Володя, тянешь одеяло на себя. Из сказки хочешь сделать мюзикл...

Володя тоже что-то сказал: он ведь если задумал, то отстаивал это дело до конца! В общем, они крупно поговорили, во многом разошлись. Володя окончательно решил не играть. Да я думаю, что тогда Володе уже не очень-то хотелось тратиться на эту работу...

Да, где-то у меня должна быть очень интересная кассета. Еще до этого разговора мы сидели у Бориса Рыцарева, и Володя пел те песни, вернее, еще эскизы. И все их обсуждали — то есть крутились мозги, работала мысль. Я помню, что кассета всегда лежала у меня отдельно, надо будет обязательно найти. Ну а в фильме все Володиные песни порезаны — много сокращений и переделок. Жаль, ведь песни были очень хорошие, без дураков.

...В июле 80-го я был на съемках в Хакасии, далеко в горах. И что-то было со связью, мы не могли дозвониться не только до Москвы — до Абакана. Прилетает второй оператор: «Высоцкий умер...» Я помчался в Абазу, маленький городок в ста километрах от Абакана. И случилось что-то потустороннее — неделю нас не могли соединить с Абаканом, а тут мне сразу же дали квартиру Володи. Подошел Валера Янклович:

— Завтра утром похороны... Ты не успеешь...

Действительно, первый рейс на Москву был только на следующий день. Я дал телеграмму и позвонил жене. И как она через все эти кордоны и толпы смогла пройти в театр — тоже мистика. С моей телеграммой и черными гладиолусами в руках. И никто ее не остановил.

Александра Александровна Дикая была большим специалистом по гладиолусам. Осенью она делала срезку и приносила — почти совершенно черные. Я знал, что Володе нравились черные гладиолусы...

12 июня 1989, Москва

БОРИС РЫЦАРЕВ

Когда и как вы познакомились с Высоцким?

Мы предложили Владимиру написать песни для кинофильма «Иван да Марья» и сыграть одну из главных ролей — Соловья-Разбойника. Фильм вышел в 1975 году, значит, познакомились мы в 1974 году.

Кто решил заказать песни именно Высоцкому — вы или автор сценария Хмелик?

Мы обсуждали это с Хмеликом. Позвонили Высоцкому, и он согласился. Через некоторое время играть в фильме Владимир отказался... Мы как-то разговаривали с ним на эту тему, и Володя сказал, что в то время он выбрал для себя такую линию: играть только положительных героев. Причем сказал он мне это не напрямую, а рассказал о сложных отношениях с Фурцевой...

А что, были какие-то отношения с Фурцевой?

Ну, конечно. Отношения Высоцкого с Фурцевой были достаточно сложными. В каком плане? Володя ведь постоянно был под наблюдением, под постоянным прицелом и давлением. Он сумел сохранить себя и свое творчество, потому что его песни расходились по всей стране на миллионах пленок и кассет. Доходили они и до кабинетов высоких начальников, и, по-моему, Володиные песни этому начальству нравились. (Фурцевой нравились военные песни Высоцкого, а вот его «блатную старину» она категорически не принимала. — В.П.)

Кто сыграл роль Соловья-Разбойника?

Эту роль сыграл Николай Лавров из Ленинграда, молодой актер. Тогда он работал в ТЮЗе, а сейчас играет в театре Додина. И теперь Лавров-«ленинградский» очень известный актер. Как ни странно, в то время он даже внешне был похож на Володю Высоцкого. И песни в картине он пел, подражая Высоцкому...

Вы встречались с Высоцким вне студии?

Однажды мы провели у него дома почти целые сутки, тогда он жил на Матвеевской. При мне он работал над песнями для картины, шло обсуждение, какая-то корректура...

А потом были встречи по жизни. В Доме кино Володя познакомил меня с Мариной Влади...

Алексей Чердынин, оператор вашего фильма, говорил мне, что запись ваших разговоров на Матвеевской должна где-то сохраниться...

Я об этом ничего не знаю.

Почему в фильм вошли не все песни, а те, которые вошли, были сокращены?

Тут у нас с Хмеликом была единая позиция. Дело в том, что Володя написал прекрасные песни, но они — как и все его вещи — были достаточно злободневными. А сказка требует все-таки некоторой абстракции. Вот на эту тему у нас и были противоречия, но не антагонистические. Володя с трудом, но расстался с некоторыми своими находками. Мы упорно гнули нашу линию и довели дело до конца.

Одну свою песню Володя даже доделал — эту «Песню Марьи» потом спела Марина Влади. А в общем с самого начала была такая договоренность, что Высоцкий сделает много песен, а потом будет произведен какой-то отбор.

Мы расстались друзьями после этой работы, но некоторое недовольство у Владимира Семеновича все же осталось. А при мне — мое упрямство. И когда я снова смотрю ту картину, то думаю, что мы с Хмеликом все-таки были правы...

Работа над фильмом шла интересно и очень весело: снималась у нас почти вся молодая еще Таганка. Все будущие звезды играли нечистую силу. Зина Славина, например, Бабу-Ягу. Все вели себя почти по-студенчески. Фильм вышел, и больше в кино мы с Высоцким не пересекались.

Его отзывы о фильме до вас доходили?

Я не знаю, какого мнения он был о картине, не уверен даже, видел ли он ее полностью. Но у Володи натура — то широкая и добрая. И после окончания работы он приехал в группу и привез ящик шампанского.

Апрель 1991

С Владимиром Высоцким я познакомился у одного из своих друзей — Игоря Можейко (он пишет под псевдонимом Кир Булычев). А я человек контактный, и мы как-то сразу «зачепились»...

Очень много людей могут сказать, что были знакомы с Высоцким. Очень многие — что он у них бывал. Еще больше людей «похващаются», что они выпивали с Высоцким... Но мало кто может сказать, что Володя мог просто приехать и остаться ночевать...

У нас Володя бывал достаточно часто. Мы сразу познакомилась семьями, и они с Люсей еще приезжали в нашу старую квартиру на Смоленской набережной. А основное место наших встреч — Комсомольский проспект, тот дом, где магазин «Океан». Фраза Смехова в статье «О друзьях-артистах» — о друзьях-книголюбях — это о нас. Вначале заходили только Володя с Люсей, потом Володя с актерами — Смеховым, Золотухиным, Шаповаловым...

Сближал нас и общий интерес к книгам — вот тогда и возникло знакомство со Стругацкими. Стругацкие, Север Гансовский, Ариадна Громова, Кир Булычев — был такой круг писателей-фантастов. А моя первая жена была переводчицей и переводила в основном фантастику.

Стругацкие... Ну, во-первых, в повести «Гадкие лебеди» — первый случай цитирования Высоцкого:

‘Сыт я по горло, до подбородка.
Даже от песен стал уставать.
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать.

Но тогда эта повесть не была опубликована, чуть позже она появилась за границей — в «Посеве», за что Стругацким пришлось отписываться в «Литературке»...

Однажды Володя мне позвонил:

— Саша, чем питались лешие?

А действительно, чем питались лешие? Я спрашивал очень многих людей, вплоть до докторов наук. Определенно — на сто процентов — никто ответить не мог. Разные предположения выдвигались, но твердого ответа я не получил. Этих данных не было нигде, кроме как в четырехтомнике Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». В Москве четырехтомник был у Андрея Донатовича Синявского, а они же были знакомы...

Помните:

«Я ли ягод не носил?! —

Снова леший голосил. —

А коры по сколько кил
приносил!

Надрывался — издаля,

Всё твоей забавы для, —

Ты ж жалеешь мне рубля —

ах ты тля!»

Я никогда не был ни на одном Володином концерте. Честно говоря, это мне было ни к чему — он достаточно часто пел у нас дома. И не только пел... Фактически у меня дома была написана песня «На краю края земли», самый первый вариант, когда он выбирает мелодию, пробует слова. «07» — тоже у нас дома, во время ожидания разговора с Парижем...

У нас тогда был магнитофон, и до сих пор сохранились какие-то домашние записи Володи. Наверное, они есть еще у кого-то — я многим давал переписывать. В тех записях есть достаточно редкие имитации Высоцким английских слов: говорит он вроде бы на английском, а ничего не понятно.

У моей первой жены была привычка — просить:

— Володя, спой это... спой это...

А я был категорически против. Если Володя спрашивал, что спеть, я отвечал:

— А что хочешь.

Если у человека есть настроение петь, пусть поет, что хочет. А еще я просто старался, чтобы у Володи было ощущение, что в любой момент он может прийти сюда и здесь от него никому ничего не нужно.

...Где жил тогда Володя — это большой вопрос. Он мог оказаться у мамы на улице Телевидения, мог у Люси на Беговой, а мог пожить у кого-нибудь из своих друзей.

...Да, у меня хранятся какие-то рукописи Высоцкого, а попали они ко мне довольно просто. Для организации концертов он должен был тогда представлять тексты, и я ему их перепечатывал. Черновики стихов до сих пор так у меня и живут. Как я теперь понимаю, тексты нужны были для сдачи на ЛИТО.

На машинописных текстах, которые сохранились у меня, есть — как бы их назвать? — редакционные пометки, что ли... Что-то сделать с концом... Переделать куплет... Интересно, кто их автор? Надо бы выяснить — страна ведь должна знать своих героев...

...В принципе, я никогда не обращал внимания на то, кто во что одет. Но один случай мне запомнился. Мы с Володей столкнулись на улице зимой, он был в таком пальтишке, которое и я не рискнул бы надеть. Вы знаете, меня это не поразило, скорее — порадовало.

...А по датам... 64-й год — начало нашего общения. Потом очень активно — 65—67-й. Потом я развелся и немного отошел в сторону. А моя первая жена еще некоторое время общалась... Даже Марина Влади была однажды на Комсомольском, но я с ней не знаком...

В 66—67-м годах Володя был уже широко известен. Вот, например, такой эпизод — как показатель его популярности. Когда он собирался от нас уходить, то довольно часто заказывал машину. Я сижу на телефоне и полчаса стараюсь «выбить» машину. Бесполезно. И тут Володя не выдержал:

— Давай трубку! Девушка, я — Высоцкий. Мне срочно нужна машина.

Машина пришла через десять минут. Но это был единственный случай на моей памяти, когда Володя воспользовался своей популярностью.

1988, Москва

При каких обстоятельствах вы познакомились с Высоцким?

Точно не помню. Вы же сами знаете, репортерская жизнь сталкивает со множеством людей (Ю.Королев был фотокорреспондентом журнала «Советский Союз». — *В.П.*). Мне, конечно, приходилось снимать Высоцкого во время спектаклей Театра на Таганке... Где-то еще пересекались, в общем, друг друга знали. Более близкими отношения с Высоцким стали после встречи в редакции журнала «Советский Союз». В нашей редакции образовался своего рода клуб. Появилась традиция — устраивать всякие «чаепития», конечно, не только чая. Журналисты приглашали в клуб людей, у которых когда-то брали интервью или которых снимали. Многие знаменитости побывали у нас.

Вот тогда и я пригласил Володю. Он пришел с женой — Людмилой Абрамовой. Мы его много снимали... А потом — «посиделки», обычно они заканчивались далеко за полночь.

Когда это было?

Вот этого я категорически не помню. Может быть, помнит Игорь Бахтин — он фотокорреспондент и тоже снимал Володю в тот вечер. Он как раз сейчас должен позвонить...

Потом мы встречались, хотя товарищеских отношений в полном смысле этого слова не поддерживали:

— Привет, Володя!

— А, Юра, привет! Почему не приходишь на спектакль? На новый спектакль я иногда ходил, иногда нет...

А ваша встреча на даче?

Как-то так получилось, что я позвал его на дачу. И Володя приехал, приехал вместе с Мариной Влади. Кто же был еще? По-моему, Игорь Кохановский. Или, может быть, Костя Страментов? Да, скорее всего — Костя.

Зажгли камин, сидели, разговаривали. Застолье у нас было. Володя не пил ни грамма. Как потом выяснилось, он пообещал Марине. Да мы и не уговаривали его выпить. Володя пел, пел много. Я включил магнитофон — у меня был «Грюндиг», еще с катушками. Где-то лежат эти пленки... Записи получились не очень качественными, потому что мешал треск горящих поленьев в камине. Сам звук хороший, но все время слышен треск.

Затем случилось одно маленькое происшествие, которое закончилось жуткими слезами Марины. Володя за столом не пил. Уже стали убирать посуду, чтобы накрыть стол для чая. Марина тоже помогала, понесла на кухню какие-то тарелки и вдруг увидела, как Володя хлопыстнул стаканчик водки. Марина страшно расстроилась, ушла в другую комнату, бросилась на кровать и разрыдалась! С ней просто была истерика. Володя чувствовал себя очень неловко, тоже расстроился... Ну ничего, потом постепенно мы привели Марину в чувство, все как-то успокоилось...

Есть такой снимок, который коллекционеры называют «На даче у Королева», но он сделан на улице...

Нет, все, о чем я рассказывал, происходило только внутри дачи, разъехались все, как водится, очень поздно... Потом они с Мариной еще раз приезжали ко мне, но я не помню, чтобы снимал на улице... Что они приехали на «мерседесе» — помню...

Как проходили съемки для западногерманского телевидения?

Да, было еще несколько встреч с Володей. Они связаны с тем, что Фриц Пляйцген, корреспондент первой программы телевидения ФРГ в Москве, задумал снять Высоцкого — сделать с ним передачу. В свое время Пляйцген был очень известным человеком. Высокий, красивый парень и очень толковый журналист, Фриц хорошо говорил по-русски, был активен и легко сходил с людьми...

А мы с ним дружили — у него не было кинооператора, а я по образованию именно кинооператор. И я снимал для Пляйцгена — довольно часто мы работали вместе. И вот съемки Высоцкого... Основная съемка происходила у меня, на той же даче. Вместе с Володей в кадре была Белла Ахмадулина, приехали еще Борис Мессерер, Сева Абдулов и моя дочь.

Фриц работал с микрофоном, а я — с камерой. Мы долго крутили-вертели, прикидывали... Фриц волновался — не было звукооператора, а сам он раньше никогда не работал со звукозаписывающей аппаратурой. Наконец мы начали писать... Володя отвечал на вопросы, много пел — материал получился очень хорошим. Передача много раз шла в ФРГ. Фриц продал ее и в другие страны.

Еще мы снимали Володю в «Галилее» и в «Гамлете» — съемка была из зала. Да, когда мы решили снимать в театре, Володя очень охотно на это пошел:

— Ради бога, ребята.

Сразу же повел к Юрию Петровичу Любимову — тот помог нам установить аппаратуру...

(Телефонный звонок. Звонит Игорь Бахтин. — *В.П.*)

— Игорь, ты не помнишь, в каком году была встреча с Высоцким? Ясно, Игорь... А он у нас был один или два раза?

Он говорит, что это было скорее всего в 1967 году... В ноябрьские праздники или перед самым Новым годом. Обычно клуб работал накануне каких-то праздников... Да, я вспомнил, было холодно, все в свитерах... И тогда Володя меня вот еще чем поразил... Он говорит:

— Смотри, сейчас бутылка сама откроется.

Взял бутылку вина, воткнул в пробку вилку, поставил на край стола:

— Сейчас толкну — и она сама откроется.

— Володя, она же разобьется!

— Смотри.

Он толкнул бутылку, она ударилась об пол, не разбилась, а пробка выскочила.

А на фото вы еще снимали Высоцкого?

Я снимал Володю на спектакле «Берегите ваши лица». Он пел «Охоту на волков». Помню, что снимал на пре-

мьере, — неплохие получились снимки. А потом-то этот спектакль запретили.

Может быть, у вас что-то осталось из неизвестных фото- или киноматериалов?

У меня нет систематического архива — все негативы хранятся где-то на чердаке... Надо искать. А вот у Фрица могло что-то сохраниться. Киноплёнку проявляли там, в ФРГ. Наверное, какие-то фрагменты не вошли в передачу. У Фрица может храниться что-то действительно интересное.

*Октябрь 1991, Москва**

Когда вы познакомились с Высоцким?

Это был конец шестидесятых годов, я уже начинала заниматься зубоучением, и довольно успешно... Немного знала Леву Кочаряна, потому что мой брат Саша Бродский работал на «Мосфильме» и они дружили. В фильме, который снимал Кочарян, Саша был вторым режиссером, к этому же фильму имел отношение Высоцкий.

Это был единственный фильм Кочаряна «Один шанс из тысячи»...

В то время Володя, Саша и Лева дружили. И часто свободное время проводили в доме моей мамы — это Столешников переулок, дом семь. А у меня была маленькая дочка, и вместо детского сада я приводила ее к маме. Приходила за ней часа в два — стоматологи работали тогда до часа. Приходила и заставляла там всю троицу и... «необыкновенный концерт». Обычно они покупали бутылку водки, две минералки и банку баклажанной икры. Лева мелко резал лук — получался такой салат... Выпивали, закусывали, мой брат садился за пианино, и начинался концерт... «На Тихорецкую составчик тронется», «А шизофреники вяжут веники, а параноики рисуют нолики», «Красное, зеленое», «Город уши заткнул»...

Конечно, Володя был автором большинства песен, но куплеты переставлялись, менялись слова — то есть Лева и Саша принимали активное участие в сочинении. Я помню, как на моих глазах «делалась» песня «Зэка Васильев и Петров зэка»... Как правило, одной бутылкой дело не за-

* Ю. Королев трагически погиб в 1994 году.

канчивалось, а денег у них почти никогда не было... И они обращались к моей маме: «Займите пять рублей!», а отдавали, по-моему, очень редко. Мама, конечно, ворчала, но деньги давала. Однажды иду к маме за дочкой, прохожу мимо бакалеи на Пушкинской и замечаю всю троицу. Они стоят и чуть не плачут: на асфальте валяются осколки бутылки, а в руках они держат две минералки:

– Вот, уронили... Закон подлости — разбилась только водка... Нэль, ну займи пятерку?!

...В 1972 году я уехала из Союза — уезжала навсегда, как на другую планету. Шесть месяцев жила в Израиле, потом три года в Берлине и наконец переехала в Кёльн. И вот в 1978 году я вдруг услышала от одного друга:

– А ты знаешь, что Высоцкий в городе?

– Да не может быть?!

– Нет, точно.

– Ну тогда передай ему от меня привет!

Не прошло и часа — и Высоцкий вместе с Романом Фрумзоном появился у меня! Стоит и смеется:

– Нэльёк, а я и не знал, что ты здесь...

Я пошутила:

– Что, Володя, пятерка нужна?

– Нет, пятерка не нужна, нужно две с половиной штуки.

– Чего?!

– Марок! Марок, Нэльёк...

– А что случилось?

– Представь, купил машину, вторую... Еду — и вдруг отвалился глушитель! Еле добрался до Кёльна.

Они с Романом уже побывали на станции техобслуживания, поговорили с ребятами.

– Можно все это сделать быстро, будет стоить две с половиной тысячи марок.

А денег у Володи не было. Я подумала, а потом говорю:

– Володя, а ты можешь спеть?

– Конечно, спою. Только гитары с собой нет.

– Нет гитары — достанем. Приходите вечером.

Они уехали. Было воскресенье... Я начала обзванивать друзей:

– Вы знаете, в городе — Высоцкий, будет концерт. Только не в театре, а у меня дома.

Значит, нужно подготовиться. Первое — гитара, второе — водка, третье — еда... Один мой друг поехал доставать гитару, второй — на вокзал (в воскресенье магазины в городе не работают), купил ящик водки. А третий отправился во Францию, в Льеж — там по воскресеньям бывает ярмарка. Можно купить все что угодно: от дичи до грибов... Кроме того, этот мой друг — отличный повар, так что все было на самом высшем уровне!

А пока эти трое ездили по делам, я стала звонить всем, кого знала в Кёльне:

– Сегодня у меня дома — концерт Высоцкого!

Многие не верили. Знаете, ведь в эмиграции дружишь со всеми русскими — неважно, кто откуда — из Москвы, Киева, Одессы или из Кишинева. И никто даже и подумать не мог, что когда-нибудь увидит живого Высоцкого! Конечно, Володя был для всех живой легендой!

Ну, вот... Ближе к вечеру у меня стали собираться люди. Стол был шикарный: от грибов до фазанов и рябчиков. Я сделала свой «фирменный» салат. Пришел Володя, гитару уже принесли... Все сначала выпили за него, закусили... Расселись кто где мог... Знаете, у меня была большая гостиная, но половина людей сидела прямо на полу, на ковре. Да, должна сказать, что Высоцкий за весь вечер не выпил ни рюмки.

К сожалению, этот — тоже «необыкновенный» — концерт мы не сняли на видео. Но мы его записали на магнитофон, и я уверена, что пленку можно легко найти. Сейчас больше половины наших из Кёльна работают здесь, в Москве.

Да, это была бы очень ценная находка...

Я понимаю, потому что Володя не только пел, но очень много рассказывал — про Москву, про театр, вспомнил и про нашу квартиру, про нашу историю... Пел и рассказывал очень много — я думаю, это продолжалось до часу ночи. А начали мы, наверное, часов в девять... Володя был в черной рубашке — ужасно вспотел, даже взмок. И говорит мне:

– Нэльёк, дай мне во что-нибудь переодеться...

Я жила одна, и никаких мужских вещей в доме не было. Дала ему белую блузку, она была почти как мужская

рубашка, — Володя ее надел. И продолжил петь. Знаете, наши реагировали по-разному: кто-то задумывался, кто-то смеялся, а кто-то потихоньку плакал... В общем, Володя добрался до наших душ...

Когда Володя закончил петь, я взяла ведро для шампанского — оно было сделано в виде черной шляпы, — положила туда сто марок...

— А теперь, мужики, по стольнику!

Как сейчас помню, Галя Бабушкина прошла с этой шляпой по кругу... Мы потом подсчитали — там было 2600 марок. Я сказала:

— Володя, чини машину!

В общем, он отремонтировал машину и уехал. Да, была еще одна — очень прискорбная — вещь... После концерта Володя попросил у меня шприц. Я говорю:

— Да у меня тысячи шприцев, а дальше что?

— Ну, тогда что-нибудь легкое...

— Есть только то, чем я зубы обезболиваю, а больше ничего...

Я, конечно, догадалась, в чем дело, и, честно говоря, была очень поражена.

После этого случая Высоцкий еще дважды приезжал в Кёльн. И каждый раз ему устраивали концерты. Один раз, я помню, он выступал в большом доме — в «парти-роум» — это то, что у нас раньше называлось «красный уголок»... Собрали всех, кто не был у меня... А когда концерт закончился, все дружной компанией поехали ко мне...

Потом был третий — последний — концерт, незадолго до его смерти, по-моему в мае или июле 80-го. Концерт был в небольшом ресторане, который только что открыли молодые ребята — Слава и Лариса. Он назывался «У Ларисы», и Володю попросили спеть, чтобы привлечь внимание к этому ресторану.

Володя зашел в ресторан, сел ко мне за столик и сразу налил себе полный стакан водки. Я говорю:

— Володя, тебе же нельзя! Я знаю, ты — в «завязке»...

— Я «развязал», — сказал он и выпил стакан водки. На моих глазах это было в первый раз после тех московских бутылочек...

А какие отношения были у Высоцкого с Романом Фрумзоном?

Знали они друг друга очень давно, еще в Союзе. Роман взял Володю в Берлин и там организовал его концерт. Потом были концерты в Америке, которые организовывал Колманович (по другим сведениям — Шульман. — В.П.), вместе с ними был и Фрумзон.

Да, вот еще что... Я думаю, у Володи в Союзе была подруга — девушка очень миниатюрного размера. Говорили, что это какая-то актриса из театра «Современник»... Но точно не знаю, Володя своих тайн не открывал, потому что, думаю, Марине это было бы неприятно. Он покупал этой девушке пальто, дубленку, еще какие-то вещи, — советовался со мной. Но все было очень маленького размера.

Как вы узнали о смерти Высоцкого?

Вот еще одна возможность уточнить даты... О смерти Володи я узнала через пять или шесть недель после его последнего концерта в Кёльне. Значит, концерт был в июне. Я возвращалась из Франции, с отдыха, одна — и вдруг слышу, по французскому радио поет Высоцкий. Одна песня, другая... Это меня ошеломило. Думаю, в чем дело? Высоцкий закончил песню, и в этот момент диктор стал говорить, что сегодня ночью скончался поэт, актер и певец Владимир Высоцкий, который был мужем Марины Влади...

А ведь совсем недавно, ночью, в тумане, мы ехали в аэропорт... Думали, что опоздаем. Володя нервничал... Я ему еще говорила:

— Володя, да ладно, опоздаем — останешься у нас...

Мы, конечно, успели. Он улетел...

Но куда?.. Я не знаю...

5 октября 1995, Москва

Юрий Петрович, в одном из концертов Высоцкий сказал: «Человек, который оказал на меня наибольшее влияние, — Любимов». Как вы думаете, почему?

Может быть, потому, что у нас с ним была такая привычка. Если Володя считал, что песня вчерне уже закончена, он всегда приходил и показывал ее мне. Пел и спрашивал: «Ну, как?» Я любил его слушать, любил его песни, поэтому всегда откровенно говорил и о песнях, и об исполнении.

А в чисто человеческом плане... Я старался помочь ему в борьбе с недугом, печальным недугом. Может, поэтому он так и сказал.

Юрий Петрович, когда вы поняли, что Высоцкий — актер с большой буквы?

Вы знаете, для меня Володя прежде всего был поэт, замечательный поэт. Вообще, Высоцкий — это явление, конечно, удивительное. И при жизни многими, к сожалению, непонятое. Многими его товарищами, коллегами и поэтами. Он рожден был поэтом. Имел дар Божий — поэта. Это был замечательный русский поэт. И это во Владимире самое ценное. Он расположил к себе с самого начала, как только я его увидел. И как человек Володя был мне глубоко симпатичен... Ведь я и взял его в театр за песни, когда узнал, что текст и музыку пишет он сам. Тогда он мне довольно долго пел свои песни. А показывался он так себе. Можно было и не брать за это. Тем более что за ним, к сожалению, тянулся «шлейф» — печальный шлейф вы-

пивающего человека. Но я этим пренебрег тогда и не жалею об этом.

Каким он пришел? Смешным. Таким же хриплым, в кепочке. Кепочку снял вежливо. С гитарой. В пиджачишке-букле. Без всякого фасона, не такой, как говорили, — стильный молодой человек, нет. Пришел очень просто. Парень очень крепкий, сыграл чего-то. Сыграл, и не поймешь, собственно, брать или не брать. А потом я говорю: «У вас гитара? Может, вы хотите что-то исполнить?» — «Хочу». — «Ну, пожалуйста». Он спел. Я говорю: «Еще хотите исполнить?» Он еще спел. Я говорю: «И что же вы исполняете?» — «Ну, — говорит, — свое!» — «Свое?» Я его сразу взял. Вот и всё. Вот история его прихода.

Володю отличали необыкновенная любознательность и потрясающее умение притягивать к себе людей. Это редкий дар. Он часто говорил: «Я сочинял песни для своих друзей и пел их в очень интимной компании...» А потом песни стали расходиться кругами бесконечными по всей нашей огромной и необъятной стране. И эта интонация дружеская, расположение притягивающее, с которыми он пел своим друзьям, — все это в нем осталось до конца. Был у него и еще один дар удивительный: он умел любить человека. Поэтому к нему так тянулись люди.

...А если взять его «блатной» цикл — его ведь тоже не понимают... Про Володю ведь такие небылицы плетут... Но это связано с тем, что он уже при жизни стал какой-то легендой. К нему, вы знаете, шли тысячи писем... «Вы, как бывший уголовник, так прекрасно написали... Поняли сердцем... Я перековался...» А ведь он писал эти песни пародийно, стилизуя, проходя через все слои людей. У него необъятная палитра песенная. Ведь у него восемьсот с лишним песен. Это же надо успеть написать! А сколько у него осталось стихов! Ну, меньше, конечно, но ведь архив не весь еще разобран. Хотя я знаю, что и проза у него есть. Такого обилия не ожидал даже я, близко его знавший... Я не думал, что у него столько осталось стихов, на которые он не писал музыку. Владимир говорил очень часто, что последнее время он больше работал с бумагой и карандашом, а не с магнитофоном и гитарой. И одна из целей нашего спектакля о Высоцком

была даже полемической — показать и поэтам и людям, которые считают его только песенником, что его стихи — это высокая поэзия. Я-то убежден, что это — высокая поэзия. И любовь к нему миллионов людей доказывает это. Это же все-таки удивительное явление, что в любой день со всей страны к нему на Ваганьково приезжают люди, просто постоять. Зачем? Вот хочется задать вопрос: зачем? Значит, они с духовной какой-то жадью приезжают? Значит, он умеет утолять духовную жажду людей. Они приезжают к нему — к легендарному, к бесстрашному человеку, который пел все, что хотел. Он открыл необъятные новые темы, которые часто многие поэты боялись и затрагивать. Почему его песни так пошли в народ? Сейчас же говорят его словами. Муж хочет утихомирить жену и говорит ей сурово: «Ты, Зин, на грубость нарываешься!» Если иронически кто-то хочет что-то сказать, то говорит: «Жираф большой, ему видней». То есть он, как Грибоедов, входит в пословицы, его песни становятся истинно народным достоянием. Это же тоже удивительное явление.

Я был с ним в войсках, в суровой обстановке, и очень крупный военачальник говорил, что он просто завидует дару этого человека влиять на людей. «Какая у него сила, какая у него огромная энергия — взять и заставить людей слушать, затаив дыхание! Это качество хорошо иметь полководцу». С совершенно разных сторон об этом человеке говорят удивительные вещи, просто удивительные.

Володя был азартный человек, очень любил бывать всюду, в разных компаниях, жадно слушал людей. Он не читал наставлений и не учительствовал, а именно слушал. Вдруг исчезнет: то пойдет в подводное плавание — моряки рисковали, брали его с собой, то летчики брали его в самолеты, то альпинисты — в горы. А он им всем давал силу. Все они говорили, что лучше себя чувствуют, когда с ними Высоцкий, как-то спокойней, уверенней.

Повторяю, для меня Володя — прежде всего поэт. Прежде всего. Он был прекрасный актер, потому что он был личностью. Он всегда со сцены нес какое-то свое ощущение мира. Я уже не говорю о том, что у него всегда по-

разительно звучал текст. Потому что Володя понимал, что такое слово и как трудно слово отбирать. У него удивительные стихи, по форме безукоризненные, и кажется, это давалось ему легко. И когда читаешь внимательно его стихи, то поражаешься их законченности, гармонии. А сколько у него набросков бесконечных! Он очень много работал над словом.

И еще — Володя был очень добрым человеком, всегда старался помогать, всегда. Если он знал, что человеку плохо, то обязательно находил возможность помочь. Грустно об этом говорить, но могилу ему не случайно вырыли не как всем. Очень глубоко могильщики вырыли. Говорили: «Пусть сохранится». И место достали сразу, очень красивое место. Как войдете — прямо под деревом. И покоится Володя рядом с Есениным. Они как два золотника, как два брата — Есенин и Высоцкий. Истинно народные таланты, и недаром народ их любит.

Как складывались ваши личные отношения?

Вот только один пример... Я очень часто болел, и однажды так случилось, что жена с сыном были в Будапеште (моя жена венгерка). Я лежал дома один, с очень высокой температурой — за сорок. Был в полубессознательном состоянии, но вдруг слышу: кто-то настойчиво звонит. Я по стенке, по стенке долго-долго шел. Звонит еще — видно, знает, что я дома, и думает — почему не открываю. Я открыл, зашел Владимир. Увидел, в каком я состоянии, и говорит:

- Как же так? Вы — один?
- Ничего, ничего... Я как-нибудь отосплюсь, Володя...
- А что у вас?
- Не знаю, просто температура очень высокая.

Но Владимир, сказав только «Подождите!», уехал. Я даже не помню, сколько времени его не было.

Оказалось, он на своей машине мимо обалдевших милиционеров въехал в американское посольство, достал там какой-то очень сильный антибиотик и привез его мне. И я глотал это лекарство через каждые четыре часа. Действительно, спустя два дня температура спала.

Вы знаете, Юрий Петрович, существует мнение, что песня «Бег иноходца» посвящена вашим отношениям?

Может быть. Но впрямую Владимир посвятил мне одну песню — «Ах, как тебе родиться подфартило». Она написана к моему шестидесятилетию. В трудную минуту для меня и для театра он написал и спел — «Скажи еще спасибо, что живой!»

И еще одна песня. Когда театру было плохо, актеры приходили ко мне... Спектакли запрещали, меня выгоняли, а я им говорил: «Ну чего вы паникуете? Еще не вечер». И эту фразу Володя взял рефреном в свою песню («Четыре года рыскал в море наш корсар». — *В.П.*). «Еще не вечер», — я все время успокаивал актеров этими словами.

Кстати, возьмите в нашем музее тексты этих песен и опубликуйте.

Песни для спектаклей — это были прямые ваши заказы или они рождались по ходу дела, в работе?

Были и прямые заказы, когда мы с Владимиром оговаривали, о чем песня, какой характер. Например, для «Десяти дней...», для сцены «В логове контрреволюции», он очень быстро написал песню («В куски разлеталась корона». — *В.П.*). Иногда брал песни из своего старого запаса. А в «Пугачеве» — частушки, это мы вместе что-то импровизировали. В общем, в разных спектаклях было по-разному.

В «Пугачеве» тексты интермедий написал Николай Робертович Эрдман. Эрдман и Высоцкий были знакомы?

Познакомил их я. А попросил меня об этом сам Николай Робертович: «Юра, не сможете ли вы пригласить Володю в гости? Может быть, он споет мне, меня поражает, как он пишет свои песни!» Эрдман сам прекрасно сочинял басни, сказки, писал сценарии, он великолепный, остроумный, уникальный драматург. И он чувствовал необычность того, что делал Высоцкий. Эрдман говорил: «Я понимаю, как сочиняет Булат Окуджава, как пишет Саша Галич, но никак не пойму, как этот человек рождает такие не-

обыкновенные словосочетания, такие необыкновенные обороты отыскивает».

Спектакль по песням Высоцкого — на каком этапе была работа?

Да, мы думали с Давидом Боровским сделать Владимиру такой спектакль и начали репетировать. Но потом Володя уехал в Париж, и как-то это дело распалось. Многие годы я пытался хоть как-то легализовать Высоцкого. Хотел, чтобы официальные инстанции наконец признали: вот Высоцкий — актер театра — исполняет свои песни. Мы хотели его фигуру сделать легальной, чтобы концерты Высоцкого не были какими-то подпольными. Владимиру постоянно во всем мешали...

Было несколько репетиций, но печалиться особенно не стоит — это была бы форма концерта. Концерта, который обрел бы официальный статус спектакля в нашем театре.

Отъезды Высоцкого за границу — были ли конфликты?

Конечно, были. Как это не может быть конфликтов, если театру очень трудно обойтись без такого человека?! Это всегда было тяжело, и репертуар страдал. «Гамлет» не шел, а в другие пьесы приходилось вводить дублеров, а это всегда утомительно и тяжело. Но мне хотелось сохранить Владимира в театре, и я терпел.

Высоцкий популярен за рубежом?

Не везде. В Скандинавии, например, популярен. Шведы сделали спектакль о Высоцком — очень удачный. Главным образом благодаря хорошим переводам. Один швед, который 15-лет сидел в наших лагерях — кто у нас только не сидел! — сумел найти адекватные образы. Интересно, что и здесь, в Москве, этот спектакль имел успех!

А так... знают, слышали. Что вы хотите, если Пушкина не все за рубежом знают. Во всяком случае, сейчас Высоцкий более популярен за границей, чем в те времена, когда были гастроли театра во Франции...

Хорошо Высоцкого знают в соцстранах, например в Венгрии. В Венгрии сделали передачу на телевидении, кстати, помогала моя жена... Там прекрасно снята песня «Спасите наши души». Недавно эту пленку показывали на моем вечере в Доме кино.

Последняя работа Высоцкого в театре — Свидригайлов в «Преступлении и наказании» — вызвала разные отклики...

С моей точки зрения, Владимир играл замечательно. Зрело, чрезвычайно глубоко! Прекрасно чувствовал текст и глубину Достоевского. Он вообще прекрасно чувствовал слово и удивительные слова находил в своих стихах и песнях.

«Гамлет» — почему я поверил, что он сыграет? Я всегда ценил его отношение к слову, его прекрасное чувство ритма. И был уверен, что Владимир как поэт проникнет в стихотворную структуру перевода Пастернака. Думаю, у него был какой-то внутренний импульс. А работа над ролью была долгой и тяжелой.

В одном из своих выступлений о Высоцком вы сказали, что в Марселе он сыграл Гамлета гениально...

Да, он просто ощутил эту последнюю грань. Владимир был в очень плохом физическом состоянии, ему было очень тяжело играть. За день до спектакля он просто пропал. Волею судеб ночью я его нашел. Врачи предупредили, что ему играть нельзя. Он же сказал, что играть будет. Дежурил врач. Ведь никто не заставлял. Володя говорил: «Я своим долгом считаю — играть». А врач боялся, что у него не выдержит сердце. Я актеров предупредил, что если во время спектакля что-нибудь случится и надо будет укол сделать, то выйдет король — Смехов — и спросит: «Где Гамлет?» Прибегут Розенкранц и Гильденстерн и скажут: «Сейчас найдем» — чтобы заполнить паузу. То есть мы придумали какую-то схему на случай, если нужно будет сделать укол за кулисами. К счастью, делать этого не пришлось... Он играл непередаваемо. Совершенно... Играл сдержанно, глубоко и мудро — это было замечательное исполнение.

Вы были на последнем «Гамлете» 18 июля?

По-моему, не был... Да, я тогда болел, сильно. А 25 июля часов в пять утра меня разбудил Давид Боровский и сказал, что умер Володя...

Вопрос о похоронах решался на самом высоком уровне. Вначале был возмутительный приказ о ритуале похорон, на что я ответил, что выполнять его не буду... Владимира будут хоронить его друзья! Я ответил очень жестко — вы же его травили!.. Потом они проконсультировались и решили в этом вопросе уступить...

Я уже говорил, что действительно стал уважать москвичей за то, как они проводили своего Поэта. В условиях закрытого города — шла Олимпиада. Стояла дикая жара, и было совершенно необыкновенно, что люди не себя оберегали зонтами от жары, а цветы. Я даже стихотворение написал об этом...

Вы, наверное, знаете... Кто-то сказал, что похороны Высоцкого — это спектакль, который поставил Любимов. Зло сказал.

Ну, почему зло. Я просто старался, чтобы люди могли прийти и проститься, чтобы был порядок, чтобы не было Ходынки. Я хотел, чтобы гроб стоял на сцене, на подмостках, на которых Володя играл... Это такая театральная традиция. Вот и всё...

Володарский приносил вам пьесу о Высоцком?

Да, но она мне очень не понравилась. Мы сами сделали Высоцкому прекрасный, на мой взгляд, спектакль, где, по-моему, есть эффект его присутствия. Я твердо верил в идею: идет «Гамлет», а сам Гамлет мертв. Эта идея верная. Были предложения сделать спектакль на фоне «Пугачева», но я не хотел. И считаю, что правильно решил. Было очень трудно сделать этот спектакль, но это уже другой вопрос. Нам не давали сделать так, как мы хотели...

А когда спектакль «Владимир Высоцкий» увидят зарубежные зрители?

Мы должны были везти этот спектакль в Америку, но у них не хватает денег, о чем я сожалею, потому что

в США большая русская эмиграция, и, конечно, зрители были бы. Может быть, этот спектакль поедет в Израиль.

И последний вопрос: любимая песня Любимова?

Я не могу назвать одну... Целый ряд песен... Очень люблю «Охоту на волков», «Райские яблоки», «Баньку», люблю его последние стихи. Владимир очень обижался, когда замечал снисходительное отношение наших поэтов. Я видел, что это его ранит, такое снисходительное похлопывание по плечу.

Считаю, что Владимир — поэт замечательный, чрезвычайно важный для России.

24 марта 1989, Москва, Театр на Таганке

Я познакомился с Владимиром осенью 1967 года. В кабинете Любимова показывал макет спектакля «Живой», один из вариантов. Вошел Владимир — и Юрий Петрович нас познакомил. Мне запомнился его неподдельный интерес к новой работе театра, юмор и открытость.

До этой встречи видел его в спектаклях, слушал песни. Потом мы встречались на репетициях спектакля «Живой». Владимир начинал репетировать одну из главных ролей — Мотякова, крутого такого начальника.

Позже слушал его и в концертах, и из-за кулис. На сцене театра Владимир был только актер, актер говорил чужие слова, играл чужой характер. А на концертах это был совершенно другой человек: поэт и певец — автор. Его песни — это особый род сочинений, причем театральных сочинений.

У Владимира были определенные проблемы с авторскими концертами, не всегда удавалось легализовать его выступления. Поэтому в 75–76-м годах в театре началась работа над спектаклем на материале его сочинений. В этом спектакле Владимир выступал бы как автор и исполнитель своих песен.

Мы начали репетировать, репетировали в выходные дни, работали на энтузиазме постановочных цехов. Репетировали втроем: Владимир, Любимов и я, иногда репетировали Высоцкий и Любимов. Идея конструктивного решения спектакля была такой: казенный дом и дальняя дорога.

Ведь у Владимира огромное количество персонажей — как бы случайных попутчиков, колесящих по дорогам России. А в дороге люди часто бывают откровенными. Мы хотели использовать способность Владимира перевоплощаться в своих бесконечных персонажей. А еще этот мотив — дороги и постоянного движения — давал возможность создавать ритм и внутренний и визуальный.

Макет представлял собой двухэтажные качающиеся нары или полки вагона. Были сделаны декорации, они передали ритм движения, ритм дороги. Владимир считал, что если удастся сделать этот спектакль, то все его творчество получит «право гражданства».

Почему спектакль остался только замыслом? Точно не могу сказать — или Владимир перегорел, или Любимов остыл... Я пробовал вернуться к этому замыслу в первом варианте макета спектакля «Владимир Высоцкий».

...Работа над «Гамлетом». Это была идея Владимира, он долго ее вынашивал, вовлекал главного режиссера. На Таганке ничего быстро не делалось: один спектакль легче, другой труднее, но всё в работе. «Гамлет» рождался естественно и трудно...

Сложность положения Владимира в театре заключалась в том, что он вырастал в огромную величину, а оставался членом труппы. В театре — репертуар, дисциплина, и у многих актеров жизнь — это только театр. А у Владимира вне театра тоже была жизнь, и жизнь значительная и интересная. Ему нужна была свобода как человеку и как вольному художнику. А дисциплина мешала, но и спасала его. Роль Гамлета не только стала для него театральной судьбой, она продлила ему жизнь...

Не все в театре понимали величину Владимира: близость всегда мешает осознанию истинных пропорций. А еще этому пониманию мешало то, что актеров объединяют подмостки, а там свои амбиции и самолюбие. Мне было проще, я не артист. Относились в театре к Владимиру и с любовью, и с ревностью, и со всем тем, что таит в себе театр...

А еще конфликтность была в том, что Высоцкого любили Любимов. Юрий Петрович прощал Владимиру те слабости, которые другим никогда не прощал.

Тень кризиса нависла над нами после десяти счастливых лет. Наверное, любому театру трудно выдержать испытание славой. Этому испытанию подвергся и театр, и Высоцкий. К тому времени многие уже состоялись как артисты, как личности, как художники. Не раз театр переживал критические моменты, но всегда успешно их преодолевал.

А я пришел на Таганку на третьем году жизни театра и стал познавать эту жизнь изнутри. Царила атмосфера взаимной влюбленности — актеров в режиссера и режиссера в актеров. Была искренность и честность позиции: непозволительно играть на технике, всегда — на полной отдаче! Нерв, совесть и доброта — вот интонации Таганки. Театр старался «глаголом жечь сердца людей», быть явлением страстным!

Спектакль «Владимир Высоцкий» — это было право театра отдать долг товарищу. Это была дань признательности Владимиру. И тогда каждый по-новому взглянул на себя, на свое прошлое и на свою жизнь в театре. Возвращалась студийность, атмосфера первых лет... Все забыли о себе, ушло многое, что накопилось за эти годы. Это была попытка, но попытка необходимая — и для того времени спектакль во многом удался.

Театр сформировал Высоцкого? Нет, это процесс взаимный, разорвать нельзя. И трудно сказать, кто кому больше дал. Тут еще повлияло время...

Владимир жил на максимуме, всегда на максимуме! У него была особая чувствительность и особая тонкокожесть. Было уникальное сострадание к людям трудной, трагической судьбы. Не любопытство, а абсолютное сострадание! Владимир мог буквально влюбиться в таких людей, а общение с ними предпочитал общению с любимыми другими.

У Владимира было свойственное его поколению чувство вины перед теми, кто не вернулся с войны. Он сумел понять и оценить судьбу целого поколения. И свою часть долга погибшим и невернувшимся он отдал полностью.

Главная черта характера? Владимира как человека не испортила его просто фантастическая популярность. Человек, который был на виду у поколения, сумел совладать со своей славой, а это бывает очень редко. Внутри, в сути своей Владимир не изменился за эти годы.

Январь 1986, Москва

Я работала в Театре драмы и комедии на Таганке еще при Плотникове. Уже было принято решение, что Плотников уходит, и коллектив разделился. Одни были за Суркова — театрального критика, другие — за Юрия Петровича Любимова. Вопрос решался в Московском горкоме партии, всех нас вызвала некая Шапошникова. Так и сидели друг напротив друга: часть труппы, которая была за Суркова, и другая часть — все молодые во главе с Дупаком — за Любимова. И наше мнение победило.

Володя пришел чуть позже, но уже через два-три года он был занят в большей части репертуара.

Велись такие тетради, где регистрировали все выходы актеров. Теперь они хранятся в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. — *В.П.*). Когда Юрий Петрович уехал за границу, мы все документы отдали туда. Теперь я думаю, что зря отдали... Так вот, были, конечно, отмены спектаклей, но Володя всегда предупреждал заранее. Все это легенды, будто искали его по всей Москве. На моей памяти, искали его только один раз — в Марселе, искали Любимов и Марина Влади.

Да, было такое: Володю уволили. Он написал письмо: «Не могу жить без театра...» Это письмо разбиралось на профсоюзном собрании, протоколы тоже должны быть в ЦГАЛИ. И коллектив решил — Высоцкого оставить! Вообще, это увольнение, по-моему, не было фактическим увольнением. Я думаю, это была такая мера воздействия — воспитательная.

...Очень любил петь в театре. Здесь, внизу, собирал вокруг себя актеров — и пел. А я вначале не знала, что Володя поет свои песни, думала, что дворовые, чужие.

Отношение к Володе в театре было особым. Именно особым... Актеры и любили Высоцкого, и завидовали ему. Всякое бывало...

Наши личные отношения? Ну, например, Володя знал, что я люблю французское мыло и кислые конфеты. Причем мыло одного определенного сорта. Приезжает из Парижа — и таким широким жестом! — французскую сумку на стол! Сумку, полную этого мыла и кислых конфет.

...В Ленинграде — это наши первые гастроли — около театра люди ночевали на тюфяках и раскладушках, чтобы рано утром купить билеты, попасть на спектакль. Выходим на аплодисменты. Раз, два, три, четыре... А люди не уходят, тянут руки — творилось что-то невообразимое! А я сама из Ленинграда, думаю: «Ну, наконец-то началось братание Москвы и Ленинграда!»

А в Ташкенте люди лезли по карнизам, залезали в окна — чтобы увидеть Высоцкого. Мы специально открывали окна — не дай бог кто-нибудь сорвется. В Тбилиси один раз вообще окна выдавили.

Да, вот что рассказывали, но, может быть, это легенда... Шеварднадзе едет. Громадная толпа. Он спрашивает:

— Что это такое?

— А это Высоцкий приехал!..

1987

Когда вы пришли в Театр на Таганке?

В театр я попал в 1974 году после Щукинского училища. Был приглашен в несколько театров, но мне больше всего хотелось работать именно на Таганке... Еще студентом я видел несколько спектаклей Любимова, и у меня никаких колебаний не было.

К этому времени вы уже знали Высоцкого? Ну, может быть, не как актера, а как Высоцкого?

Да, я знал песни Высоцкого, которые были очень популярны в определенных кругах. Не могу сказать, что они производили на меня огромное впечатление и что я очень увлекался этими песнями, но я их знал.

А первое сильное впечатление, если говорить конкретно, — это «Добрый человек из Сезуана». В спектакле мне запомнился человек, который играл летчика Янг Суна, но я тогда не знал, что его играл Высоцкий. Когда он запел песню «В День Святого Никогда», меня охватил озноб. Я смотрел с галерки, была страшная жара, и вот как будто какой-то холодный разряд. Вот первое конкретное впечатление... Давайте я буду говорить только о конкретных вещах.

И потом работа в театре. В каких спектаклях вы играли вместе с Высоцким?

Только в «Преступлении и наказании». Спектакль давался мне очень трудно, репетиционный период был сложным. Вначале — месяц или два — вообще ничего не

выходило. Но с самого начала репетиций произошла одна очень странная вещь... Я играл Раскольников, Высоцкий — Свидригайлова... В спектакле есть две сцены, где взаимодействие этих персонажей достаточно конкретное. И когда ничего не получалось, Любимов мне говорил:

— Саша, ну почему вы с Владимиром с самого начала играете так, как должны играть в идеале? Почему в этих сценах вы все понимаете и все выполняете? Нужно, чтобы всю роль вы так вели...

Известная вещь: если партнер играет хуже тебя, то как бы ты ни был оснащен — тоже запутаешься и начинаешь играть еще хуже партнера. Все рушится. Я сейчас расскажу об ощущении, много раз испытанном: видимо, от Владимира шла какая-то энергия... И видимо, эта энергия обволакивала меня своим полем — и все, на что я был способен, максимально раскрывалось. Начинала работать фантазия — от очень точного психологического рисунка и от той энергии, которая шла от Высоцкого. И я это говорю безо всякого преувеличения! Хотя это что-то метафизическое, но я это чувствовал.

Репетиции шли долго. В самом начале — иногда я чрезвычайно волновался — подошел Владимир и сказал (меня это очень тронуло):

— Саша, ты что-то очень много слов от себя добавляешь... Это Достоевский. Тут ничего нельзя...

— Володя, я потом все это уберу. Все эти междометия от себя...

— Нет, потом тебе будет очень трудно. Давай, я сяду где-нибудь за кулисами с экземпляром пьесы и буду просто следить за текстом...

Я ему ответил, что сам постараюсь следить... Все-таки такая большая роль, да и я еще не обладал должным театральным опытом.

А вообще, Владимир все эти годы был очень замкнут... Он всегда держался достаточно независимо, что могло показаться и высокомерным... И это, наверное, порождало в труппе — я не говорю про всех — какую-то неприязнь, даже злобу...

И еще — очень конкретное, что осталось в памяти... Вышел спектакль, и на каком-то этапе все стало склады-

ваться. Но я еще не научился распределять свои силы так, чтобы мне их хватило от начала до конца. Уже было сыграно — не один, не два, не пять — более ста спектаклей. Сколько точно, не помню... Почти перед самым концом спектакля наступал такой момент, когда я минуты на двести уходил за кулисы. Высоцкий в это время играл сцены с Ниной Шацкой — сцена Свидригайлова и Авдотьи Романовны. А к этому моменту я уже выдыхался окончательно! Я уходил за кулисы с мыслью, что теперь осталось мало, полторы сцены... Что просто уже не могу! Всё! Имею право расслабиться, тем более что осталось якобы не самое главное...

И тут по трансляции я слышал сцену Высоцкого с Шацкой, а эта сцена по ходу становится такой динамичной... Я слышал, как Высоцкий начинает — голос такой, как на последнем издыхании... Дальше уж некуда. Но уровень он никак не снижает. Хотите верьте, хотите нет: мне становилось стыдно! Думаю, ну как же так?! Он старше, и здоровья меньше... А Владимир явно уже на последней ноте — но он ее дотягивал! И я ни разу не вышел просто доигрывать: «Ну ладно, как-нибудь доиграю...» Именно из-за Высоцкого! Даже голосом он помогал продержаться до конца.

Вот конкретные вещи, которые остались в памяти...

А премьера? Разве она не запомнилась?

Были прогоны, прогоны: все плохо, все не так... Я уже совершенно изнемогал... А премьера... Запомнил только, что в зале были люди, и мне вдруг дали охапку цветов! Юрий Петрович написал на афише: «Саша, поздравляю Вас! Терпение и труд все перетрут!»

Тогда много споров было о том, был ли на сцене Свидригайлов или только Высоцкий...

Понимаете, специалисты могут еще долго спорить, насколько он был Свидригайлов... Но Владимир был настолько мощным, что для меня это неважно... Всегда на сцену выносились судьба и еще столько всего!.. Как он играл — это был для меня какой-то ориентир: вот это верно... Надо было стремиться так устроить внутреннее хозяйство своей роли, чтобы ему соответствовать...

Высоцкий играл одинаково или были иногда импровизации?

Сама структура этих сцен предопределяет достаточно жесткий рисунок — рисунок развития сцены, диалога, конфликта... Но в той мере, в какой это было возможно, всегда были какие-то живые отклонения в сторону импровизации. Но я не называю это импровизацией, скорее это залог того, что одну роль можно сыграть и сто, и двести раз... Потому что как только все задалбливается и интонация становится одной и той же, как только все идет в одном привычном диапазоне — конец.

А у нас всегда было по-живому: я видел его глаза, он видел мои... И, если можно так выразиться, будто какая-то искра пробежала... «Вчера было замечательно, но бог с ним... Это уже было. Интересно, как будет сегодня?» Вот это с Владимиром было очень легко.

22 июля 1980 года шел спектакль «Преступление и наказание». Играл Высоцкий?

Если спектакль давали, то играл Высоцкий. До самой его смерти замен не было. Но запомнился ли мне спектакль? Нет, ничего необычного... Просто я знал, что Владимир нездоров, что ему приходилось напрягать последние силы, чтобы сыграть Гамлета или в «Преступлении и наказании»... Нет, ничего необычного не было — спектакль шел на прежнем уровне... Оставались у него силы или они были «на нуле» — он все равно держал уровень, и уровень высокий! Непонятно, за счет каких внутренних резервов...

Как вы узнали о смерти Высоцкого?

Я пришел в театр по какому-то своему делу. Служебный вход тогда был со стороны тупика. Открыл дверь, прошел вперед, смотрю: какой-то плакат висит на двери... Плакат в траурной рамке. Вот так просто... А там уже шепотом говорят, как и что, во сколько и где...

А потом, почти два года, я голос его слышать не мог... Смерть Высоцкого для меня стала шоком. Здесь я не оригинален, но было странно... Я пережил довольно много кончин самых близких людей — родителей, родственников... И вдруг отреагировал на уход Владимира из жиз-

ни — ну, как никогда... Я мог бы это понять, если бы нас связывало тесное человеческое общение, ну хоть что-то личное... Нет! Никакого общения не было. Только, как мне показалось, взаимная расположенность и скупое, исключительно профессиональное общение.

Для множества людей его смерть была потрясением... А я два года не мог слышать голос Высоцкого — сразу спазм и слезы! Меня самого это поражало... Думаю, ну почему у меня? Что же это такое?! Это куда-то прямо под сердце врезалось... И непонятно, почему именно у меня... Это еще одна — и последняя — конкретная вещь.

А то, что творится сейчас, — эти статуэточки, эти открыточки... Это чудовищно! Это кощунство! И этот поток не остановишь... Тут у нас, рядом с театром, есть палатка — стоят поросята-копилки, а рядом эти штуковины — статуэтки... Покрашены «золотой» краской... Это — не увековечить, это — уничтожить! Это как раз то, что Владимиру всегда было ненавистно!

Вы должны были играть в фильме «Каникулы после войны» по сценарию Высоцкого, но...

События развивались следующим образом. Месяца два назад мне позвонил режиссер Лордкипанидзе, сказал, что они начинают эту работу. Объяснил, что сценарий Высоцкого и что якобы его передала Марина Влади... Лордкипанидзе знал меня по гастролям в Тбилиси в 1979 году. Мы играли там «Преступление и наказание». Владимир тоже, разумеется, играл... Режиссер даже сказал:

— Я вас знаю, и мы не будем делать пробы.

Меня утвердили на роль, которая, по идее, предназначалась Ольбрыхскому...

Съемки должны были начаться в Ленинграде. Однако за два дня до этого мне позвонили из Тбилиси и сказали, что у них там случилось... Это были события 9 апреля, та кровавая ночь. И сообщили, что режиссер отказывается снимать картину.

Я с самого начала знал, что это сценарий Высоцкого, и меня это очень заинтересовало. Я прочел... Сразу стало ясно, что один из персонажей — роль только для него.

16 июня 1989, Москва

В 1967 году я закончил десять классов и еще в школе знал, что когда-нибудь буду работать в театре. На Таганке я еще не был — просто невозможно было попасть. Окончил школу, провалился на третьем туре в Щукинском училище и стал ходить по всем московским театрам, мечтая трудоустроиться. В отделах кадров говорил, что согласен на любую работу. Был в Вахтанговском, там меня спросили закон Ома, закон Ома я не знал — и меня не приняли в электрики. Пошел в Малый — оказалось, что нужны мебельщики. Стал работать мебельщиком, но через две недели ушел оттуда по «идейным» соображениям... Стал свидетелем вопиющего, с моей комсомольской точки зрения, случая. В спектакле «Джон Рид» Ленина репетировал Игорь Владимирович Ильинский. Это был всем нам известный Огурцов, но в до боли знакомом гриме вождя революции. И вот Игорь Владимирович в этом самом гриме споткнулся о грузку (это такие механические болванки, которыми загружают кулисы). Споткнулся... и сказал по этому поводу несколько ядерных слов. Я аж подскочил: как, актер играет Ленина и так ругается?! Я ушел из Малого театра.

Прошло два-три дня... И через забор, а далее через крышу я все-таки проник на Таганку. Играли «Послушайте!». Маяковский был моим кумиром, и спектакль оказался гениальным! Он полностью соответствовал моему восприятию Маяковского. Да еще одного из Маяковских играл Высоцкий! Я решил — буду работать только здесь.

На следующий день я был в отделе кадров. Но меня отфутболили, сказав, что детский труд в стране запрещен. Я был молодой и нахальный, но хилый, и мне не исполнилось еще семнадцати лет. Я не успокоился, пошел к замдиректора, тогда им был Ефим Филиппович Улановский. Тот тоже меня прогнал. В отчаянии спускаюсь по лестнице... Навстречу мне поднимается какой-то веселый человек. Я к нему:

- Дяденька, вы не знаете, где Любимов?
- А зачем тебе Любимов?
- Да я думал — на Таганке свобода, а тут сплошные контрики. Не берут меня на работу.
- А почему ты хочешь работать именно здесь?
- А здесь правду говорят.

Может быть, ему понравилась моя пионерская искренность (а это, как выяснилось, и был Любимов), не знаю... Но он отвел меня в отдел кадров, и я стал рабочим сцены Театра драмы и комедии на Таганке. Это было 17 октября 1967 года.

Работали мы с восьми утра до двенадцати ночи: утром репетиции, вечером спектакли. Многие жили довольно далеко, мне, например, приходилось иногда ночевать в театре. В общем, наступили самые счастливые в моей жизни времена, как это я теперь понимаю, по прошествии двадцати с лишним лет... Было трудно, жутко тяжело, но очень интересно. Замечательные заседания Художественного совета, которые никому не возбранялось посещать. А там бывали Эрдман, Твардовский, Можаяев, Абрамов... Это было славное время, удивительная атмосфера. Тогда и формировались наши души...

А с Высоцким я познакомился при довольно своеобразных обстоятельствах. Я люблю об этом вспоминать... 1 ноября 1967 года я впервые получил трудом и потом заработанные деньги. Их было немного — 31 рубль 25 копеек. Семья уже ждала этот капитал — надо было жить... Получил деньги, иду по коридору очень довольный: 25 рублей маме, а остальное — на личные расходы. А навстречу мне идет артист театра Борис Будкеев. Кстати, замечательный был артист, к сожалению, его уже нет в живых...

- Привет! Получку получил?
- Получил.

— Пойдем в картишки перекинемся?
 — А я не умею...
 — Ну, в «очко» — это же так просто... И думать не надо — как карта пойдет.

Здесь надо заметить, что отношение к актерам у нас у всех — монтировщиков, осветителей, рабочих — было как к инопланетянам. Мы смотрели на них «с чувством страха и умиления». И вдруг этот небожитель, который сеет разумное, доброе, вечное, запросто подходит и предлагает поиграть в карты! Это же счастье!

И я пошел. Начали играть без денег. Я стал выигрывать. Он говорит:

— Вот видишь, как тебе везет. Давай по 20 копеек?
 — Давай по 20.

Смотрю, у меня уже не 31 рубль 25 копеек, а 32 рубля! 34 рубля! Азарт жуткий, ручонки трясутся...

— А давай по полтиннику?
 — Давай!

У меня уже 40 рублей в кармане! Пиджак — долой!

— Давай по рублю?
 — Давай по рублю.
 — По «трешке»?..

В конце концов я остался «без копы», да еще должен был рублей 15... Спустился вниз, униженный и оскорбленный, у нас там было актерское фойе. Пусто, я забился в закуток, скрытый за ватным занавесом. В этом закутке стояло драное кресло, я плюхнулся в него и заревел о своей пропащей жизни. А краем глаза вижу, прошел Высоцкий. Потом вернулся, заглянул за занавес. Увидел меня, присел на корточки, положил руку на колено:

— Ты чё? Получку получил?

Я так и подпрыгнул на месте: неужели и он картежник?!

— Да нет...
 — А чё ревешь? С Будкеевым в карты играл?
 — Да нет...
 — Где он?
 — Наверху...

Высоцкий ушел. Вернулся через несколько минут и положил мне в карман пиджака 50 рублей. И еще сказал, что, если увидит меня с Борисом, уши оборвет!

Вообще эта его присказка «Я тебе уши оборву!» преследовала меня довольно долго. Может быть, потому что уши у меня были действительно внушительных размеров.

Так мы познакомились. И сразу после этого я стал считать Высоцкого своим первым «друганом». Тем более что в театре все были тогда на «ты», а «вы» говорили только директору, завтруппой и Юрию Петровичу Любимову. И я постоянно преследовал Высоцкого, клянчил, чтобы он спел что-нибудь. Предлагал ему темы, которые он деликатно отвергал. Но тем не менее в нашем монтировочном цехе я стал считаться одним из его фаворитов, что давало мне право каждый день брать гитару и хрипеть «под Высоцкого»!

Причем новые песни мы часто знали уже на следующий день, он показывал их актерам в гримерной, а иногда и нам, монтировщикам. Песни еще нигде не звучали, а мы их уже знали наизусть, цепкая детская память позволяла запоминать их «на раз». Утром на репетиции Высоцкий что-то новое споет, а вечером я пытаюсь прокричать это всем нашим. Брал гитару, дергал струны, хотя играть совершенно не умел, и отчаянно вопил! Мне это очень нравилось.

Помню, однажды мы сидели в нашей маленькой прокуренной комнате, и я блажил:

Я не люблю фатального исхода,
 От жизни никогда не устаю...

А в самом первом варианте был такой текст:

Я не люблю фатального исхода,
 Поэтому об этом не пою.
 Я не люблю любое время года,
 В которое болею или пью...

Да, а еще у него было в этом первом варианте:

И мне не жаль распятого Христа.

Мы с ребятами как-то всполошились: «Ну как же, Володя? Христа — и не жаль? Жаль, конечно...» А через некоторое время слышим:

Вот только жаль распятого Христа...

Так вот, я «пел» эту песню с диким напором и самоабвением, прикрыв глаза. Чувствую, ребята притихли... Открываю глаза: в проеме двери стоит Высоцкий. Глаза бешеные, прострелил как из пулемета. Я, естественно, заткнулся. Четкая актерская пауза...

— Если я еще раз услышу, как ты терзаешь инструмент, уши оборву!

И ушел. Но к этому времени я понял, что уши — не самая тяжелая потеря... Высоцкий закрыл дверь, а я начал «шуровать» дальше. Потом, спустя много лет, кто-то из ребят рассказал мне: в тот или другой раз Володя шел мимо нашей комнаты, услышал мой «ор» и сказал: «Да, эту песню не задушишь, не убьешь...»

А у меня тогда развилось почти клиническое желание во всем повторять Высоцкого. Я пытался ходить, как ходит он... Я смотрел, что и как он ест и пьет в буфете, и ел и пил то же самое... Володя брал кофе и доливал немного лимонада — я тоже стал делать так... Я вызубрил — один к одному! — до последней интонации монолог Хлопуши из «Пугачева». И когда мы ехали с выездного спектакля, допустим из Подлипков (а это час или полтора езды), то меня всегда подзуживала помощник режиссера Зоя Ходжиоглы: «Ну, Меньшиков, давай Высоцкого!» При нем-то я стеснялся, но если Высоцкого не было в автобусе, то я выдавал свою «коронку». И видно, я порядком ему надоел со своими передразниваниями... Тем более что однажды был случай трагикомический...

У Высоцкого произошел очередной срыв, как он сам говорил — «ушел в вираж». Это было сразу после его тридцатилетия... Я помню 25 января 1968 года — день рождения Высоцкого отмечали в театре, было много народу. Мы тоже забегали туда и даже выпили за его здоровье. Но 28 января он пришел на «Павших и живых» не в форме (в спектакле он играл Чаплина и Гитлера). Я остался посмотреть спектакль и вдруг вижу, что Высоцкий какой-то

не такой. Он вышел в костюме Чаплина, но шел не чаплинской походкой. Начал говорить текст, говорил его правильно. Но потом стал повторяться. Три раза он бормотал одно и то же. Зрители недоумевали, но слушали внимательно, мало ли что... У Любимова еще не то бывает! В третий раз Володя текст недоговорил. Смехов махнул рукой: «Музыка!» И стал напяливать на Высоцкого гитлеровский плащ. Прямо на сцене ему рисовали челку и усики, и начинался текст на немецком языке, который Володя придумал сам. А потом уже все шло по пьесе. И тут он снова начал говорить что-то не то... До этого я-никогда не видел Высоцкого в таком состоянии, но тут догадался. Побежал за кулисы. Высоцкий уже исчез. Помню, плакала Зина Славина... Золотухин так переживал, что на сцене не дошел до конца свою песню. В общем, для всех это было шоком! Я уже довольно давно работаю актером и знаю, что когда на сцене выпивший актер, то за кулисами это подчас воспринимается как цирк. Все почему-то веселятся, комментируют. А здесь все были в отчаянии.

На следующий день уже висел приказ об увольнении актера Высоцкого «за нарушение трудовой дисциплины». Две или три недели Володя в театре не появлялся. В «Галилея» ввели Борю Хмельницкого. Кто-то возмутился, кто-то пожимал плечами. Володя, когда вернулся, счел это предательством. Много охотников нашлось бы на Хлопушу в «Пугачеве» — роль-то была классная! Но Володя вернулся.

Прошло несколько дней. Возле буфета был общий телефон. Звонок. Я выхожу и снимаю трубку. Спрашивают Высоцкого, и я голосом Высоцкого отвечаю.

— Володя, это ты?

— Да, я.

И известный московский актер начинает уговаривать Высоцкого встретиться в одной компании: «Собирается очень интересный народ». А я, желая уберечь Володю от еще одного срыва, стал отказываться: «Да нет, старик, не могу, я в "завязке"... Да еще съемки».

Буквально через минуту иду под сценой. Навстречу — Володя с гитарой.

— Володя, тут тебе звонили. Приглашали. Я сказал, что не пойду.

— Так тебя приглашали или меня?

Я что-то промямлил. Володя взял меня за грудки и вплепал в стену.

— Если еще хоть раз!.. Пеняй на себя!..

Теперь он это сказал совершенно серьезно.

А с анкетой... Я начал заниматься ею еще в школе и как-то притащил свой талмуд в театр. Это было в конце сезона 1970 года. В тот день ее заполнял Филатов... Или Золотухин? Точно уже не помню, кто-то из них. Высоцкий заинтересовался:

— А чевой-то он пишет?

— Да вот, Толян принес анкету. Интересно...

Я говорю:

— Володя, а ты заполнишь?

— Давай-давай...

Я тянул недолго и 28 июня снова притащил талмуд в театр. В тот вечер у нас было два спектакля — «Павшие и живые» и поздно вечером, в 22 часа, «Антимиры». Володя прибежал в половине седьмого, и я сразу ему эту анкету подсунил.

— Хорошо, я быстренько отвечу.

Я несколько раз прибежал в гримерную — он сидел, корпел над анкетой. Даже сбегал со сцены. Там, в «Павших», была такая возможность. Несколько раз я пытался заглянуть через плечо, а он, как школьник, прикрывал ладошкой:

— Старик, нехорошо подглядывать.

— Но я ведь все равно прочитаю...

— Ладно-ладно...

К началу «Антимиров» Высоцкий заполнил только половину анкеты, а ведь вопросы, казалось бы, самые элементарные. И после спектакля я сидел еще минут сорок — ждал, когда он закончит отвечать. Для него самые трудные якобы вопросы оказались самыми легкими, а вот элементарные — наоборот.

— Ну, старик, семь потов ты с меня согнал!

Он расписался, я схватил эту анкету и побежал домой. Был уже второй час ночи, мама спала. Я включил маленькую лампочку, чтобы быстрее прочитать, что написал Высоцкий,

А когда прочел — разочаровался. Страшно разочаровался! Где эрудиция? Где интеллект? Ведь тогда уже

всплывали другие имена. Появились первые фильмы Годара и Феллини. Друг другу передавали репродукции Сальвадора Дали, вырезанные из иностранных журналов... А Высоцкий пишет: «Любимый художник — Куинджи. Любимый скульптор — Роден. Любимый фильм — «Огни большого города»». А песня? Тут уж я совсем взбесился: «Вставай, страна огромная!» Я закрыл анкету с чувством глубокого разочарования.

Высоцкого я встретил через день.

— Прочитал твою анкету...

— Ну как?

— Как-как... Я думал, Володь, ты человек серьезный.

А ты шутками отделался... Куинджи, Роден...

— А что тебе не нравится?

— Да вот... «Вставай, страна огромная» — это же патриотическая песня, ее хором поют...

И вдруг! Глаза у него сузились — опять прострелил насквозь, как когда-то в нашей комнате. Сказал:

— Сынок! (Или — «щенок», я точно не помню. Хотелось бы, конечно, чтобы — «сынок»). Сынок! Когда у тебя мороз по коже пойдет от этой песни, ты поймешь, что я прав.

И только потом, поздним умом я понял, что в анкете он нигде не покривил душой. Я узнал про его военное детство. Понял, что значила для него эта песня. А она же действительно потрясает! Или когда мы впервые приходим в Третьяковку и видим «Лунный свет» Куинджи — эта картина не может не поразить! «Самый дорогой для тебя человек? — Не знаю. Идеал женщины? — Секрет». А ведь он уже был женат на Марине Влади. Высоцкий никого не допускал к себе в душу. И здесь он не соврал...

«Что тебя огорчило в последний раз? — Всё!» 28 июня 1970 года Высоцкий отвечает: «Всё!»

А что такое «всё»?

«Всё» — это не печатали ни строчки! Я помню, что в газете «Советский спорт» появилась статья об альпинистах, которая называлась «Лучше гор могут быть только горы...». Радости Высоцкого не было предела! Он вырезал этот заголовок, он с ним носился!

— Меня напечатали!

«Всё» — это отменяли концерты! Я однажды попросился с ним на концерт. Знаете подмосковный Калинин-

град? Мы выехали часов в шесть, погода была мерзкая. Володя, несмотря на погоду, гнал на своем «рено» со страшной скоростью! Помню, что я вцепился в ручки — ну просто жуткая была скорость! Пост ГАИ — неважно! — иностранные номера, а потом, «гаишники» уже знали Высоцкого в лицо. Приехали мы в этот город, подъезжаем к Дому культуры — и такая картина: стоят люди и висит объявление: «В связи с болезнью артиста Высоцкого концерт отменяется». А ведь Володя звонил перед самым выездом: «Ну как, всё в порядке? Все билеты проданы?» Видно, у кого-то перед самым началом нервишки сдали... И это Калининград — «космический город», там же знаменитый ЦУП — Центр управления полетами. И люди пришли на концерт серьезные. Но тем не менее — не будет, и всё!

Володя вышел из машины, быстро вернулся — и сказал только одно грубое слово... Он очень огорчился: курил одну за одной, и за все время, пока мы ехали домой, не сказал ни одного слова.

Еще был такой случай... Я сидел за столом, курил. Володя выходит из гримерки. Спрашиваю: «Ну как дела?» — такой дежурный вопрос... А Володя сел в кресло рядом — и вдруг выдал монолог минут, наверное, на десять! Как ему все осточертело, как ему жить и дышать не дают! Как каждый день удары — под дых! И этот его монолог был наполнен таким отчаянием! Что же огорчало? — «Всё!» А слухи и сплетни?... Я могу вам рассказать, как рождались слухи. Это было в 1968 году. Мы уже поставили спектакль «Жизнь Галилея» — то есть поставили декорации этого спектакля... И вдруг в половине седьмого появляется Высоцкий с совершенно пропавшим голосом. Где-то на концерте сорвал, причем до такой степени, что вообще говорить не может. А у нас только что появился спектакль «Тартюф»: прошла генеральная репетиция и был один прогон. Директор театра Николай Лукьянович Дупак вышел на сцену и сказал, что артист Владимир Высоцкий болен... «Но если вы будете терпеливы и погуляете минут тридцать, то мы вам покажем новый спектакль “Тартюф”». Час с лишним мы «ставили» новый спектакль, и час с лишним зрители «гуляли»... Володя и другие актеры — все помогали устанавливать декорации. Высоцкий взял какую-то неподъемную балку — а он же не профессиональный монти-

ровщик, — поднял ее и очень сильно расцарапал руку. Даже разорвал — кровящи было много... Естественно, на следующий день он появился в театре с повязкой. Не прошло и дня, как по Москве пополз слух, что Высоцкий вскрыл себе вены. Люди как будто ждали: с Высоцким должно что-то случиться...

Из театра в 1970 году я ушел в армию. Высоцкий подарил мне фотографию из «Пугачева», написал: «Возвращайся поскорее, обратно к нам». Из армии я бомбардировал его письмами, Высоцкий не отвечал. Потом мне написал Золотухин: «Старик, не трогай Володю. “Бензин — его кровь — на нуле”...» Когда я приехал в отпуск, Высоцкий сказал мне:

— Я все твои письма получил. Они живы и здоровы.

Значит, он их хранил... В этом же отпуске я попал на один из первых прогонов «Гамлета». Помню именно тот момент, когда Высоцкий выходил на авансцену и пел Пастернака:

Гул затих. Я вышел на подмостки.

Прислонясь к дверному косяку...

.....

Жизнь прожить не поле перейти.

Тут он вдребезги разбивал гитару, и от этого звука начиналась музыка Буцко. Буцко был категорически против, чтобы ломали инструмент! И Володя внутренне этого не хотел...

— Может, я кулаком ударю?

Но Любимов настаивал:

— Это стонет разбитая душа поэта!

В конце концов победил Буцко, хотя спорили они тогда страшно.

После армии я еще год проработал в Театре на Таганке — уже старшим машинистом сцены. А в 1973 году поступил в Щукинское училище и закончил его. Меня пригласили в Вахтанговский театр, где я и работаю до сих пор... А тот последний год на Таганке? Наше общение к тому времени уже закончилось, так, при встрече лишь легкий кивок или полуулыбка. Но в тот год я почувствовал... да нет, увидел! — в труппе резкое похолодание к Высоцко-

му. Про него как-то не так шутили — шутили уже с нескрываемой завистью. Причем это делали люди, которые сейчас охотно делятся воспоминаниями о том, как они любили Высоцкого и как он их любил... А тогда было столько язвительности!

— Смотри, наш-то, наш... Смотри, приехал... Да, «мерседес» — это не «Жигули»...

Каждый его поступок обсуждался, а часто и осуждался...

Да и Высоцкий очень изменился: был замкнут, смотрел, как мне казалось, в одну точку. Он стал совершенно другим, совсем не таким, как в первые годы. Ведь тогда он мог забежать в нашу комнатку, спеть новую песню. А мы притаскивали здоровый такой магнитофон... Как он назывался — «Весна» или «Днепр»? — уже не помню... Но помню, что микрофон-«лягушку» держал у самого его рта. Чтобы лучше записалось... Он пел тогда «Песенку про Музу» — только что сочиненную («Сейчас взорвусь, как тыща тонн тротила». — *В.П.*).

В последний раз я видел Высоцкого в конце 1979 года. Мы долго приглашали его попеть у нас в Вахтанговском, но это надо было пробивать. А потом Володя был все время занят.

В конце концов мы попросили Людмилу Васильевну Максакову, которая снималась с Высоцким в фильме «Плохой хороший человек», — и она договорилась. Я его встречал. Арбат еще не был пешеходным, Высоцкий приехал на «мерседесе» вишневого цвета. Я отвел его к главному режиссеру...

Принимали его... У нас ведь публика сложная: академический театр, много старых актеров, воспитанных в лучшем случае на Вертинском, если говорить об этом жанре. Но принимали замечательно! После концерта все как-то разошлись, я один провожал его до машины. Идем, он молчит, и я молчу. А надо что-то сказать... Это по детской наглости я мог говорить с ним запросто, а теперь я сознавал его величину... Громадную величину. В общем, зажался немного. А говорить какие-то дежурные слова — глупо. Подходим к машине, он протягивает руку. Я говорю:

— Володя, спасибо за то, что ты не изменился.

Сказал это с желанием намекнуть, что он стал совсем другим. Высоцкий задержался, посмотрел мне в глаза. А глаза у него усталые-усталые — перевернутые глаза. Во всяком случае, мне так тогда показалось. Он сказал:

— А почему, собственно, я должен меняться?

Вот на этой фразе мы и расстались с ним на этом свете.

Июнь 1989, Москва

Феликс Михайлович, вы капитан дальнего плавания, а на каких судах вы ходили?

В течение тридцати лет командовал я различными судами: грузовыми, а последние двадцать лет — пассажирскими, плавал на теплоходе «Литва» десять лет (где мы и познакомились с Владимиром Высоцким), пять лет на «Белоруссии» и пять лет на теплоходе «Адмирал Нахимов» — до 1984 года. Последние три года работал лоцманом в Ялтинском порту. А теперь — на пенсии. Вот уже год живу в Москве — вернулся опять к своим родным «пена-там». Я ведь москвич.

Ну, естественно, первая встреча — при каких обстоятельствах вы познакомились?

Первая встреча произошла в Одессе, когда Высоцкий снимался в кинофильме не то «Интервенция», не то «Служили два товарища». А я тогда находился на «Литве» — мы были в Одессе на ремонте. И Высоцкий приехал вместе с Александром Николаевичем Назаренко — он тоже капитан дальнего плавания, знал Володю еще раньше, когда ходил на «Аджарии». Вот так произошло знакомство.

А вы уже знали Высоцкого по песням?

Да, конечно. Земля уже наполнилась слухами, и не только слухами, но и песнями, конечно. И естественно, что его направление песенное — оно очень отличалось от официально признанного — вызывало вполне нормаль-

ный человеческий интерес. И сами песни, и личность автора.

Высоцкий произвел самое благоприятное впечатление — как человек очень открытый, расположенный к людям, легко находящий с ними контакт. Не было никакого «звездного» налета — собственно, и до последних дней у него этого никогда не было...

Мы с ним дружили до самых последних дней его жизни. При первой возможности всегда встречались: либо я приезжал в Москву, либо — когда он находился за рубежом — у меня была возможность пригласить его путешествовать со мной. Он совершил два таких рейса...

Об этом потом — будем идти по порядку. Как вы думаете, почему Высоцкого тянуло к морю, к морякам?

Потому что на море люди, отрываясь от повседневной береговой сутолоки, от жизненных невзгод и житейской грязи, которая всегда существует в береговой среде, умеют сохранить некоторую внутреннюю чистоту.

Потому что море, в общем-то, не терпит людей хитрых или людей, которые ищут какие-то особые жизненные блага. Море от них быстро очищается. Как очищается? Они просто уходят, не выдержав этого образа жизни.

Поэтому остаются люди более открытые, искренние, честные, которые, по-видимому, больше привлекали Владимира, чем те, которые на каждом шагу попадались ему в жизни — даже в театральной жизни.

А потом, видимо, у него было первое знакомство с дальневосточными моряками. А там это «очищение» происходит еще быстрее, потому что там и наиболее суровые условия плавания, и выгод всяких от плавания значительно меньше, чем, скажем, в Черноморском пароходстве. Поэтому там народ еще более сердечный, искренний, приветливый и открытый.

И, конечно, морская экзотика. Видимо, когда он читал «морские» романы, он пропитывался этой экзотикой — ведь у всех людей, в большей или меньшей степени, есть влечение к морю. Может быть, не к мореплаванию, а просто к морю и морякам.

Несколько слов о его знакомых моряках. Олега Николаевича Халимонова я хорошо знаю. А что касается Назаренко и Гарагули, то я просто не знаком с ними.

Гарагуля сейчас уже на пенсии. Они тоже очень дружили. И Гарагуля всегда очень тепло вспоминал о Володе. Даже вот в предпоследний раз, когда Марина была в Москве в 1988 году, она звонила Гарагуле в Одессу. Правда, неудачно — мы только его жену застали, он был в то время в санатории. Но тем не менее Марина всегда его вспоминает.

Ну, Анатолий Гарагуля — один из самых оригинальных (если можно так выразиться) капитанов. Оригинальных в каком плане? Он всегда резко осуждал и боролся с проявлением любой несправедливости. И был самым непримиримым человеком, яростно защищал своих матросов, своих мотористов, весь свой экипаж и отстаивал их права. И это, видимо, тоже привлекало Высоцкого.

Гарагуля — бывший военный летчик, если я не ошибаюсь?

Да, он пошел учиться в Высшее мореходное училище в Одессе после окончания войны, уже будучи летчиком-офицером. Его летная карьера была связана в основном со службой во время войны. А львиная доля его жизни была посвящена морю и морякам.

Он ходил на «Грузии»?

Да, много лет на «Грузии» — на старой «Грузии» и на новой «Грузии». И там он познакомился и подружился с Володей и с Мариной... Я знаю по воспоминаниям Марины, что они у него были не раз — и дома в гостях, и в плавании...

А Назаренко?

Назаренко принимал Высоцкого у себя на «Аджарии». Я вот пытаюсь найти самые первые видеозаписи, которые были сделаны именно в тот момент. На борт теплохода «Аджария» был получен один из первых в Союзе видеоконфлексов. И Назаренко повезло. Я не знаю, лично ли

он это делал или кто-то из членов экипажа — начальник радиостанции или радиотехник, но снимали концерт Высоцкого.

Чрезвычайно интересно. Это какой год?

Это, я думаю, наверно, тоже 1966—1967 годы. А может быть, даже 1965-й. И где-то эта видеозапись должна быть. Она не может исчезнуть. Но где? В каких руках?.. Может быть, удастся хоть какие-то концы найти в Одессе... Было бы здорово, потому что это самая первая запись. Потом был большой интервал. Я не знаю, в каких фондах сейчас есть его видеозаписи...

Самая ранняя запись — это 1972 год, Таллинская студия телевидения... А к этому времени «морские песни» уже были?

Да, уже были.

И как моряки относятся ко всему этому циклу?

Моряки относятся так же, как и все остальные люди. Ведь «морской кусок» — он касается не только «морских тем». Это тоже общечеловеческие вопросы и ценности... И проблемы человеческого одиночества, и многие другие...

А теперь о плаваниях на вашем корабле.

Значит, в 1975 году Володя и Марина приехали ко мне в Марсель... Нет, ошибаюсь, в Генуя. Мы как раз тогда работали с одной из западногерманских фирм на круизных рейсах: Генуя — Касабланка — Канарские острова — Мадейра — и обратно до Генуи. Я не все порты назвал, я сейчас просто уже не помню. Но, короче говоря, продолжительность круиза была две недели — они находились на борту в течение двух недель.

Да вы что! Это совершенно неизвестно.

Я думаю, что в своей книге Марина об этом скажет... У меня есть много фотографий из этих рейсов. Например, когда мы были на острове Арисифи. Это такой вулканический остров — он весь засыпан вулканической лавой и пеплом. То есть там чисто «лунный» ландшафт. Ну и ис-

панцы, которым принадлежат Канарские острова, использовали это для того, чтобы устроить там различные аттракционы. Там есть действующие термальные источники. Например, такой фокус: отверстие в земле, берется ведро воды, туда заливается, и через 20–30 секунд вырывается со страшным шумом гейзер! У меня снимки этих моментов есть.

Потом, ездили мы вместе с ним из Касабланки в Рабат — это столица Марокко. В Рабате тоже много фотографий было сделано на исторических всяких местах...

Мне Нина Максимовна рассказала, что Владимир Семенович звонил из Рабата: «Мама, мы в Марокко. Ходим по городу и по базару. Тут все медное...» Дату она не помнит, но помнит, что по телефону был такой звенящий голос...

Этого я не знал. Наверное, было так: Владимира, по моему, пригласили в посольство, и из посольства он, вероятно, и позвонил...

Что еще запомнилось из того круиза?

Ну, мы попали потом в автомобильную аварию на пути от Кадиса в Севилью. Но, слава богу, у нас водитель-испанец был опытный. Получилось так, что навстречу шел автобус и из-за него выскочил встречный лимузин. Его водитель, увидев нашу машину, растерялся — видимо, был малоопытным, — поставил машину поперек дороги. Наш водитель начал тормозить и ударил его в бок... В общем, Марина слегка повредила ногу, потому что она спала в это время и не была готова к удару. А мы, так сказать, отделались легким испугом.

Как реагировал Высоцкий?

Очень нормально. У меня с собой была в багажнике бутылка водки. Мы, значит, антистрессовую терапию провели...

Какие-то разговоры запомнились? Вы же тогда общались, конечно...

Общались, конечно, потому что скучно ведь две недели без общения — море. Разговоры? Ну, серьезных осо-

бенно разговоров у нас не было. На темы искусства или, скажем, о жизни в стране. Просто обмен впечатлениями. То есть ничего серьезного такого не запомнилось.

А его восприятие заграницы?

Он уже к тому времени достаточно побывал в других странах по приглашению Марины. И на Таити, и во Франции уже неоднократно бывал. Так что его первое удивление уже прошло. А запомнилось вот что. Мы ездили в Касабланку в ресторан, вечером, и ели омаров. Он, видимо, впервые в жизни их попробовал и часто потом вспоминал, как мы ели омаров в Касабланке.

Высоцкий пел у вас на корабле?

Пел, да. Он дал один концерт для экипажа — там все-таки 240 человек. Пел он с удовольствием. И многие записали тогда его концерт. У меня есть фотографии с того концерта.

И эта запись у вас осталась?

Нет, у меня не осталась. Меня, к сожалению, недавно обокрали и все, абсолютно все записи украли. Я уезжал во Францию, был там месяц. Вернулся, а квартира обворована. Так что у меня, к сожалению, ни одной записи сейчас нет. Пластинки, правда, все остались — те, что он выпускал в Канаде, во Франции... Пластинки не тронули, а кассеты — взяли все.

Вы предварительно договаривались, что встретитесь в Генуе?

Я всегда Владимиру напоминал о том, что в любое время, когда будет возможность, я готов принять его и возить сколько угодно — месяц, два, три... Приезжай в любой момент! Мы полгода на этой круизной линии работали за рубежом без заходов в советские порты — с октября до мая. У Высоцкого было расписание, и он как-то выкроил свободное время и приехал на круиз.

Как был организован круиз: люди выходят в город,купаются, отдыхают — это предусмотрено?

Безусловно. Смысл-то ведь заключается в чем? Чтобы и получить удовольствие от морской части путешествия,

и познакомиться с достопримечательностями. Специально составляется так расписание, чтобы людям было удобно и интересно.

Ночью теплоход идет от порта до порта. Утром приходит рано. Люди завтракают — и на автобусы: сразу же поехали на экскурсии. Кто не хочет, тот может взять себе такси или просто пешком пройтись...

Как поступали чаще всего Высоцкий и Марина Влади?

Я всегда им организовывал поездки. Потому что у меня возможность такая была. Я брал у морского агента машину. И мы, как правило, ездили вместе. В Рабате, откуда он звонил, видимо, его забрали посольские работники...

А вторая поездка?

Вторая поездка тоже по этому маршруту, но уже на другой год. У нас расписание не менялось. Мы начали на «Литве» в 1970 году — и работали до 1978 года... Собственно говоря, летнее расписание Одесса—Марсель и обратно тоже было неизменно...

Вы им сами предоставляли каюту?

Ну, безусловно. Это было в порядке, так сказать, «шефских связей», как принято сейчас говорить. То есть они ничего не оплачивали. У нас — по кодексу торгового мореплавания — капитан имеет право приглашать гостей бесплатно.

Отношения Высоцкого и Марины Влади? То есть взгляд на эту семью со стороны...

У них всегда были — во всяком случае, у меня на глазах — самые теплые отношения. Марина даже иногда в знак солидарности с ним (потому что он, когда был у меня на борту, не пил вообще ничего — «сухой закон»), чтобы его поддержать в этой «крепости», тоже отказывалась.

Я никогда не слышал, чтобы они скандалили или еще что-то такое. Единственное, Марина иногда говорила мне, что она устала — от этой мучительной жизни, от этих бесконечных перелетов, от этих вызовов... Вдруг среди ночи — звонок!..

А в общем-то они жили каждый своей жизнью. И только когда случались такие вот «подарки судьбы», они бывали вместе. Конечно, их вряд ли можно было назвать семьей — в полном смысле этого слова... Как принято у всех обычных людей, которые живут под одной крышей, спят в одной постели... и двадцать, и тридцать, и сорок лет (сколько кому, как говорится, повезет).

Но тем не менее Марина и теперь говорит: «Володя — мой муж».

Это была «морская часть» нашего разговора. А на суше вы тоже встречались?

Конечно, неоднократно. Еще когда он жил на Матвеевской — в чьей-то квартире, кто-то уехал временно за границу... Трехкомнатная, большая квартира...

Мы тогда познакомились с Олегом Халимоновым и здорово напились — на радостях от этой встречи. Я-то еще не знал, что у Володи бывают срывы... Был Сева Абдулов, был он, был я. А наутро приехал Олег Халимонов. И Олег говорит: «Что же вы наделали?» Но если бы я знал!

Ну, короче, пришлось трудно и тяжело выводить Володю из этого состояния...

Я помню, еще мы тогда тоже чуть не попали в автомобильную аварию. Мы ехали из театра после спектакля, у Володи был тогда «БМВ». Володя за рулем, Марина с нами... И недалеко от его квартиры на этой Матвеевской — навстречу автобус! Володя пересек встречную полосу движения и удачно врезался в сугроб. Если бы в автобус — все бы были напополам! Мы тогда вытолкали эту машину — с ней ничего не случилось, потому что была очень снежная зима и по обеим сторонам дороги были наметены большие сугробы... Он успел проскочить. Автобус только срезал ему «хвост».

А из встреч на Малой Грузинской что запомнилось?

Там всегда было много народу. Или это был приезд Марины, или день рождения — собирались многие и всегда сидели допоздна, до двух, до трех часов ночи.

Ездили мы с ним как-то раз в Московский инженерно-физический институт. Как это место за городом называ-

ется? Ивантеевка?.. Сева был. Он был. Я был. Кто-то еще за рулем. У Севы рука тогда была на «планере», после того как они разбились. Мы на чужой машине ехали — на каких-то «Жигулях».

Что запомнилось? Что, конечно, зарабатывать деньги было очень тяжело. Эти концерты — все же они были полуплегалными или совсем нелегалными. И этот был нелегалный, потому что организовывали его сами студенты. Они там как-то собрали деньги (уж не знаю как), вряд ли они продавали какие-нибудь билеты, которые были бы зарегистрированы в финансовых органах...

Я знаю, что он получил за концерт 150 рублей.

Причем он не хотел ехать... Когда проехали Белорусский вокзал, он говорит: «Поворачивай назад!» Зашел как раз разговор о гонораре. По-видимому, раньше договаривались о большей сумме. Такое часто случается — сначала человека заманить, а потом взять его и, пользуясь моментом, обобрать.

Мы даже повернули назад, но потом раздумали. По-моему, это был город Долгопрудный. Мы подъехали, стояла огромная толпа. Кое-как протолкались через это скопление людей. Многие просто не смогли попасть в зал...

Тогда меня поразили студенты. Поразили своими лицами, прямо-таки фанатичными лицами — какие бывают у «тиффози» на спортивных соревнованиях. Они воспринимали Володю как кумира. В выражениях этих лиц было даже боготворение какое-то...

И концерт, конечно, прошел с величайшим успехом. Володя чувствовал себя хорошо, вел себя очень свободно, отвечал на вопросы... Это не был «вечер вопросов и ответов», просто так получилось. А еще, видимо, петь весь концерт было для него нелегко. Да и для слушателей: одни только песни — как-то однообразно. Володя к тому времени отлично это понимал и делал «разговорные антракты».

Вы довольно хорошо знали Владимира Семеновича. А какова, на ваш взгляд, главная черта характера Высоцкого?

По-моему, интерес к жизни — необъятный! Желание все увидеть и все узнать... Как актера, как поэта я его знаю

значительно меньше. А вот интерес к жизни, к людям — это я видел.

И последний вопрос. Ваша любимая песня?

Моя любимая песня? Наверное, самая моя любимая песня — «Спасите наши души». В ней столько русского горя... Все, что происходит сейчас в нашей стране, — это же спасение наших душ, спасение душ загубленных, прежде всего...

Декабрь 1988

Помню, первый раз я встретил Высоцкого в кабинете Юрия Петровича Любимова. Заходит какой-то мальчик — худенький такой, маленький... Я сперва даже не понял, что это Высоцкий. Думал, какой-то проситель (а у него вид был действительно просительный, я бы даже сказал, побитый — он получил очередную выволочку за опоздание на спектакль). Потом уже я догадался, что вижу Высоцкого — по манере, по голосу. До того мне приходилось видеть его только на сцене, но там он производил впечатление громадного, мощного мужика, а тут...

Юрий Николаевич, а какой это был год?

77-й или 78-й. Юрий Петрович нас познакомил, я сказал приличествующие случаю слова: дескать, очень рад видеть, пожать руку, сказать «спасибо за творчество»...

С Любимовым вы давно уже были знакомы?

Да, давно. Он меня все уговаривал прийти в театр и стать директором. Я отказывался, говоря, что в одной берлоге двум медведям не ужиться. Однако чем мог всегда помогал Петровичу — сложностей у него хватало. Ну и снимал понемножечку на киноплёнку. Я работал в университете на факультете журналистики директором и художественным руководителем экспериментальной студии телевидения. Оформлял эти съемки как студенческие курсовые работы, покупал плёнку, и мы с ребятами потихоньку накапливали киноматериал.

Что вы снимали?

Мы снимали фрагменты из спектаклей. А потом была съемка Высоцкого на факультете журналистики.

Да-да, расскажите об этом поподробнее...

Съемка эта происходила 19 мая 1979 года. Накануне был звонок. Звонил оператор RAI (итальянского телевидения и радиовещания) Михаил Попереко: «Высоцкому нужно сняться на видеокассету для зарубежного рекламного ролика. Ты не сможешь? Только без особого шума...» Я согласился. На следующий день часов в одиннадцать они приехали. Высоцкий сказал, что никогда не записывался на «видео» и не знает, что это такое. Я ответил: «Это совсем просто. Говорите все подряд, тут нет “стоп-кадров”, как в кино...» Начали запись. Он держался довольно непринужденно, все время съемок разговаривал со мной, а в конце я попросил его спеть песню «Я вам, ребята, на мозги не капаю», что он и сделал.

Съемки шли не больше часа. После этого у нас состоялся долгий хороший разговор, мы гуляли вдоль балюстрады факультета журналистики... Я предложил Высоцкому записать своего рода живую антологию его творчества, где бы он рассказал о себе, о жанре, в котором работал, перемежая это все песнями и чтением стихов. Его это предложение заинтересовало, ибо с таким багажом можно было попытаться выйти на Центральное телевидение: Высоцкого ведь нигде не показывали... Сказал: «Это было бы хорошо. Только я сейчас невероятно занят, осенью должен уехать в Америку, освобожусь к весне. Весной у меня будет “люфт” — Петрович разрешил покинуть театр на восемь-десять месяцев, и я попробую себя в роли режиссера. Мы с Игорем Шевцовым пишем сценарий “Зеленый фургон”, а в образовавшемся “люфте” мы сделаем с вами эту запись».

После этого вы виделись с Высоцким?

Да, два раза. Но так, на ходу... Первый раз — в конце 79-го года. Это было в театре, я как раз шел от Любимова, а он поднимался мне навстречу. Я спросил, не меняются ли у него планы, он ответил, что нет, но пока очень много работы. У него был жизнерадостный, цветущий вид...

Где-то в апреле 80-го я снова напомнил ему о видеозаписи. Он ответил: «Вы знаете, наверное, мы немного ее передвинем. У меня в июле гастроли, я быстро рассчитаюсь с долгами, и в Одессу — на съемки. А перед Одессой мы с вами три-четыре дня поработаем».

Но нам так и не удалось поработать. В июле Володя умер.

После смерти Высоцкого ваши контакты с театром не прекратились?

Нет. Когда был готов спектакль «Владимир Высоцкий», я записал одну из репетиций... Все это потом вылилось в фильм «Театр на Таганке: быть или не быть?». Мы оформили его как дипломную работу одного студента, потому что нам никто не разрешал сделать это официально. Меня вызывали в КГБ, требовали отдать пленки. Я отвечал, что у меня ничего нет, это все — студенческое...

Потом они через телевидение, через творческое объединение «Экран» пытались их выманить. А в ту пору на телевидении работал такой Геннадий Сорокин — хороший человек, он уже умер... Я говорю: «Слушай, Гена, у меня просят этот материал, что делать?» Он отвечает: «Не отдавай ни в коем случае. Они всё смоят. Продолжай морочить им голову...»

Потом уже, когда дышать стало посвободнее, эти пленки выплыли на поверхность. Частично их использовал Эльдар Рязанов, частично — Наталья Крымова (в своих телепередачах о В.Высоцком. — *В.П.*).

Вот, собственно, и все, что я могу рассказать вам о Высоцком.

*Интервью и литературная обработка М.Ноделя
12 октября 1991, Москва*

Никогда не думал, что мне придется вспоминать о Володе... Что кому-то будет интересно, что он сказал, что будут важны все эти даты... Я бы сохранил Володиные записки — их было много.

А письма Володя писал очень редко... У меня было несколько его писем — еще в Сибири, в Бодайбо. Там они и потерялись — кто же знал?!

Вот Артур (А.С.Макаров. — *В.П.*) говорит: что отец, что мать... и что Высоцкий сам по себе. Я знал Володю... И если с матерью или отцом что-то случалось — он всегда этим занимался. Беспокоился.

Алексея Владимировича (дядю, брата отца. — *В.П.*) он действительно любил. Всегда говорил об этом. Об Изе Высоцкий хорошо вспоминал... О детях беспокоился, Люсе помогал... Хотя когда я с ним познакомился, была уже Марина.

Марина вначале хотела принять наше гражданство. Но быстро все поняла... «У вас все так сложно! Чтобы продать машину в Париже, я зову полицейского, и он отгоняет ее на ближайшую стоянку... и дня через два привозит мне чек... А здесь?!»

Конечно, любил и старался не причинять ей никаких неприятностей. Хотя в последнее время отношения были сложными, Володя не всегда хотел лететь в Париж... Но Вовка никогда не шел ни на какие гадости.

Был список людей, которых мы не любили, я тебе уже говорил об этом... Почему так много совпало? Процентом семьдесят или шестьдесят... А на четырнадцатом

месте оказался один и тот же человек — Дин Рид... Почему? Потому что обо всех этих людях мы переговорили. И все они в какой-то степени прокрутились в наших разговорах...

Но и любил многих... Евтушенко считал крупным поэтом. Любил Галю Волчек. Все мозги мне выкрутил с Аксеновым. Я и так Васю любил, но Володя столько мне о нем рассказывал — хорошего и теплого. Очень любил Виктора Некрасова, часто встречался с ним. Рассказывал, что в Нью-Йорке к нему за кулисы приходил Наум Коржавин...

Были у нас разговоры и об эмиграции. Володя говорил: «Если я останусь на Западе — вынудят! — я им такое сделаю!» Да каждое его слово оттуда ловили бы — верили как никому другому!

В Израиле ему предложили миллион долларов за участие в одном фильме. Отказался, опасаясь, что не пустят назад... Вообще, к эмигрантам относился по-разному. «Ну, а ты-то что сюда приперся?!» — сказал в Париже одному своему знакомому.

А однажды, вернувшись из Парижа, сказал мне: «После Парижа Москва — разграбленный город».

...Вместе? Вместе мы с Володей осенью 75-го проехали на машине: Сочи, Ялта... Просто проехали. Ездил Володя очень хорошо, быстро. Но был ли он асом? Для меня ас — это человек, который не только хорошо ездит, но и разбирается в машине. Однажды я Володе говорю: «Давай вымоем твою машину! Чистая, она быстрее идет...» Поехали, вымыли... Володя говорит: «Слушай, Вадим, она действительно быстрее идет...»

У него была привычка — останавливаться... Едем на машине из Пятигорска в Орджоникидзе. На дороге — горцы, Володя остановился, поговорил с ними...

Когда в 78-м году были его гастроли на Северном Кавказе, и в Пятигорске тоже, — меня дома не было... Но я точно знаю, что после концерта в ставропольском цирке к Высоцкому подошли Горбачев и Казначеев (в ту пору — первый и второй секретари Ставропольского крайкома КПСС. — *В.П.*). Поблагодарили и спросили: «Мы ничего не могли бы для вас сделать? Вот, пришла партия шведских дубленок...» — «Да нет, не надо... Спасибо».

На следующий год прилетел в Пятигорск, просто так — отдохнуть. А Римма (жена В.Туманова, в то время

диктор Пятигорского телевидения. — *В.П.*) уговорила его записаться на телевидении. «Ну, ладно, раз тебе надо...» Первую ночь смотрели фотографии, вторую проспорили про летающие тарелки... Володя в них не верил: «Ладно, спрошу у космонавтов...» На третью ночь Римма не выдержала: «Володенька, я тебя очень люблю, но третью ночь не спать...»

А в Сибири у меня (на прииске золотодобывающей артели. — *В.П.*) был раньше — в 76-м году. Летел вместе с Вадимом (сын В.И.Туманова. — *В.П.*), в Иркутске их встретил Леня Мончинский. Вадику подарил хорошую — импортную — записную книжку и сказал: «Вадим, придумай сто или двести вопросов — все, что хочешь, спрашивай... На все отвечу». Вадим тогда учился на факультете журналистики МГУ. Это ему он говорит на пленке: «Вадик! Никогда не садись в поезд с незнакомыми людьми!» и дальше поет «Попутчика». Нет, ни с чем это не связано, просто один раз сидели у меня дома...

Когда Володя был у меня в Бодайбо, я его познакомил с Павлом Паллеем, который работал тогда замдиректора прииска. Потом Паллей уехал в США и там наговорил воспоминания о Володе — в них много ерунды...

Как я стал золотоискателем? Когда меня освободили со снятием судимости, я там и остался... А в лагерях был довольно известным человеком — убежал на восьмой день... Потом было еще несколько побегов... Кто такой «вор в законе»? Вором в законе стать нельзя — им можно родиться... Вор такого масштаба не полезет в квартиру. Он может «взять» кассу, магазин... Среди них были очень умные люди. В воровское «политбюро» я не входил, но мою фамилию знали. И, в общем, от меня ничего не скрывали...

Недавно встретил одного своего друга — мы с ним вместе сидели. Я подошел, руку протянул, поговорили... Никогда не прощу себе, что не обнял его...

Разные люди там были... «Польские воры» — они считались ворами, но могли в комендатуре служить. «Ссучившиеся» — это те, кто сотрудничал с администрацией, были целые зоны такие.

Однажды к нам в зону кинули «ссучившихся» с Линьковского. Произошла драка. Меня схватили, накинули собачий повод... Мне хотелось, чтобы меня убили, —

и я врезал прокурору — он тогда был помощником прокурора — Илюшенко. А он меня успокаивал...

А потом в лагерях все перемешалось — ни черта не поймешь... В общем — беспредел!

Я Володе много рассказывал — он же мечтал кино снимать: «Я тебя сыграю. Максакова даст пленку...» Мы думали проехать по всем лагерям на машине...

Мы с Вовкой хотели встретиться с женой самого главного начальника на Колыме. Этот начальник говорил: «Здесь только два свободных человека: я и моя жена. Остальные — зэка и поднадзорные...»

Еще хотели поехать посмотреть на эти рожи: в августе у Большого театра собираются те, кто служил на Колыме...

До лагеря я служил на Дальневосточном флоте — ну, я тебе рассказывал... А Володя меня познакомил с капитаном Дашковым, и у нас оказалось очень много общих знакомых, — он тоже там начинал.

Однажды перед отъездом Володи за границу мы сидели втроем у меня и вспоминали общих знакомых. И Дашков мне сказал, что Николайчук — один из тех людей, с которым мы служили в далекой молодости, — теперь замминистра Морского флота. Мы с ним не виделись лет тридцать с лишним. Дашков дал мне его телефон, а Володя попросил: «Ты подожди, пока я вернусь, — хочу посмотреть, как все это произойдет...» Володя в Париже задержался, и я решил позвонить сам. И был очень интересный разговор, примерно такой.

Секретарша снимает трубку, я говорю:

— Мне нужен Николайчук.

— Кто его спрашивает?

— Скажите — Туманов.

Он берет трубку, и — такой барственный голос:

— Да-а-а...

— Здравствуйте! Вы — тот Николайчук, который был на пароходе «Новгород»?

Пауза еще больше...

— Да-а-а-а...

— Вам фамилия Туманов что-нибудь говорит?

— Вадим?

— Да.

Я ожидал, что он обрадуется, скажет — приезжай сюда скорей! Потому что в молодости мы вроде дружили... А тут такой барственный голос. Я сразу пожалел, что позвонил.

— Вы знаете, мне совершенно случайно дал ваш телефон капитан Дашков...

— Да-а. Знаю такого. Мы с ним были вместе в Генуе.

— Я уезжаю завтра утром, запишите мой телефон...

Вижу, он меня не перебивает. Естественно, я еще сильнее пожалел, что позвонил...

— Я завтра тоже улетаю, но как только вернусь — обязательно позвоню.

Конечно, Николайчук не позвонил.

Когда я рассказал Володе эту историю, он говорит:

— Вот сука! Он думал, что ты звонишь с Казанского вокзала в кирзовых сапогах... Пригласил бы тебя — так потом пришлось бы мыться да еще четвертак на дорогу дать... Ну, сука!

Слышишь, Валерка, мы с Володей и с Аксеновым спорили: сколько продержится эта система? Я говорю:

— Спорим, на ящик коньяка, — обязательно рухнет!

А Вовка:

— Да я тебе целую машину привезу... Только система устоит...

Ты не думай, что эти дела (в 1979—1980 годах против В.В. было возбуждено несколько уголовных дел; он был оправдан только в начале июля 80-го. — *В.П.*) портили ему кровь... Ему портили жизнь постоянно! Я еще удивляюсь, что Володя прожил 42 года... Понимаешь? Приходит как-то Володя и говорит: «Зимянин (в ту пору секретарь ЦК КПСС. — *В.П.*) на одном совещании сказал, чтобы про Высоцкого и Трифонова он вообще больше не слышал!» Жить в таком напряжении и с такой нервотрепкой было невозможно! Практически каждый день какая-нибудь неприятность.

Перед Америкой ему позвонили из КГБ. С Володей разговаривали два полковника — и почему-то в гостинице «Белград». Резкий, неприятный разговор... Говорили, что можно, чего нельзя... А Вовка:

— А что вы мне можете сделать?! Я сам всего достиг и сам знаю, что можно, а чего нельзя.

Еще Володя удивлялся: почему в гостинице?!

В Голливуде пел минут сорок. Началось в честь Марины, а кончилось Володькой... Марине это не очень понравилось, по-моему...

В «Десяти днях» Володя играл Керенского. Потом познакомился с пожилой женщиной, которая хорошо знала Керенского. Она убедила Володю, что Керенский был действительно личность... И Володя бросил играть эту роль...

Вовка часто говорил: «Как Ленин в Шушенском». Почему? Кто-то ему рассказал, что Ленин в царской ссылке в Шушенском любил булки со сметаной... И если мы приходили куда-то, где было много жратвы, он говорил: «Ну, как Ленин в Шушенском!»...

Нет, в Союз писателей он заявления не подавал. Надеялся, что поэты сами поднимут этот вопрос, — все так и осталось: одни разговоры. А что ты думаешь, у Ентушенко или у Вознесенского не было тогда авторитета?! Что они не смогли бы его протащить, если бы захотели?

У Хрущева он ничего не просил. Приехал к нему на дачу, несколько часов разговаривали... Хрущев знал его песни. Володя не пел — просто разговаривали...

Иконы ему дарили, сам покупал... Но верующим Володя не был. Мы много говорили об этом... Но он считал, что надо, чтобы было что-то святое...

Афганистан? Володька буквально ворвался ко мне! Я никогда его таким разъяренным не видел. Он даже не поздоровался — начал с мата... А перед этим, в Париже, он видел по телевидению афганскую свадьбу. И буквально через несколько дней эту невесту показали — сожженную напалмом, обгоревшие останки... Я никогда не видел его таким возмущенным...

— Совсем, суки, обнаглели!

Потом выслали Сахарова... Через несколько дней после этого Володя пришел ко мне и стал уговаривать поехать вместе в Горький к Андрею Дмитриевичу... Говорил, что нужно выступить в западной прессе...

— Надо показать всем им!

Нервы у него были тогда на пределе. Хотя он, конечно, понимал, что все равно ничего не изменится...

Пил... Ну, знаешь, как русские мужики пьют?! Иногда — по неделе. Я мог, конечно, повлиять, но не всегда... И в Москве я бывал наездами — то Север, то Свердловск... Ваня Бортник — они дружили, когда пили. Но Ваня быстро приходил в себя, а Володька нет. Последний год они раздружились — не знаю почему.

О болезни знал... Я ему в январе столько наговорил, до сих пор самому неприятно...

— Ты же сдохнешь! Они же тебя *такого* купят!

Сева и Валера тоже говорили... Он тогда пробовал лечиться...

Я никогда не доставал. Многие же жили за счет Володи, а я — нет.

И Валера бегал... А что делать, концерт назначен, а Володя не может петь. Надо было доставать...

Концерт в Калининграде, в котором он не пел? Это точно было. Володя мне сам рассказывал. День был очень трудный: несколько концертов, Володя не смог петь. Сил не было... Рассказывал, читал стихи.

Перед Калининградом мы с Володей договорились, что он отдохнет у меня. Мы ему поставили дом на берегу Печоры — он приедет к нам и спрячется от всех людей. Я уже был в Инте и ждал его. В артели тоже знали, что должен прилететь Высоцкий. Готовились. Володя уже поехал в аэропорт, но вернулся... Я еще тогда орал в телефон. (А надо было перебить запой.) Потом мне сказали, на какой рейс билет, мы его ждали в аэропорту... Звоню:

— Вовка вылетел?

— Нет, завтра...

По-моему, раза три собирался — так и не прилетел...

Потом улетел в Париж... Ну, рассказывал, что лечился там, в госпитале... Слушай, зачем вам такие вот вещи?! Вот почему ты не пишешь, что он не пил два года?! Вообще! Это было в 72–73-м годах...

Володя же был сильной натурой, если где-то кололо или болело — не обращал внимания. Он же в больницу не хотел ни под каким предлогом! Жалко, страшно жалко, что так получилось! Надо было затолкать его в больницу... Я и двадцать четвертого говорил: отвезите его в больницу! Ночью я позвонил Федотову:

— Как Володя?

— Гы-гы... Все в порядке — спит...

Теперь уже никого винить нельзя, но Толя мог бы и не спать в ту ночь...

С наследством там не очень красивая история получилась... Машины, аппаратура, дача... Я в эти дела не лез. А потом все переругались...

Поминки... Поминки были дома. Потом еще где-то... Это длилось несколько дней. Страшно жалко, что так получилось, — ведь *НИКТО* не думал, что он умрет.

1986—1989, Пятигорск—Москва

АЛЕКСЕЙ ШТУРМИН

Как и когда вы познакомились с Высоцким?

Когда-то, довольно давно, мы жили рядом, время от времени виделись. Я помню Высоцкого, но как-то смазанно. А по-настоящему нас познакомил Вадим Иванович Туманов, и Володя сказал, что помнит меня. Позже он попросил меня об одной вещи — тогда в Москве жил сын Марины Влади, маленький Володя, и Высоцкий спросил:

- Нельзя ли показать ему, что такое каратэ?
- Ну почему нельзя...
- А можно я сам приеду?
- Конечно!

И Высоцкий вместе с Володей приехал в нашу школу каратэ. Потом приезжала и Марина, тоже смотрела тренировки.

Я сразу же проникся уважением к Высоцкому... И знаете почему? Обычно когда человек приходил к нам и видел возможности ребят, то сразу говорил:

— Как здорово! Я тоже хочу заниматься!

А Володя среагировал совершенно по-другому:

— Да, это интересно. Но этому надо отдать все или вовсе не тратить время. Все я отдать не могу, поэтому и не буду просить потренироваться...

Он вообще обладал такой способностью: любую вещь мог определить в двух-трех словах... Он всегда смотрел в корень, поэтому и мог обнажить самую суть...

А какой у вас был тогда статус — тренер по каратэ?

Длительное время я занимался каратэ просто так, с друзьями. А школа каратэ, потом федерация — все это образовалось постепенно и с большим трудом. В тот момент, когда к нам пришел Высоцкий, у нас тренировалось уже более пятисот человек. Начали мы занятия в 1969 году, а официальный статус школа получила только в 78-м... Володя пришел к нам скорее всего в 74-м, тогда все это было еще неофициально...

Володя-маленький долго занимался у вас?

Месяца полтора, пока он жил в Москве... Хороший, веселый парень. Но это было несерьезно, он приходил, просто чтобы занять время.

Как вы думаете, что в вас заинтересовало Высоцкого?

Я не знаю... Может быть, желание достичь цели, даже фанатизм какой-то. Сначала мы добивались организации центральной школы каратэ, потом боролись за создание федерации, все это было очень трудно. Володя следил за всеми этими делами, вникал во все наши проблемы до тонкостей. Иногда даже давал советы... Хотя он знал, что в конце концов я всегда сделаю по-своему. Потому что, если были неудачи, я мог винить только самого себя.

Физические данные Высоцкого?

Физически Володя был очень одарен. Ну, например, он «крутил» переднее сальто с места. Это очень трудно, в общем, таких людей немного. По физическому развитию Высоцкий намного превосходил обычный средний уровень.

И ваши отношения с Высоцким развивались на этой спортивной почве?

Нет... Сложились нормальные человеческие отношения. Володя бывал у меня дома, я — у него. Он жил вначале на Матвеевской, потом переехал на Малую Грузинскую. Два раза по его просьбе я встречал в Шереметьево Марину.

Помню такой случай... Снимался фильм «Место встречи изменить нельзя». Времени было очень мало,

и Володя иногда ездил по Москве в костюме Жеглова. Представьте — в галифе, в коричневом пиджаке с орденом Красного Знамени и на «мерседесе»! Однажды мы заехали пообедать ко мне домой. Мама увидела Высоцкого и спрашивает:

— Володя, у вас орден?! Когда и за что вы успели его получить?

Мама вообще очень хорошо относилась к Володе. Помню, как она была рада, когда он приехал ко мне на день рождения. Володя приехал поздно вместе с Иваном Бортником. Гитары не было, они просто посидели. Мне тогда исполнилось тридцать лет.

У вас были какие-то общие дела?

Да не было никаких дел! Совершенно нормальные, обычные отношения. Было время, когда я почти каждый день проезжал на работу мимо его дома. Если видел, что «мерседес» стоит у подъезда, мог позвонить и зайти. И Володя мог позвонить вечером:

— Что делаешь? Приезжай.

Последнее время он не любил быть один. Но если заедешь к нему вечером, то это, как правило, до утра. Я уже точно знал, что не выплусь, но с Володей было так интересно... Чем-то он заражал и заряжал, от него исходило что-то такое...

Мы с вами познакомились на встрече с Михаилом Шемякиным, вы знали его раньше?

Да, Володя познакомил нас в Париже. В 1977 году я собирался в круиз на теплоходе «Грузия». А вы, конечно, знаете, что Высоцкий дружил с Анатолием Гарагулей, капитаном «Грузии». Володя написал ему записку, мы познакомились. Анатолий прекрасно меня принял. Мы пришли в Гавр, оттуда приехали в Париж. Володя возил меня на машине, показывал город. Вот тогда я и познакомился с Шемякиным.

А когда «Грузия» уходила из Гавра, туда приехали Володя и Марина. Они поднимались на теплоход. Привезли с собой сына Марины Петю, который плыл вместе с нами до Одессы. Потом некоторое время Петя жил у меня...

Как Высоцкий водил машину?

Он водил неосторожно. Мне кажется, это было у него в характере. Помню такой случай... Серьезно болел Валерий Янклович, он лежал в больнице в Измайлове. Володя мне звонит:

— Валера там умирает! Давай поедем, сделаем что-нибудь!

Я бросил все, приехал. А Володя только что купил «мерседес-450» — очень мощная спортивная машина! Я помню, что у него не было бензина, и мы перелили из моих «Жигулей». Я тогда случайно заправился «девянсто пятым»...

И вот зимой — это было как раз под Новый год — мы поехали в эту больницу. Володя врубил дальний свет и попер против движения! Я спокойно отношусь к опасности, но тогда мне было очень неуютно.

И то, что он часто разбивал машины, было не случайностью, скорее закономерностью. Хотя реакция у него была хорошая, но всегда чувствовалось, что Володя о чем-то своем думает. У него постоянно работала мысль, наверное, поэтому за рулем он не мог полностью расслабиться.

Хотя... Однажды я ехал за ним, тоже зима, гололед. И меня понесло... Может быть, я бы и не ударил его... Но Володя увидел в зеркало, что меня несет, и очень резко прибавил. Среагировал. Так что все это неоднозначно.

Да, сейчас вспомнил одну вещь... Наверное, это мелочь, но просто интересно Володино отношение... Он ехал на своем «мерседесе», впереди шел самосвал с цементом, и цемент струйкой сыпался на дорогу. Володя догнал и показывает водителю — у тебя из кузова сыпется! А тот отмахнулся: «Да пошел ты... Мне это до фонаря!» И Высоцкий несколько дней всем рассказывал:

— Ну почему у нас так?! Почему ему все равно? И что у нас может быть при таком отношении...

Его это возмутило, он не был равнодушен к таким вещам...

И еще одна история, связанная с машиной, уже с моей. Я купил в комиссионке «Жигули» — это была моя первая машина. Купил за пять с половиной тысяч — довольно дешево. Но для меня это была сумма... В общем,

денег у меня совершенно не было. Я приехал к Володе похвастаться машиной... Был мороз, страшный мороз, а на мне куртка из болоньи, совершенно не по сезону. Перед тем как подняться к Высоцкому, я открыл капот, а закрывая, острым углом вырвал клок из куртки. И в таком виде, закрывая дырку рукой, захожу к Володе...

— Ты что! В такой мороз в такой куртке?!

— Нормальная куртка, мне тепло...

— Ты что, с ума сошел?!

Он открыл шкаф, достал дубленку и стал мне ее дарить. Я сопротивлялся изо всех сил, но если Володя что-то решил, то спорить с ним было совершенно бесполезно. Этот Володин подарок до сих пор у меня...

Вы бывали на концертах Высоцкого?

Много раз, но всегда это происходило как-то стихийно... Вдруг Володя вспоминал, что у него сегодня концерт. Или за ним заезжал администратор, мы быстро селись в машину и ехали.

На одном из концертов под Москвой, в клубе какого-то НИИ, Володя пел, а потом стал отвечать на записки. Их всегда было навалом. И задали какой-то глупый вопрос, какой именно, к сожалению, не помню... Володя прочитал записку, зал затих... Вопрос действительно был наглый и глупый. И Высоцкий так посмотрел на эту записку, так развел руками... Зал хохотал минут, наверное, пять! У него была потрясающая способность: не говоря ни слова, очень точно показать свое отношение к человеку. Тот его жест я запомнил на всю жизнь.

Интересно было наблюдать, как Володя смотрел телевизор. Он не комментировал словами то, что происходило на экране, но жестами и мимикой прекрасно показывал свое отношение. Еще помню, что он очень переживал, когда ему не разрешили снимать фильм «Зеленый фургон»...

Это уже последний год жизни Высоцкого. Многие рассказывали, что все чаще у него бывали депрессии, тяжелые состояния...

Трудно об этом говорить. Когда я видел Володю в таком тяжелом состоянии, у меня появлялась какая-то расте-

рянность... Я чувствовал, что надо помочь, а как это сделать, не знал... И как теперь выясняется, никто не знал.

Последняя неделя... Я заезжал на Малую Грузинскую 22 июля на очень короткое время. Меня подгоняли дела, я работал тогда в Олимпийской деревне. Но я почувствовал, что у него что-то не так... У меня на душе было очень тревожно.

Через день я приехал снова. Володя был в очень плохом состоянии... Сначала он меня не узнал... Потом узнал, подошел, обнял. Никогда в жизни не забуду напряженное, твердое, как камень, тело.

25 июля Володя должен был приехать в Олимпийскую деревню, я работал там олимпийским атташе делегации Ирландии. Мы договорились, что в двенадцать часов он подъедет вместе с Янкловичем. Еще раньше я завез Володе оформленный пропуск, нарисовал план, обозначил место, где мы должны были встретиться...

Сплю, рано-рано утром, в половине пятого, раздался звонок... Автоматически я поднял трубку, и голос Туманова сказал: «Володя умер. Приезжай». Также автоматически, в каком-то полузабытьи, я положил трубку и подумал: «Какой страшный сон». Несколько минут я утешал себя, что это сон, а потом проснулся окончательно. И только одна мысль — звонок-то был! Еще через несколько минут я набрал телефон Высоцкого... Думаю, черт с ним, разбуду, только бы услышать его голос... Трубку поднял Вадим Иванович Туманов, и мне сразу стало не по себе...

— Вадим, что ты такое сказал?! Не могу понять...

— Да-да. Умер Володя. Приезжай.

Я сразу же сел в машину и приехал. Володя лежал в спальне, я хорошо это помню... Был накрыт простыней, я только посмотрел ему в лицо... Но уже были врачи из «скорой помощи», они собирались что-то делать...

А похороны...

Любимов сказал мне, что Володе, наверное, было бы неприятно, если бы в театре была милиция...

— Нельзя ли, чтобы ваши ребята поддерживали у нас порядок... Вдруг кому-нибудь станет плохо или еще что...

28 июля рано утром я привез ребят — человек пятнадцать-двадцать. И они все время дежурили в театре.

Правда, милиции там все равно было много... Я тоже был там все это время. А когда вышел и увидел эту громадную толпу... Я был потрясен.

На кладбище я ехал в катафалке, напротив сидела Марина. Там были родители, Любимов, Туманов... В книге Марины Влади «Прерванный полет» написано, что тело выскользнуло из гроба... Но ничего этого не было.

В статьях, которые мне довелось прочитать, Володя не всегда такой, каким я его знал. Это вовсе не значит, что моя точка зрения единственно верная... Я не собираю эти статьи, не делаю вырезки, считаю, что это суета. А вот то, что живет в моей памяти и оказывает влияние на мои поступки, вот это важно...

20 марта 1989

Герман Ефимович, знакомство с Высоцким — где и когда?

Я познакомился с Высоцким у Саши Митты. Саша — мой родственник, я часто бывал у него дома. Обыкновенное знакомство, не более того. Это было начало семидесятых годов...

А первое обращение к вам как к врачу?

Первое обращение?.. А когда была премьера «Гамлета»? Значит, первое обращение — в 1971 году. И произошло это вот каким образом: мне позвонил Саша и сказал, что Володе плохо... «Володя дома в тяжелом состоянии. Гера, надо как-то помочь. Театр “горит”, премьера “Гамлета” срывается, Любимов в бешенстве, надо поехать...» И я поехал к Высоцкому.

Тогда Володя жил в старых хрущевских домах, в конце Ленинского проспекта, там, где магазин «Дом мебели». Жил вместе с Ниной Максимовной. Приезжаю. Володя в очень «загруженном» состоянии... Видимо, это продолжалось не один день. Мать он не слушает и вообще не слушает никого. Мы приехали вместе с Лилей — это жена Саши Митты, и Володя стал спрашивать:

— Лиля, ты привезла мне шампанского? Ах, не привезла!

Тут он возбудился немного... Я вижу, что ничего не помогает, — пришлось говорить довольно резко (Володя уже знал, что я врач и что работаю в Центральном госпитале МВД):

— Володя, я забираю тебя в больницу. Даже выпить дам, но только в первый день. Если ты не поедешь, то «Гамлет» вообще может не состояться...

А какой диагноз?

Ну, диагноз был совершенно ясен. Володя сам никак не мог выйти из этого состояния, надо было помочь. Так вот, я предложил ему больницу, он категорически отказался. Тогда я сказал:

— Если надумаешь, то я жду звонка до десяти утра завтра. Я могу ждать только до десяти.

На следующий день — звонок. Говорит Нина Максимовна:

— Герман Ефимович, Володя решил поехать в больницу. Вы знаете, он вам поверил.

Вот так Володя Высоцкий поступил к нам, в Центральный госпиталь МВД — это на улице Народного ополчения, у метро «Сокол».

Кто привез Высоцкого?

Точно не помню, но тогда Володя был очень дружен с Иваном Дыховичным — скорее всего, он и привез. Но надо уточнить у Дыховичного. Положили мы Володю в диспансерное отделение, в отдельную палату — в общем, создали нормальные условия.

Да, с его госпитализацией были определенные трудности. Наш начальник сам не решался это сделать. Позвонили начальнику управления, и после наших уговоров генерал Стросов дал разрешение.

Ведь к Высоцкому тогда относились очень настороженно: с одной стороны — любили его песни, а с другой — боялись это признать. Я часто бывал в Жуковке, на даче Шостаковича. И вот идешь мимо правительственных особняков и слышишь: там поет Высоцкий, и там он тоже поет... Эти люди одной рукой душили его, а другой — включали магнитофон.

Дня через два-три Володя сказал, что пить он уже сам не хочет и не будет. Но дело в том, что он поступил к нам еще и с язвенной болезнью и язва эта немного кровоточила. Так что официально мы лечили Высоцкому язву двенадцатиперстной кишки, и она довольно быстро зарубцевалась.

Сколько времени Высоцкий лежал в вашем госпитале?

Недели три, наверное, пролежал, не меньше. Как только Володя почувствовал себя более или менее хорошо, он начал работать. В зеленой тетради в клетку, на каждой страничке мелким убористым почерком Володя писал прозу. Писал повесть, которую назвал «Записки сумасшедшего». Когда я утром заходил к нему, то был первым читателем страниц, написанных накануне.

Писал Володя вечером и ночью, так что ритм его жизни и работы не всегда совпадал с больничным... Утром приходила сестра и впахивала градусник под мышку, а Володя еще спал. Он даже попросил меня, чтобы утром ему температуру не измеряли. Но никаких других требований или претензий у него не было. И быть не могло, потому что персонал относился к Высоцкому очень хорошо.

Примерно через три недели Володя выписался. Так случилось, что именно тогда у него появился автомобиль – «Жигули» серого цвета. Мы ездили по Москве, я показывал ему развязки...

Потом приехала Марина, и вот тогда я в первый раз сделал Володе трансплантацию препарата «эспераль». Препарат привезла Марина, но то, что она описывает в своей книге, было уже во второй раз, в квартире на Матвеевской. А после первого раза Володя не пил почти два года.

Перед самой премьерой «Гамлета» я приехал в театр, зашел к Юрию Петровичу. В кабинете был еще директор театра Дупак. Я им сказал, что Володе сделана серьезная операция. Что надо серьезно поговорить с коллективом – если Володя хоть раз выпьет, то может погибнуть или, в лучшем случае, превратиться в инвалида... В театре состоялся такой разговор, и, по-моему, люди поняли и стали Володю оберегать.

После выписки Володя еще раз приезжал в госпиталь и часа полтора пел для сотрудников. Когда он вышел на сцену, то предупредил, что записывать не надо. Но один доктор все же записал концерт, хотя качество записи было неважным... Трудно сказать, сохранилась ли эта пленка...

Вы были на премьере «Гамлета»?

Да, был. Совершенно необычный спектакль и потрясающая Володина игра... Я подошел к Любимову и поздравил его, на что он мне ответил:

– Герман Ефимович, только благодаря вам этот спектакль все-таки состоялся...

Примерно то же самое мне сказала Нина Максимовна.

А дальше?

Дальше мы разговаривали по телефону, встречались у Саши Митты... А потом так получилось, что мы с Володей прожили вместе целый месяц. Он жил у Саши, я тоже туда приехал, чтобы ему не скучно было. Вот тогда я близко увидел, как он работает, оценил его колоссальную работоспособность. Володя приходил домой после спектакля поздно вечером, часов в одиннадцать. Мы ужинали, я ложился спать, а он писал на кухне – работал часов до двух, до трех. Я уходил на работу первым, заходил на кухню и видел на столе разбросанные листочки... Что это были за стихи, я не помню, но вариантов было множество: некоторые скомканные листы валялись на полу...

Почему Высоцкий в то время жил у Митты?

Просто негде было жить... Потом они с Мариной сняли квартиру на Матвеевской. Это была большая трехкомнатная квартира. Марина привезла мебель из Парижа – привезла в одном чемодане! Резиновые надувные кресла и диван. На полу стоял большой магнитофон, а по углам – четыре громадные колонки.

Я был свидетелем, как одну новую песню Володя записывал несколько раз:

– Да вот, сделал, но мне не нравится...

На этом магнитофоне Володя по моей просьбе записал мне громадную бобину своих песен. Но эта пленка исчезла: или потерялась, или ее украли, когда Марина и Володя уезжали за границу. Все это время Володя был в форме: вначале действовала «эспераль», а потом сам держался. Только однажды...

Звонит Саша Митта:

— Гера, срочно приезжай! Володе плохо! Он перепутал стаканы.

Я сказал:

— Надо немедленно промыть желудок! Пусть пьет воду и — два пальца в рот! Самый элементарный способ.

Тут же выскочил — и в машину. Приехал — Володя уже более или менее успокоился: сделал себе это «промыывание». Но «эспераль» сработала: оставались гиперемиа (краснота) лица и ярко выраженная тахикардия...

Как это произошло? Володя говорил, что перепутал стаканы. Возможно. Потому что часто так бывало: все пьют вино, а рядом с Володей — стакан с минеральной водой. Он мне как-то сказал:

— А так даже интересней. Смотрю я на них, и, знаете, такое ощущение, что и я выпил...

Но я думаю, что тогда он сам решил попробовать. И минуты через две ему стало плохо. А ведь Володя сделал всего один маленький глоточек! Вот тогда он понял, что «эспераль» действует.

Теоретически Володя, конечно, знал о возможных последствиях... у меня где-то лежат его расписки, может быть, в какой-нибудь книге... Под мою диктовку Володя два раза писал примерно такой текст: «Я, Владимир Высоцкий, совершенно сознательно иду на эту операцию. Ознакомлен со всеми возможными последствиями, а именно: паралич и даже остановка сердца. Обязуюсь не употреблять спиртное...» А ему нельзя было пить даже вчерашний кефир!

Что такое «эспераль»?

Это такие таблетки, которые вшиваются под кожу. Действуют они полгода, но мы говорили Володе, что гораздо больше... Они абсолютно безвредны, если не употреблять алкоголь.

В эти периоды Володя чувствовал себя очень прилично. Но ведь жизнь у него какая была?! Почти каждый день он как по проволоке ходил: могли ударить и слева, и справа, и сзади... Однажды звонит мне:

- Меня вызывают на Петровку.
- Что такое?

— Сам не знаю. Герман Ефимович, вы же работаете в госпитале МВД, попробуйте узнать — в чем дело...

Я начинаю звонить и никак не могу узнать, в чем же дело. А Володя обратился ко мне именно в тот день, на который его вызвали. Если бы на день раньше...

В общем, он пошел. Сидит полковник и предъявляет обвинение: почему вы пишете антисоветские песни?! Володя отвечает: не писал и сейчас не пишу. Включают пленку — и Володиным голосом, в его манере кто-то поет песни, которых он, конечно, не писал. Володя говорит: «Делайте экспертизу!» А экспертиза голоса — вещь очень сложная... На том они и расстались с полковником.

Целый месяц, а то и больше занимались этой экспертизой. И весь месяц Володя был буквально на нервах. В конце концов сделали заключение, что голос на пленке — не Высоцкого. И перед ним извинились.

Цикл песен «история болезни» — насколько эти песни связаны с личным опытом Высоцкого?

Володя пишет там о своих ощущениях, и, конечно, сказывается опыт общения с другими больными. А ведь Высоцкий все впитывал как губка. Там и промывание желудка, и введение зонда, и открытое кровотечение, которое тоже у него было: «И горлом кровь...» Вот он написал:

Нажали в пах, потом в поддых,
На печень-бедолагу...

Это обыкновенная пальпация живота. Проводится она достаточно легко, даже нежно, но при его болезни он чувствовал и малейшее прикосновение.

Мне в горло всунули кишку,
Я выплюнул обратно...

Я уже говорил, что Володя попал в больницу еще и с желудочным кровотечением. Для уточнения диагноза ему нужно было сделать фиброгастроскопию. Это исследование проводится гастроскопом — «шлангом», который больные называют «кишкой». У нас он глотал эту «кишку»,

и, по-видимому, в первый раз она не пошла: «я выплюнул обратно...».

Мне обложили горло льдом...

Здесь немного неточно: когда идет желудочное кровотечение, то больному кладут лед на желудок. А может быть, потому что для Высоцкого главный орган — горло...

Убрали свет и дали газ,
Доска какая-то зажглась...

У нас на операционном столе Высоцкий не был. Но он же был в реанимации института Склифосовского. И эта «доска» — возможно, щиток приборов наблюдения за больным...

Высоцкий обращался к вам в последние годы?

В последний год позвонила Марина, мы говорили про «эспераль»... А через некоторое время перезвонил Володя и попросил, чтобы я сделал ложную «эспераль». Он хотел, чтобы Марина успокоилась, а на самом деле — чтобы там ничего не было...

В самый последний раз Володя позвонил мне летом 80-го года. Стал жаловаться, что болит пищевод:

— Что-то давит за грудиной, такое впечатление, что пищевод болит.

Я сразу же понял, что никакой это не пищевод, а самая настоящая стенокардия. В то время я работал в 7-й больнице, а там очень сильная кардиология. И я хотел показать его специалистам. Говорю:

— Володя, приезжай!

Мы договорились, назначили день... Я его ждал, но Володя не приехал. Это было в начале июля.

24 июля я приехал к Саше Митте. Спросил:

— Ты Володю видел?

— Да, видел сегодня утром. Мы разговаривали...

— Он мне звонил недавно, жаловался на боли...

И я начал Володе звонить.

Вы знаете, 24 июля Митта не мог видеть Высоцкого — Володя уже не выходил из квартиры...

Ну, может быть, мы разговаривали 23-го... Звоню, бесконечно занят телефон. Думаю, не может быть, чтобы Володя так долго разговаривал. Он всегда очень коротко говорил по телефону: раз-раз, и всё! А тут — занято и занято. До половины двенадцатого я звонил...

А мне надо было взять и самому прийти... Причем даже на улицу не нужно было выходить: там есть дверь из одного подъезда в другой. Ведь они жили в одном доме...

Потом я узнал, что Володе было плохо и вызывали «скорую»... Но он отказался ехать в больницу. Если бы я зашел и сказал: «Володя, поехали!» — он бы, наверное, поехал... Да я бы его и не спрашивал...

Если острая сердечная недостаточность, то надо «толкнуть» сердце, и оно бы пошло... Я думаю, что в больнице ему бы не дали умереть...

20 мая 1994

Кто кончил жизнь трагически,
Тот истинный поэт.

В. Высоцкий

О, если бы предвечный не занес
В грехи самоубийство!

В. Шекспир. «Гамлет»

Вначале несколько предварительных замечаний. В Древней Греции возможность совершения самоубийства считалась высшим проявлением свободы. Если жизнь невыносима, позорна, то смерть освобождает человека. Свободного гражданина, но не раба.

Понятия о дворянской и офицерской чести — в некоторых позорящих эту честь обстоятельствах — предписывали добровольную смерть. И это несмотря на то, что православная церковь считает самоубийц великими грешниками и отказывает им в церковном погребении.

Владимир Высоцкий написал в 1973 году:

Когда я отпою и отыграю,
Чем кончу я, на чем — не угадать.
Но лишь одно наверное я знаю:
Мне будет не хотеться умирать!

А через семь лет, в мае 80-го, В.В. говорит Барбаре Немчик — жене В.Янкловича и, в общем, не самому близкому человеку — страшную вещь: «Мне только и осталось — пустить пулю в лоб».

В жизни Высоцкого было несколько попыток покончить с собой.

В марте 1968 года — первая попытка, а скорее всего — только намерение или угроза. В.Золотухин записывает в своем дневнике 21 марта 1968 года: «Ужасный день. Вчера играл Керенского (в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир») за Высоцкого. А сегодня и вчера, днем

и ночью, молю Бога, чтобы он руки на себя не наложил». Дело в том, что Ю.П.Любимов и Н.Л.Дупак отстраняют выпившего Высоцкого от работы. Продолжение записи В.Золотухина: «Высоцкий срывает костюм: “Я не буду играть! Я ухожу... Отстаньте от меня...” Перед спектаклем показал мне записку: “Очень прошу в моей смерти никого не винить”. И я должен за него репетировать!!!»

И еще об одном случае рассказывает Давид Карапетян: «В спорадических попытках Володи уйти от “притяжения земли” было нечто трогательно театральное. Как-то раз он позвонил живущему этажом ниже мужу Антуанет — подруги Мишель (Мишель Кан — в то время жена Д.Карапетяна. — В.П.) — и попросил срочно к нему подняться. Услышав, что Володя только что вскрыл себе вены, тот опрометью кинулся наверх и застал странную картину. Дверь в квартиру была открыта, сам же Володя в трагической позе возлежал в наполненной горячей водой ванне. Явно нуждаясь в простом человеческом сочувствии, он скорбно продемонстрировал соседу чуть-чуть испачканную кровью кисть руки. Увидев неглубокий бритвенный надрез возле самой вены, растерявшийся “спасатель” не знал, как ему быть — смеяться или плакать».

Если всё — и спасенье в ноже,
И хирург с колпаком,
Лучше, чтоб это было уже,
Чем сейчас и потом.

Еще две попытки — выброситься из окна или с балкона — на фоне абстинентного синдрома (проще говоря, глубокого похмелья). Психика подавлена, человек в таком состоянии не полностью контролирует свои поступки... Это не римское «отвращение к жизни», а русская истинная ненависть к самому себе. Вспоминает Елизавета Моисеевна Абдулова — мать самого близкого друга Высоцкого Всеволода Абдулова:

«Володя спал у нас. Сева ушел на репетицию. Через какое-то время Володя проснулся:

— Елизавета Моисеевна, у Севы есть бутылка. Дайте мне немного выпить.

— Что ты, Володя, никакой бутылки у него нет.

— Нет есть, я знаю!

Потом он стал рваться из дома, а Сева закрыл дверь на ключ...

— Ах, ты так! Тогда я...

И выскочил на балкон! Я за ним... У Володи нога застряла между решетками, я успела его схватить! Откуда у меня силы взялись — тащу его назад. Еле уговорила...»

О второй такой же ситуации мне рассказывал один из друзей Высоцкого. В.В. был в отчаянии, говорил, что он никому не нужен, что это не жизнь... Речь шла о его срывах — «уходах в пике»: «Я ненадолго вышел из комнаты, когда вернулся — Володи не было. Я выскочил на балкон — он уже перелез через перила. Как я успел схватить его за куртку — не понимаю! Еле втащил в комнату...»

Вероятно, этот случай имеет в виду В.Золотухин. Приведем его запись в дневнике от 18 сентября 1974 года: «Дыховичный в страхе рассказывает про Володю: “Дай мне умереть”. Никто не едет. Врач вшивать отказывается».

Устал бороться с притяжением земли,
Лежу, — так больше расстояние до петли.
И сердце дергается словно не во мне, —
Пора туда, где только «ни» и только «не».

В конце жизни Высоцкий напишет стихотворение «Под деньгами на кону» (1980):

В кровь ли губы окуну
Или вдруг шагну к окну —
Из окна в асфальт нырну, —
Ангел крылья сложит —
Пожалеет на лету:
Прыг со мною в темноту —
Клумбу мягкую в цвету
Под меня подложит...

Много раз в своей жизни В.В. был на грани жизни и смерти — бесконечные реанимационные отделения, даже «своя» реанимационная машина. И сознательно и бессознательно — риск у него был в крови... Вспоминает Борис Диодоров: «Однажды Володя позвонил мне и говорит:

“Я на машине”. Мы поехали куда-то... Володя вцепился в руль — он недавно начал водить машину, — говорит: “Вот сейчас бы мчаться по хорошему шоссе — почти лететь! И чтобы кто-нибудь другой ехал навстречу: лоб в лоб! Интересно, свернул бы тот другой или нет?!”»

Высоцкий достаточно рано понял, что человеческое существование есть жизнь от смерти. Это не значит, конечно, ежедневно предаваться печали по поводу предстоящего несуществования — это другая цена времени, другая наполненность жизни. И тем не менее — несколько попыток покончить с собой. И стихотворение «Попытка самоубийства», стихотворение о неудавшемся самоубийстве...

Пора! Кто знает время сей поры?
Но вот она воистину близка:
О, как недолог жест от кобуры
До выбритого начисто виска!..

Промедлила она — прогадала:
Теперь обратно в кобуру ложись!
Так Смерть впервые близко увидала
С рожденья ненавидимую Жизнь.

По свидетельству музыканта Анатолия Бальчева, который положил на музыку этот текст, Высоцкий часто повторял чью-то фразу: «Самоубийство — это дуэль с самим собой».

Человек, даже твердо и окончательно решивший покончить с собой, все-таки цепляется за любую возможность не сделать этого — «жажда жизни сильней». Вообще, когда мы имеем дело с удавшимся самоубийством, с человеческой смертью, то всегда вступаем в область предположений, загадок и тайн. Что касается только попыток, то о Высоцком можно сказать, что все известные нам попытки самоубийства были совершены в присутствии других людей. Высоцкий об этих случаях больше никогда не вспоминал, не рассказывал даже самым близким людям. Ну а для других, оказавшихся рядом, это было тяжелейшим испытанием.

Один из самых близких друзей — после кошмарной ночи с ножом, кровью, «скорой помощью» (кстати, не-

сколько достаточно известных и близких людей отказались приехать и помочь) — расстается с Высоцким навсегда. Это один из очень немногих разрывов не по воле самого В.В.

Большинство его попыток покончить с собой проходят на фоне психической подавленности, связанной со злоупотреблением алкоголем. Кто знает, возможно, Высоцкий перешел на наркотики, опасаясь алкогольного психоза. Но наркотики, которые вначале действуют мягче, чем водка, гораздо коварнее: отвыкнуть от них практически невозможно. Высоцкий понимает это слишком поздно. В последний год единственное его желание — покончить с наркотиками.

Многим близким людям он говорит одну и ту же фразу: «Или выскочу, или сдохну». Вариант: «Или умру, или на полгода уеду к Марине».

М.Шемякин: «Какой-то страшный и неумолимый рок увлекал и уводил его из этой жизни... Он начал сознательно убивать себя».

В последние месяцы жизнь В.В. была просто невыносимой. Трудно, а скорее всего, невозможно представить себе, как мучается глубоко больной человек, когда его лишили привычной дозы. Жизнь его полностью зависит от «лекарства», когда его нет — болит, страдает каждая клетка.

В самые последние дни — попытки самоубийства.

«У Володи был настоящий кинжал “зеленого берега” — морского пехотинца... Тут он выходит из спальни с остановившимся взглядом, меня как бы не замечает, достаёт кинжал из шкафа и говорит себе что-то вроде:

— А вот посмотрим, каков ты в деле...

И обратно в спальню. Я посидел, подумал: что-то не то... И — к Абдулову. Тот — в спальню. Совместными с кем-то усилиями оружие отобрали» (И.Порошин).

В это время попытки или угрозы покончить с жизнью настолько участились, что окружающие часто воспринимают это как своего рода «театр». О.Афанасьева: «Попытки самоубийства... Не то чтобы Володя этим давил — в последнее время это было элементарным издевательством над ближними. Все уже так устали». В.Янклович: «А все эти “попытки самоубийства”, по-моему, просто театр. “Не останете — выброшусь из окна!” Да сколько раз он это говорил».

Но в том состоянии В.В. — это очень рискованный «театр»: однажды Высоцкий был буквально на волоске от смерти. Вот как это было.

Последняя неделя... К 21 июля В.В. понемногу «выходит из пике»: наркотиков нет или он решил с ними покончить — во всяком случае, В.В. их не просит... 28 июля — последний «Гамлет» в этом сезоне, на 29-е у него билет в Париж, а с 5 августа открыта виза в США. И надежда на американских врачей... И вот в этот вечер 21 июля В.В. заезжает к одному из своих друзей, они выпивают. Потом едут к Высоцкому, выпивают еще. Утром друг сбегал за водкой, выпили... Приходит девушка, которая в последние годы занимала в жизни В.В. очень большое место. В.В. уже неуправляем, она разбивает бутылку, собирается уйти. Навсегда.

Высоцкий:

— Если ты уйдешь, я выброшусь с балкона!

Она выходит из дома, поднимает глаза вверх и кричит: Высоцкий висит на руках, схватившись за решетку балкона! «Не помню, как я взбежала на восьмой этаж, как мы вытащили Володю...» (В.Янклович: «Да никогда бы он не разжал пальцы! Он так цеплялся за жизнь. Он так хотел жить!») До смерти Высоцкого остается четыре дня.

От чего умер Высоцкий? В любом случае, это не было самоубийством, хотя, с другой стороны, жизнь В.В. в последние месяцы фактически была медленным самоуничтожением. После смерти в бумагах Высоцкого нашли такое четверостишие:

Сколько великих выбыло —

Их выбивали нож и отравя.

Что же, на право выбора

Каждый имеет право.

Разве может служить утешением знаменитая фраза Шекспира: «Счастливейшие умирают рано...»?

У него все-таки были проблемы с юстицией:
в последний год на Володю было заведено три дела!

Мы эти темы не очень обсуждали —
тогда у нас были другие сложности. Но ведь об этом
никто не говорит, как будто все было нормально...

Марина Влади, 1 марта 1989

На популярности, а точнее, на славе Владимира Высоцкого пытались заработать — и зарабатывали! — многие. Главным образом это были разного рода администраторы и организаторы концертов В.В. Вначале о способах, которыми пользовались эти люди, чтобы получить побольше денег — и для себя, и для популярных в семидесятые годы артистов. Первый — относительно безобидный, о нем рассказывает администратор Владимир Гольдман:

«А вы знаете, что концертная ставка у Высоцкого была 11 рублей 50 копеек?! Только перед самой смертью Демичев (тогда министр культуры СССР. — *В.П.*) сделал ему “подарок” — повысил ставку до 19 рублей! Высоцкому, который собирал стадионы...

А мы, чтобы Высоцкий получил больше, делали так: филармонии покупали у него авторские права на песни. То есть Володе платили и как исполнителю, и как автору, все это оформлялось официально. У него были “залитованы” авторские “рапортички”, и, по идее, Высоцкий должен был петь одни и те же песни. Но в каждом концерте две-три песни он обязательно менял...»

Второй способ — тоже более или менее честный. Вспоминает Валерий Янклович:

«В театре к Володе подошел один администратор, а его послал Кондаков. Вернее, Гольдман просто залез в машину к Высоцкому и сказал: “Владимир Семенович, выручайте! (У группы Кондакова “горели” концерты: в них не смог принять участие Муслим Магомаев.) Мы будем платить вам по 300 рублей за концерт”.

Тогда это была очень приличная сумма, и Высоцкий, не выясняя, как они будут платить эти деньги, сразу же согласился...

А получались эти 300 рублей так. Допустим, они берут Дворец спорта — работают Высоцкий и два ансамбля. Ансамбли работали по пять концертов, а получали за три. Остальные деньги отдавали администраторам, откуда те и доплачивали Высоцкому.

Почему же — “честный”, если недоплачивали вокально-инструментальным ансамблям и переплачивали В.В.? Потому что все прекрасно понимали, что люди шли, конечно, на Высоцкого...»

Был и третий — самый распространенный — способ заработать приличные деньги, но уже, безусловно, криминальный. Рассказывает режиссер Николай Тамразов: «Обыкновенно артист получал тогда... Он получал столько, что зарплатой это стыдно назвать. А Высоцкому платили 200–300 рублей за концерт... Каким образом? Воровали! Палили билеты. Допустим, билетов продано на десять тысяч. Часть их оприходовали, а часть билетов сжигали. Расплачивались с залом, что-то отдавали государству, что-то оставляли себе. Эту “кухню” знала вся страна. Такой метод давал возможность заработать администраторам, а также заплатить артистам не по их нищенской ставке, а по договоренности».

«...в последний год на Володю было заведено три дела». Но Марина Влади тут не совсем точна: уголовных дел, связанных с концертами В.В., было три, и они возбуждены в 1979 году, а было еще «дело об аварии», возбужденное 2 или 3 января 1980 года. Наиболее полно освещено об этом В.Янклович, которому Высоцкий полностью доверял.

Итак, во время гастролей Театра на Таганке в Минске В.Высоцкому предложили провести несколько концертов от Общества книголюбов. Он согласился, дал два концерта, остальные сорвал. Начинается отпуск, и В.В. говорит В.Янкловичу:

— Ты знаешь, мне надо отработать в Минске...

«И мы вместе поехали в Минск. Володя пел в каком-то институте. Я всегда интересовался: есть ли билеты, какие они. А организатор не подпускал меня, говорил, что

все в порядке, все билеты распространены... На следующий день за нами никто не приехал. Едем сами и видим — у дверей института стоит милиция и висит объявление: “Из-за болезни артиста Высоцкого концерты отменяются”.

Оказывается, этого человека вызвали в горком партии и стали спрашивать, кто и как пригласил Высоцкого, сколько он получает. И выяснилось, что тот к билетам по 50 копеек штампиком ставил двойку и получалось “2 рубля 50 копеек”. А когда он попался, то сказал:

— Я все отдавал Высоцкому. И отдавал в присутствии Янкловича».

К счастью, дело вел нормальный следователь, который быстро понял, что организатор концертов просто грабил всех, в том числе и Высоцкого.

В.Янклович продолжает: «Было ведь еще “харьковское дело”. Там администраторы как делали? Оплаты у них нет. Брали справку Высоцкого о концертной ставке 19 рублей, подписывали туда, что у него сольный концерт (как бы три ставки). Получали деньги и давали Володе бумаги на подпись. А он же никогда не смотрел, за что расписывается. И новое дело: Высоцкий получал деньги незаконно. Адвокат ничем не может помочь. Но в нотариальной конторе, к счастью, была копия справки, и нотариус подтвердил, что на этой справке нет никаких приписок. И дело перешло на администраторов».

Но первым было так называемое «ижевское дело». Повторим, суть этого уголовного дела, как и многих ему подобных, заключалась в том, что самые знаменитые гастролеры того времени (Магомаев, Хазанов, Толкунова, Пугачева и, конечно, Высоцкий) имели очень маленькие концертные ставки. А «собирали» они громадные Дворцы спорта и даже целые стадионы... И чтобы привлечь “звезду”, администраторы обещали платить (и платили) по договоренности и наличными. Практически обо всех способах добытия денег было рассказано выше, главным же среди них оставался один — уничтожение билетов.

Какое-то количество билетов официально продавалось через две кассы. А часть зрителей платила деньги строителям — прямо на предприятиях и в организациях. И проходили они в зал без билетов. Вот эти билеты и сжигались.

Иван Бортник, актер Театра на Таганке и близкий друг Высоцкого, в 77–79-м годах часто ездил с В.В. в концертные поездки: «Володя часто брал меня с собой... И по своей широте, и от моего тогдашнего безденежья. Мы делали такой блок: военные стихи и песни». Иван Сергеевич рассказывал мне, что сжигание билетов — это был праздник, целый ритуал. «Администраторы брали бутылку коньяка и, когда билеты сгорали, выпивали за это... Все, дело сделано: билетов нет, и ничего уже не докажешь».

Именно по такой схеме действовали администраторы в Ижевске, а организовывал эти концерты Высоцкого Василий Васильевич Кондаков — с ним работали самые крупные гастролеры страны. Концерты В.В. в Ижевске и Глазове состоялись ранней весной 1979 года.

В.Янклович: «Люди из Ижевска пришли ко мне в театр с просьбой посодействовать участию Любимова в их мероприятии. В качестве режиссера, разумеется. За постановку спектакля “В поисках жанра” на сцене Дворца спорта ему обещали 1200 рублей. Договорились, что Высоцкий отработает в этом спектакле, а потом еще пять дней будет выступать один. Все так и было. Отработали спектакль. Золотухин, Филатов, Медведев и Межевич уехали, а Володя остался. Но выступать он уже должен был в другом городе — Глазове. Я произвожу расчеты в Ижевске, вдруг телефонный звонок Высоцкого:

— Срочно приезжай! Здесь творится что-то ужасное.

Еду в Глазов. Ночь, темень, все дороги размыты. Приезжаю в гостиницу. Человека, с которым договаривались, вообще нет. Другие люди, я их впервые вижу. Говорю:

— У нас спектакль, мы уезжаем.

— Как это уезжаете?! Срываются концерты!

На следующий день выясняется, что “зрителей нет”: дороги размыты, и почти никто в Глазов приехать не смог...

Короче говоря, Высоцкий все бросает и уезжает. Это была весна 79-го года. Организаторы все равно должны были заплатить: такая была договоренность. А состоялись концерты или нет — это Высоцкого не касалось. Они заплатили. И в Ижевске Володя по доверенности получил 1200 рублей для Любимова».

«А само дело началось с того, что посадили одного администратора. Это был молодой парень, а работал он в группе В.В.Кондакова. Его взяли и “раскрутили”. Он сказал все: кто, как и когда деньги получает» (Н.Тамразов).

И вот летом 1979 года Высоцкий неожиданно узнаёт, что арестованы все организаторы концертов в Ижевске, что началось следствие. Узнаёт и уезжает на гастроли в Тбилиси. Туда же прилетает следователь из Ижевска и допрашивает Высоцкого и Янкловича. И здесь же, в Тбилиси, в сентябре Высоцкого случайно встречает адвокат Генрих Павлович Падва. Высоцкий и Янклович рассказывают ему суть дела.

В.Янклович: «Володя больше всего переживал, что и Любимова будут допрашивать. Ведь и Юрий Петрович получил деньги в Ижевске как режиссер-постановщик спектакля “В поисках жанра”. А в это время в Тбилиси с театром был Федор Абрамов... И все-таки Любимова допросили.

Театр возвращается в Москву, и нас с Володей вызывают в Ижевск. Советуемся со знакомым юристом – судьей: ехать или не ехать? Эта женщина говорит: ни в коем случае!»

После нескольких повесток и телефонных звонков в театр Высоцкий и Янклович находят Г.Падву и уговаривают его взять на себя защиту Кондакова (он – главный обвиняемый).

А при чем здесь Высоцкий? Дело в том, что администраторы утверждали: мол, все деньги они отдавали Высоцкому, а себе не брали ничего. Более того, в деле должна быть фотография надписи на стене следственного изолятора, где один администратор советует другому: «Вали все на Высоцкого. Ты был пьян. Он тебя вытащит».

Расследование «ижевского дела» идет своим чередом, но неожиданно и драматически возникает еще одно...

1 января 1980 года Владимир Высоцкий вместе с Всеволодом Абдуловым и Валерием Янкловичем возвращался с дачи после встречи Нового года. В.Янклович: «Мы садимся в машину, и Володя гонит на скорости двести километров в час, не обращая внимания ни на светофоры, ни на перекрестки. На Ленинском проспекте, прямо

напротив Первой Градской больницы, машина врежется в троллейбус. Сева ломает руку, у меня – сотрясение мозга, сам Володя невредим».

Владимир Шехтман, двоюродный брат В.Абдулова: «Гололед, да еще со снежком. Они ехали на маленьком “мерседесе”, Володя гнал. Сева сидел рядом, Валера и две девушки сзади. И когда Володя понял, что не вывернет, бросил руль и, обхватив Севину голову руками, закричал: “Ложитесь! Погибаем!” И они врезались в троллейбус».

Сразу же к месту аварии подъезжает машина ГАИ, чуть позже появляется дежурный по городу. Составляется протокол о ДТП, а через некоторое время возбуждается «дело об аварии».

Абдулов и Янклович попадают в Первую Градскую больницу, а Высоцкий предпринимает все усилия, чтобы закрыть дело, но следствие продолжается.

5 или 6 января 1980 года в Первой Градской появляется следователь по особо важным делам из Ижевска – Кравец. Он пытается допросить Янкловича и Абдулова.

В.Янклович: «Кравец зацепился за показания администраторов, а Володю и меня уже не слушал... А поскольку это якобы было хищение, то все было очень серьезно...»

И вот Кравец вызывает меня из палаты на допрос, Сева звонит Высоцкому (мы с Севой в одной палате). Высоцкий с Вадимом Тумановым появляются через двадцать минут. Врываются в палату, где идет допрос! Мне Володя говорит:

– Возвращайся в палату!

Кравец:

– Владимир Семенович, что это такое?

Володя:

– А вы вообще – давайте отсюда! Какое вы имеете право допрашивать человека в больнице?! У вас что – есть разрешение?

– Нет, но я его получу.

– Вот получите, тогда другое дело.

– А между прочим, Владимир Семенович, у меня есть санкция прокурора допросить и вас...

– Что-о?! Да пошел ты...!»

То есть Высоцкий буквально выгнал следователя по особо важным делам. Всеволод Абдулов вспоминает: «Кравец... Фигура типичная для тех времен. Ему важно не дело и не работа – важна собственная значимость... И внимание к тому невероятно важному делу, которое он совершает, – ведь будут спасены честь и финансовое благополучие страны!»

В.Янклович: «На следующий день Кравец снова приходит в больницу, но уже в сопровождении московского человека и с разрешением на допрос в присутствии врача. Вместе с ним – полковник Сарычев из московского ОБХСС».

В.Абдулов: «Сарычев – бодрящийся, разыгрывающий из себя чекиста, рыцаря без страха и упрека... Попытка разговора со мной, – что-то очень нелицеприятное с моей стороны. Потом они берут Валеру и требуют у врачех какой-нибудь кабинет...»

Надо добавить, что Сарычев был не рядовой фигурой, он был замначальника московского ОБХСС и «специализировался» на культуре. Вел дела артистов, певцов, художников... И так, В.Янкловича допрашивают сразу двое следователей...

«Тогда Высоцкий поехал к начальнику следственного отдела прокуратуры Союза (возможно, это был первый замначальника Главного следственного управления МВД СССР В.П.Илларионов, консультант фильма «Место встречи изменить нельзя». – В.П.). Через десять минут – звонок в больницу. К телефону подходит московский полковник: их обоих (его и ижевского следователя) вызывают к этому генералу. И когда их вызвали на ковер за противозаконные действия, то один из них сказал:

– Товарищ генерал! Вы знаете, в больнице Высоцкий козырял вашим именем... Называя вашу фамилию, грозил, что сгноит нас.

Чего на самом деле не было... Но они хотели скомпрометировать Высоцкого перед этим начальником, и тот потом не принял Володю...» (В.Янклович).

Итак, прямо в Первой Градской допрошены Абдулов и Янклович (и попытки новых допросов еще будут). Кравец ухватился за Высоцкого, потому что в деле был еще эпизод с несостоявшимися концертами, за которые В.В.

получил деньги, – это во-первых. А во-вторых, имя громкое...

И дело Высоцкого он решил «дожать» во что бы то ни стало. Уезжая в Ижевск, Кравец «делает бумагу» о том, что Высоцкий специально (!) разбил машину, чтобы укрыть в больнице свидетеля Янкловича. Свидетеля по делу, ведущемуся в Ижевске.

В середине марта 1980 года в Ижевске начинается суд над организаторами концертов Высоцкого, Хазанова, Толкуновой...

В.Янклович: «...окончательно назначена дата суда, – требуют присутствия Высоцкого. Телеграфируем в Ижевск, что выехать не можем, все свои показания подтверждаем. Суд вроде бы это понимает. Но одного нашего приятеля – Николая Тамразова – все-таки заставляю туда приехать».

Н.Тамразов: «...и когда меня в качестве свидетеля вызвали в Ижевск, то на скамье подсудимых были организаторы концертов Высоцкого... Меня просили помочь, а на самом деле “выбросили на гвозди”. Но как ни странно, я и в Ижевске показал то же самое, что Высоцкий и Янклович в Москве. Другого и не могло быть, хотя меня и не предупредили... Не сошлась только одна деталь.

А судья орал на меня как резаный:

– Сейчас вызову охрану – и вы получите три года тюрьмы!

И я вынужден был, превышая свои голосовые возможности, напомнить ему, что я не мальчик:

– Я – руководитель и коммунист и отвечаю за свои слова!

То есть вынужден был обидеться... Когда судья разрешил мне покинуть зал, один администратор, стоя за барьером, кричал:

– Передайте Высоцкому, чтобы башли привез сюда! А то я выйду и взорву его вместе с “мерседесом”!

То есть они играли в такую игру: мы – люди честные, а все деньги, которые воровали, отдавали Высоцкому и другим артистам».

Из Ижевска идут повестки в Театр на Таганке и на Малую Грузинскую – суд требует явки Высоцкого и Янкловича «для дачи свидетельских показаний».

В.Янклович: «Мы поехали посоветоваться с одним знакомым юристом... Когда Володя разбил первую машину — не по своей вине, — то он судился с каким-то закрытым предприятием. И это дело мог рассматривать только закрытый суд. Мы поехали и там познакомились с судьей — очаровательной женщиной... И вот в марте мы решили с ней посоветоваться. Володя спросил у нее: “Надо нам ехать или нет?” Она ответила: “Никуда ехать не надо. По закону, если им надо, пусть привозят суд в Москву”. И вот на основании ее совета мы с Володией решили не ехать».

Напомним, что интересы Высоцкого и Янкловича на суде в Ижевске представлял Генрих Павлович Падва. Суд продлится много месяцев — Высоцкого и Янкловича оправдают только в самом начале июля...

ВИКТОР ШЕМАНСКИЙ

Виктор Михайлович, вы один из организаторов концертов Владимира Высоцкого. Причем концерты были «афишными» и проходили в крупных городах. Как вам — я имею в виду всю группу Кондакова — это удавалось?

Мы приезжали в один город и проводили концерты... И «первый» или кто-то из секретарей горкома звонил в другой город и говорил: «Концерты Высоцкого — это высочайший уровень!..» И так по цепочке это передавалось. Иногда мы устраивали встречи В.В. с работниками горкома или обкома партии... И дай Бог им здоровья, что они тогда (!) находили возможность и на многое закрывали глаза...

Но были и другие люди... Когда Володя работал в Одессе, на первом концерте в первых рядах сидел весь партийный «бомонд». Они же обычно сидят и не хлопают, а смотрят по сторонам. Володю это немного разозлило. Он сказал: «Для господ, которые сидят в первом ряду, я уже спел, теперь буду продолжать для остальных...»

Ну, тогда они захлопали, и Володя продолжил концерт. Но они так обиделись — эти партийные бонзы... Помоему, после этого у Володи больше не было концертов в Одессе. Это 1976 год — он тогда снимался на Одесской киностудии.

Расскажите, пожалуйста, о Василии Васильевиче Кондакове.

Василий Васильевич был одним из самых крупных в стране организаторов концертного дела. Мы работали

в то время, когда самым известным артистам нельзя было заплатить хорошие деньги. А он находил возможности — и вполне законные — решить эту проблему. Володя же всегда старался помочь своим друзьям-артистам, поэтому он и стал работать с Кондаковым...

Когда вы познакомились с Кондаковым?

Вначале я работал в одном ансамбле на ударных. Был такой ансамбль «О чем поют гитары» из Северной Осетии. А потом перешел работать к Кондакову. Кстати, в этой республике хорошо относились к тому, что мы привлекали Высоцкого. Вся Североосетинская филармония отчасти содержалась за счет наших концертов...

Вот мы начали говорить, и сразу все вспоминается: эти города, концерты...

К тому времени на мне уже была материальная и финансовая ответственность за все гастролы, которые проводил Кондаков. Да еще организация рекламы, работа на месте... Хотя теми же вопросами занимался еще и Володя Гольдман. А первая моя работа с Василием Васильевичем — это концерты в Грозном, на стадионе «Динамо». Когда мы стали оформлять документы, оказалось, что чеченцы почти все деньги присвоили. А проводили мы концерты «на доверии», и когда я привез деньги и документы в бухгалтерию, мне сказали: «Как же так, вы привезли “минус”?» А ведь были полные стадионы!

Где вы работали с Высоцким?

Мы работали в Белгороде, там был очень маленький зал, и мы объявили пять концертов в день. А люди так хотели послушать Высоцкого, что всю ночь стояли в очереди за билетами. Потом один журналист написал, что многие не вышли на работу, потому что стояли в очередях на концерты Высоцкого. Володя страшно возмутился, позвонил, кажется, первому секретарю...

В 77–78-м годах многие артисты старались работать по линии комсомола, особенно на Украине. В договоре писали — «двойная смета», и на проведении этих концертов комсомол зарабатывал приличные деньги. Так что

в то время комсомольцы — дай им Бог здоровья — очень и очень нам помогали. Но нас тогда не приняли в Днепропетровске, поскольку это родина генерального секретаря. А вот в Конотопе мы работали, потому что это город рабочий. Ну а потом нашлись «умные» люди в Министерстве культуры, которые эту систему начали долбить. Появилась статья в «Крокодиле» — комсомол занимается не своим делом! И все это прикрыли.

Были концерты в Казани, в Ташкенте... Должен сказать, что рядом с Высоцким работала и зарабатывала еще большая группа артистов, даже грузинский детский ансамбль «Мзиური».

Как началось «ижевское дело»?

Сейчас я вам расскажу... Значит, мы работали (от Ижевской филармонии. — *В.П.*) в городе Глазове. А там есть такие отстойники для грязной воды. Весна, начал таять снег, река разлилась. И все боялись, что с этим половодьем из отстойников хлынет грязная вода — так уже однажды было. По городу объявили, что возможно стихийное бедствие, ввели чрезвычайное положение. Надо было насыпать дамбу, и много людей работало там. Кроме того, не смогли подъехать и зрители из района. В общем, на концертах была заполнена только половина Дворца спорта. А один Володин день стоил тогда полторы тысячи рублей...

То есть пять концертов по 300 рублей?

Нет, независимо от числа концертов. Просто один день работы Высоцкого стоил полторы тысячи рублей. Ну, сравните: оклад директора филармонии был тогда двести рублей с небольшим. И за то, что работники филармонии шли на это, мы им — просто по-человечески — немного приплачивали. Они же многое для нас делали.

Глазов — город небольшой, состоялось всего два или три концерта. И при таких сборах нельзя было сразу заплатить эти полторы тысячи. Я подошел к Высоцкому: «Владимир Семенович, у нас к вам просьба. Мы здесь работаем до 30 апреля, через день прилетаем в Москву и, как только откроются сберкассы, отдадим вам эти деньги. А сейчас мы не можем этого сделать — просто нет денег».

А с Высоцким в этой поездке была девушка, может, поэтому он говорит: «Нет».

Не знаю, что это была за девушка, я ее не знал. Да и не мое это дело... Мой долг — принять артиста. Высоцкий приехал, я перед этим сварил мясо, приготовил налима... В общем, все как положено. Чтобы Володя мог поужинать и позавтракать.

Ну, не может человек ждать до Москвы: нет — значит, нет. Я пошел, достал деньги, отдал ему.

При этом присутствовал Янклович?

Да, Янклович был. Он сопровождал Володю. Он еще обиделся, что мы его не встретили на вокзале в 12 часов ночи. А в Глазове вокзал рядом с гостиницей. И что обижаться — у нас такая сложная проблема: денег нет. Володя сказал, что ждать не может: «Сегодня — и всё!» До Москвы он ждать не хотел.

Валерий Павлович мне говорил, что несколько концертов не состоялось, но вы все равно заплатили полностью.

Так и было. Договор есть договор. Ведь вся наша работа была основана на каких-то человеческих отношениях. А Володя возмущался, что мы якобы плохо организовали концерты. А там просто невозможно было набрать столько людей, потому что народ был «брошен» на эту дамбу. Им было не до концертов...

И еще. В Глазове же военное производство — тогда секретное. И гостиница была построена так, что все номера прослушивались. А все наши разговоры и споры происходили в номере. Потом мне сказали, что они даже записывали то, что их интересовало.

А потом... Потом надо было нагонять «вал», сдавать отчеты, — а деньги мы уже отдали... И мы пригласили Хазанова и Толкунову. Они «отработали» сразу за Высоцким. Тогда в Глазове очень удивлялись: годами не было таких гастролеров, а тут сразу три звезды. Со всеми, естественно, рассчитались. Хотя сложности определенные возникли: бухгалтер филармонии была страшно возмущена, но директор подписал все документы. Я улетел в Москву.

Значит, Хазанова и Толкунову вы пригласили, чтобы компенсировать несостоявшиеся концерты Высоцкого?

Ну, конечно. Ведь когда работаешь «на кассу», надо платить всем: и билетерам, и кассирам, и распространителям билетов. Одни этого боятся и работают только «на гарантии» (полных сборов. — В.П.). А когда работаешь «на гарантии», практически невозможно прилично заплатить артистам.

Как началось следствие?

Когда я уехал, уже на следующий день работники ОБХСС нагрянули в филармонию. В наших делах участвовал еще и замдиректора, они его — цап! — взяли. Взяли и бригадира из филармонии. И кассира. Она получила от нас, скажем, 300 или 500 рублей, сразу домой не взяла, а оставила в кассе. Утром кассу опечатали, а она не смогла объяснить, откуда взялись эти деньги. И в течение нескольких часов они все уже рассказали. К двум часам ночи следователи знали все.

Вот тогда за мной в Москву прилетели два человека из Ижевска. А я-то знаю, что здесь и Интерпол ничего не докажет. Все лишнее сожжено, документы все в порядке. Я же еще не знал, что все уже известно. И поехал с ними...

Если все рассказывать, это просто кошмар... Я и не знал, что в камере есть люди, которые тебя продают... Они советуют — это надо делать так, а это — так. Вроде бы люди опытные, грамотные в этом деле. А они тебя продают... А потом появился Кравец — следователь по особо важным делам.

Когда закрыли дело, я писал Брежневу и Генеральному прокурору СССР, что все это несправедливо, что государство обманывает артистов. Артистов, которые приносят государству огромные прибыли, а получают мизерные гонорары. Никакого ответа не было...

Начался суд. Я сразу же сказал, что это дело не уголовное, а политическое, потому что государство обкрадывает своих граждан: вместо того чтобы платить какой-то процент от сборов, Министерство культуры установило эти мизерные ставки. Высоцкий тогда мог получить за концерт 13 рублей — это же смешно. Я даже просил, чтобы мой адвокат Ре-

брова не вмешивалась в процесс... Потому что это же нелепое обвинение — в хищении государственных средств. Но Реброва вела себя очень деликатно, старалась помочь.

Еще я сказал, что на суде должна присутствовать пресса, корреспонденты журнала «Человек и закон» — тогда все будет объективно. А то получается, что мы чуть ли не враги народа. А я считал, что подполковник Кравец — злейший враг народа! Ну и так далее...

Когда начался суд?

Суд начался спустя год после этих событий. Это март-апрель 80-го года. Я выступил с этим заявлением, и сразу же суд сделали закрытым. Никакого доступа публики — сидели одни кагэбэшники и студенты юридического факультета. А ведь суд хотел выйти на Высоцкого и Толкунову... Хазанов по тем эпизодам «не проходил»... Они столько людей допрашивали, чтобы их обвинить. Янклович страшно возмущался, потому что не имел к этому делу никакого отношения. Может быть, и сейчас обижается на меня. Ну, подумаешь, допросили...

Даже Любимова допрашивали?

Ну конечно. Они же посмотрели по ведомостям, а Любимов получил за режиссуру — за постановку спектакля («В поисках жанра». — *В.П.*). Вот и спрашивали его, получил ли он эти деньги.

А про позицию Высоцкого вы знаете?

Понятия не имею.

Но ведь Владимир Высоцкий пригласил опытного адвоката Генриха Падву, хотел помочь Кондакову...

Никакой адвокат помочь там не мог. Вначале они хотели «пришить» нам взятки, а потом — хищения в крупных размерах. Перед судом Василий Васильевич говорит мне:

— Давай скажем, что мы отдавали деньги Высоцкому и другим артистам. Может быть, тебе лучше будет...

Я говорю:

— Да ничего это не даст, ничего не изменит...

Ведь никто и знать не знал, сколько мы ему платили, — это только на суде выяснилось.

Какой был приговор?

Мне — восемь лет с конфискацией имущества. Кондакову — тоже восемь лет. Директору Ижевской филармонии, учитывая, что он сразу во всем признался, — восемь лет условно. Приговор был оглашен 2 июля, то есть за 23 дня до смерти Высоцкого. По-моему, Володя и умер из-за того, что посадили команду Кондакова. Он не перенес того, что нас посадили, — запил... С этого все и началось...

Вы вышли на свободу...

Да, вот мы вышли с Василием Васильевичем — бедные, несчастные люди. Встретились, довольно часто общались. Большое счастье, что меня ждала жена. А жена Кондакова совсем по-другому поступила... Мы перезванивались. Он спрашивал:

— У тебя не будет рублей десять?

Пока я не работал — брал у жены, приеду к нему, помогу. Потом я стал работать. А Василий Васильевич заболел, у него начался цирроз печени... Наверное, дней за пять до смерти он позвонил:

— Приезжай, приготовь мне что-нибудь поесть...

Вот так кто-нибудь приезжал и помогал, а жил он все это время один. Через два дня я уехал работать в Белоруссию, и мне позвонили, что умер Кондаков. Но приехать на похороны я не смог.

Июль 1994, Москва

Как вы познакомились с Высоцким?

Я познакомился с Высоцким через людей, которые хорошо и близко знали его и которых знал я, — через семью Севы Абдулова. Это было скорее всего в 1978 году. Севу я знал давно, потом познакомился с Валерием Янкловичем. И как-то я сидел в кабинете Валерия на Таганке, вошел Высоцкий. Нас представили друг другу. Он-то вызвал у меня живейшее любопытство, а я... Так, случайное знакомство. Были еще две-три встречи, никак нас не сблизившие.

И ваше первое впечатление?

Меня немного поразил его внешний облик. Я слышал голос на пленках, видел фотографии — и мне, как и многим, представлялся крупный, здоровый, сильный мужик, может быть немного нарочито простоватый. А увидел я человека небольшого роста, худого и очень модно одетого, что меня тоже поразило. Высоцкий был в облегających брюках и в изысканно узких, с острыми носами, туфлях на высоком каблуке.

Что я еще сразу почувствовал? Несмотря на то что меня представили очень близкие ему люди, я заинтересовал его только как профессионал-адвокат: речь шла о защите одного из его друзей. Высоцкий говорил довольно сухо и даже жестко. Потом я узнал, что он спрашивал обо мне: «А что он из себя представляет?»

Так вот, и в следующие наши встречи я чувствовал некоторый холодок... Но должен сказать, что этот холодок

ощущался не только по отношению ко мне. У меня сложилось такое впечатление, что он всех — ну, скажем, многих — умел держать на определенной дистанции. И это тоже не вязалось с тем образом, который сложился из разговоров о нем и его песен. Говорили, что Высоцкий — распахнутая душа. «Да мы с Володей вместе гуляли, пили...» — ходили такие рассказы...

Уже потом я слышал от Митты: «Несмотря на то что одно время с Володей мы были очень близки, я не могу считать его своим большим другом». В общем, он умел держать на расстоянии даже близких людей. Хотя Володя очень любил своих друзей, был к ним привязан, много делал для них — во всем этом я потом не раз убеждался.

А более близкое знакомство у Абдуловых?

Нет-нет. Произошла довольно удивительная и смешная история. Я отдыхал на юге, мы с приятелем путешествовали на машине. И по дороге заехали в Тбилиси. Едем, и вдруг я вижу афиши Театра на Таганке. Это было, по-моему, днем — у нескольких актеров было выступление в каком-то Доме культуры.

Я говорю: «Давай заедем!» В общем-то я хотел увидеть Валерия (Янкловича. — *В.П.*). Я с ним был ближе знаком, потому что он жил рядом со мной, в Большом Сухареvском, бывал у меня, и я бывал у него. Но и Володю тоже надеялся увидеть.

Поднимаемся наверх, там большой длинный коридор. Я спрашиваю: «А где комната Высоцкого?» Мне отвечают: «Дальше по этому коридору».

Идем, навстречу издаleка — какая-то пара. Идем, не очень обращая внимания. И вдруг я слышу:

— Ну, туда-растуда! Вот это да!

И Володя, растопырив руки, направляется ко мне:

— Это же чудеса! Мы с Валерой идем и говорим: где бы найти Генриха — и вдруг ты!

— А что такое?

— Да понимаешь, вчера прилетел следователь из Ижевска...

Нельзя ли уточнить, какой это год?

Это 1979 год, вторая половина сентября. Совершенно точно.

Володя начинает рассказывать мне про дело Василия Васильевича Кондакова. Времени не было, и мы договорились, что я приду на вечерний спектакль. Весь этот спектакль мы с Валерием просидели в буфете, а Володя прибежал, как только не был занят на сцене. И шел рассказ о том, что происходит и что можно сделать. Володя все это рассказывал очень взволнованно, на таком накале!

Это был первый вечер, когда мы общались тепло и достаточно близко. Шел спектакль «Преступление и наказание», Володя был в костюме Свидригайлова, а я все время порывался: «Дайте я хоть немного посмотрю спектакль!» — «Да ладно, ты всегда успеешь...»

(Самое печальное, что я так и не посмотрел «Гамлета», хотя приходил несколько раз. И все время кто-то перехватывал: «Да ладно, посидим, поговорим...» Жизнь казалась бесконечной.)

Вот так мы провели весь вечер... Короче говоря, они меня уговорили взять на себя защиту Кондакова.

В чем суть дела Кондакова?

Тогда, в Тбилиси, Володя очень беспокоился и за Кондакова, и за администраторов, и за Валерия Янкловича. В общем, я понял, что он больше озабочен судьбой других, чем своей собственной. Он говорил, что все надо продумать: чем он сам может помочь, кто еще может вмешаться, что могу сделать я... Говорил очень заинтересованно, очень активно и очень — скажем так — альтруистически.

Так вот, выяснилось, что Кондаков был очень крупным администратором, очень талантливым человеком с точки зрения этого дела. В 1979 году он проводил в Ижевске концерты Толкуновой, Хазанова и Высоцкого. Кондаков обвинялся в том, что во время этих концертов происходил «съём денег». То есть продавалось большее количество билетов, а отчитывались за меньшее — и часть денег присваивалась. Из этих денег платились дополнительные суммы артистам, а часть денег присваивали Кон-

даков и группа администраторов. А так как к концертам Высоцкого имел отношение Янклович, то шла речь и о его возможной причастности... Вот в чем суть дела. И я принял поручение.

В связи с этим я стал довольно тесно общаться с Володей и Валерой, это конец 79-го — 80-й год. Ну а в общении, знаете как, — одно за другое цепляется, и мы встречались уже не только по этому поводу.

Я бывал на Таганке, на Малой Грузинской, Володя и Валера однажды были у меня. Мне это хорошо запомнилось. Началась беседа с рассказа о том, как они на «мерседесе» влезли в мою подворотню... А потом был очень хороший разговор. Володя расспрашивал, сам рассказывал... Он не мог усидеть на месте, создавалось такое впечатление, что у него вся кожа горит... Ему было очень тяжело.

В последнее время ему вообще было очень тяжело. Бывая у него, я заставлял его в очень трудных состояниях. Что было, то было.

Чем закончилось дело Кондакова?

Для Кондакова — не очень хорошо. По ряду эпизодов он был осужден. Но, к счастью, все связанное с концертами Высоцкого суд отбросил, признав, что ничего криминального там не было, и имя Валерия Янкловича полностью реабилитировали. И, естественно, имя Владимира Высоцкого. А ведь нашлись люди, которые хотели Высоцкого очернить. Например, следователь Кравец, который оказался на редкость неobjективным человеком. Но у него ничего не получилось.

И когда был суд? Вы не помните даты?

Закончилось дело за двадцать три дня до смерти Володи. Я ехал из аэропорта Домодедово и заскочил на Таганку. Хорошо помню, что это было 2 июля. Володя торопился на концерт, мы встретились буквально на мгновение. Но тянулся процесс несколько месяцев. Я прилетал, мы встречались, часто перезванивались...

Какую роль в этом процессе сыграл администратор Шеманский?

Не очень красивую. Он, что называется, «раскололся», то есть признал все эпизоды — и оговорил других.

Но вы понимаете, как тогда проходили эти концерты? Кто поедет в такую даль за несчастную актерскую ставку? Это просто смешно. Поэтому все администраторы крутились, что-то придумывали.

А Шеманский кричал: «Мы, администраторы, страдаем из-за них, актеров! Мы будем сидеть за них!..» и т.д.

Я не знаю позиций Хазанова и Толкуновой, а Володя, с моей точки зрения, вел себя очень благородно. Он очень хотел помочь Василию Васильевичу Кондакову, ныне покойному, а главное, он очень хотел, чтобы никак не пострадал Валерий. Между тем Янкловича все время дергали, требовали явки в суд, что могло иметь непредсказуемые последствия. А самого Володю просто пытались «испачкать»; конечно, не только его, но его — особенно.

Каким образом были сняты обвинения с Высоцкого и Янкловича?

Во-первых, концерты, о которых шла речь, проходили не в Ижевске, а в Глазове — это недалеко. Организовывал их Шеманский, он был помощником Кондакова. И когда у них зашел разговор об этих концертах, Кондаков сказал: «Не надо. Сборов не будет». Тогда Шеманский и еще несколько мальчиков решили, что Василий Васильевич стал выживать из ума — чтобы у Высоцкого не было сборов!

Но Кондаков действительно великий администратор — сборов на самом деле не было. В чем же дело? Глазов расположен на двух берегах реки, и во время разлива никакого сообщения между ними нет. Дом культуры — на берегу, где практически нет жилых домов. И попасть туда можно было только на лодках! Кондаков все это каким-то образом предугадал. А эти мальчики объявили концерты — и прогорели на них. Просто народу было мало. Поэтому украсть что-то было невозможно — и этот эпизод рухнул. Янкловича оправдали.

Вообще, я не склонен никого обвинять, даже Шеманского. Человек он немного нервный, многое перенес.

Все-таки — тюрьма... А потом, то, что делали эти администраторы нелегально, теперь делают все и вполне официально.

Как действовало на Высоцкого все это: следствие, суд, попытки скомпрометировать? Ведь не могло не действовать!..

Конечно! Состояние у него в то время было очень тяжелым. А все эти дела — с моей точки зрения — его просто добивали. Насколько я его понимаю, он был не приспособлен и для решения таких проблем, и для общения с такого рода людьми. И вообще, это совершенно не его сфера: административные дела, работа судебно-правоохранительных органов... Он не был к этому готов — ни психологически, да и никак! И то, что он мне говорил, о чем просил, звучало чрезвычайно наивно — во всяком случае, для нас, юристов: «Нет, ну ты скажи им! Что они мне не верят?!»

Понимаете, он судил об этих вещах с общечеловеческих позиций! А юриспруденция — это иногда какие-то настолько формальные вещи, что они не укладываются в общечеловеческие представления. Они правильны, нужны, но это другой порядок явления.

Пока шел суд в Ижевске, Володя звонил много раз — то есть все это висело над ним, действовало на психику. Когда я прилетал в перерывах, он немедленно тащил меня домой: «Давай приезжай!..»

Конечно, это и волновало, и влияло, и действовало.

Вы бывали у Высоцкого на Малой Грузинской. Помните свое первое впечатление?

Меня немного поразило, что дверь была открыта. Просто не заперта. Кто-то входил, кто-то выходил... У него был достаточно своеобразный дом. С одной стороны, Володя был человеком, не очень пускавшим и подпускавшим к себе. А с другой стороны — впечатление открытого дома, калейдоскоп людей...

Когда вы видели Высоцкого в последний раз?

Я был у него дома днем перед последним спектаклем. Может быть, в двенадцать часов, может быть, в час...

Я хорошо все помню. Мы должны были обговорить один вопрос, но я застал Володю в очень тяжелом состоянии — и уехал.

Мы перезванивались с Валерой: «Я не знаю, сможет ли он сегодня играть... Ладно, приезжай в театр».

Вечером я приехал на Таганку — и был совершенно потрясен (эта сцена до сих пор у меня перед глазами), когда увидел Володю. Собранный, подтянутый, он спустился по лестнице возле буфета. А всего несколько часов назад...

Володя немного смутился, потому что не настолько мы были близки. «Ты понимаешь, у меня было немного такое состояние...» — «Да ерунда...»

Но тогда мы не поговорили.

А 24 июля я позвонил на Малую Грузинскую. К телефону подошла Нина Максимовна, она позвала Валерия. По-моему, он сказал, что Володя сейчас подойти не может, позвони завтра.

А назавтра мне позвонила дочь: «Ты знаешь, что Владимир Семенович умер?!» Вечером я поехал на Малую Грузинскую. Двери были открыты, уже прилетела Марина... Какое-то ошеломление...

А с наследственными делами вы были связаны?

Да, Марина Влади попросила меня представлять ее интересы. И произошла такая общечеловеческая и не такая уж редкая история: вначале все соревновались в благородстве, никаких претензий друг к другу, а потом перессорились.

Как распорядились наследственным имуществом?

Я принимал в этом участие, но как адвокат вдаваться в детали просто не имею права. Могу лишь сказать, что и нашумевшая история с дачей тоже начиналась очень хорошо. Все вели себя очень красиво, Володарский предлагал самые благородные варианты — меня только спрашивали, как это лучше оформить (там были определенные юридические сложности: Володарский разрешил Высоцкому построить дачу на своей территории, но никаких официальных прав на этот дом у Володи не было). А потом начались дразги, в которые пытались втянуть и меня, каж-

дая сторона внесла свою лепту. Закончилось же это просто безобразно, но без моего участия*.

Ведь, понимаете, я не был настолько близок к Володе, чтобы плотно влезать во все это. Я не считаю себя ни другом, ни близким приятелем Высоцкого — просто добрые знакомые, которых в последний год его жизни свела судьба...

Сентябрь 1994, Москва

* См. об этом подробнее в книге: Первозчиков В. Владимир Высоцкий: Правда смертного часа. Посмертная судьба. М.: Вагриус, 2003. Глава «Дачная история».

Приходилось слышать, что с Высоцким вы познакомились в Тбилиси — а при каких обстоятельствах?

Летом 1979 года там был на гастролях Театр на Таганке. В Тбилиси прилетел следователь из Ижевска: началось «ижевское дело». А мой начальник хорошо относился к Высоцкому и знал о моей симпатии к нему. Поэтому поручил выступить, как говорится, в роли «амортизатора» — проследить, чтобы не было допущено обычной милицейской грубости и так далее.

Ижевский следователь оказался совсем молодым человеком. Потом они даже немного сошлись с Владимиром Семеновичем — в общем, отношения были достаточно лояльными. Этот парень при мне подарил Владимиру фотографию (она должна была сохраниться у него в доме) — на стене тюрьмы надпись: «Вали все на Высоцкого. Он тебя вытащит». И следователь, да и все в общем-то понимали, что Высоцкий — не преступник.

Говорят, вы чуть ли не единственный человек, который ни разу не попросил Высоцкого спеть.

Да, это действительно так. В конце концов он сам сказал: «Алик, ну давай я тебе хоть раз спою!» Это было еще в Тбилиси, его все зывали в гости — чтобы пел. А мне, откровенно говоря, казалось, что Володя сам по себе очень интересный человек. Я работал следователем, вел много разных дел. Володя слушал мои рассказы об

этом как профессионал, задавал вполне квалифицированные вопросы.

Что за необыкновенное печенье пекла ваша жена? О нем вспоминают многие.

Из Тбилиси Володя должен был лететь в Пятигорск, потом в Москву, были какие-то съемки... И жена нагрузила его всякими вкусными вещами. А печенье... Оно называется «персики» и выглядит соответственно.

Что еще происходило в Тбилиси?

Как обычно, когда Высоцкий приезжал в другой город, его бесконечно приглашали в гости. Чаще всего он отказывался. Но как раз в то время Верико Анджапаридзе присвоили звание Героя Социалистического Труда. На торжество позвали Володю, сказали, что все будет нормально. И он пришел, а там человек сто сидят с магнитофонами — ждут, когда запоет Высоцкий. Володя ушел с половины вечера...

А у меня дома мы, как правило, собирались втроем: Высоцкий, Валерий Павлович Янкллович и я. Я всегда стремился, чтобы он отдохнул: видел, как ему доставалось. Таких вечеров было — раз, два, три, четыре... пять. А потом Володя предложил спеть. Пришел для этого пешком ко мне домой из гостиницы «Аджария».

Вы не записывали?

Конечно, записывал. Но, как назло, пропускал разговоры... Из рассказов Высоцкого помню один: как на какой-то из своих концертов он провел сотрудника КГБ, который потом сообщил, что Высоцкий на сцене пил коньяк. Хотя в стакане был охлажденный чай. Тогда он «обкатывал» одну песню — «Второй "Аэрофлот"». А до этого показал мне договор, по которому должен был рекламировать за рубежом «Аэрофлот» ради скидки на билеты. Я говорю: «Хороша реклама! Ты этой песней портишь репутацию нашей авиакомпании...» На что он заметил: «Такая песня — тоже реклама».

Рассказывал громадное количество анекдотов. Ну, например, про Брежнева. «Леонид Ильич, — спрашивают генсека, — почему на вас один ботинок черный, а другой

красный?» «Вы знаете, — отвечает, — мы этот вопрос даже ставили на Политбюро, да так ничего и не решили. Но у меня и дома так же: один — черный, а другой — красный».

Это происходило осенью, я тогда жил и работал в Тбилиси, но уже в 1980 году переехал в Москву. Володя бывал у нас дома, всегда прекрасно себя чувствовал. Никто его не теребил, никуда он не спешил.

Общались безо всяких претензий и комплексов. Однажды Володя попытался каким-то образом ответить на наше гостеприимство — пригласил на пельмени. По-моему, они были магазинными.

После знакомства в Тбилиси вы практически каждую неделю перезванивались.

Помню, именно тогда показывали «Место встречи...». Я звонил после каждой серии, Володя спрашивал: «Алик, ну ты смотришь?» По-моему, фильм ему нравился.

Кстати, про телевидение. В Тбилиси я познакомил Володю с одним шарманщиком. Однажды Высоцкий увидел его в какой-то передаче — и очень обрадовался, сразу же позвонил мне.

В последние годы Высоцкий трудно сходил с людьми. Как вы думаете, почему у вас сложились хорошие отношения?

Мне кажется, что, хотя тогда Володю окружало большое количество людей, фактически он был очень одинок. Жил совсем в другой плоскости — и интересы людей, которые его окружали, не были его интересами.

Единственный человек, который всегда держался рядом — и дядькой и нянькой, — это Валерий Павлович. Иногда был просто круговорот людей, которые приходили, уходили, забегали, убегали... Такое впечатление, что проходной двор.

Теперь мы знаем, с чем это было связано.

Я бы не хотел говорить на эту тему.

В начале 80-го года вы приехали на Малую Грузинскую с ящиком хорошего сухого вина. Был славный вечер — один из немногих светлых моментов жизни Высоцкого в последние месяцы. Когда это было?

Трудно вспомнить точно. Это зима 80-го года. Сразу после дня рождения — значит, начало или середина февраля.

А в июле я находился в Тбилиси в командировке. У меня оставалось несколько дел, которые нельзя было бросить — настолько поджимали сроки. И когда я сообщил о смерти Высоцкого подследственным, они рыдали вместе со мной.

Июнь 1993, Москва

У отца был друг — Альбанов Дмитрий Васильевич, он работал в агентстве по охране авторских прав. Однажды — это было году в 63-м — он сказал отцу:

— Есть такой парень — Высоцкий. Очень талантливый, но вот совсем денег нет. Вчера даже кровь сдал... Надо ему помочь.

А у Володи тогда были, наверное, самые трудные времена. Работы не было, денег не было... Я тогда училась в школе и просто узнала, что есть такой человек — Высоцкий.

В 1979 году я работала в издательстве «Прогресс». Ну, как работала... Тусовалась понемногу... Была молодая, красивая. Работать на советскую власть не хотела, не хочу работать и на нынешнюю. И вот тогда я познакомилась с Валерием Павловичем Янкловичем, а через него и с Владимиром Семеновичем Высоцким. Значит, знала я его — самое большее, полтора года...

От него шла такая энергия! И сколько этой энергии он тратил на других! А все, как вампиры, ее высасывали. А вообще ничего и никого достойного я тогда вокруг Володи не видела. Все его окружение, весь этот «узкий круг» — это все ерунда! Все это время, почти всегда, Володя был в ненормальном состоянии. И кто достал наркотик — тот и лучший друг! Выжимали из него всё, что было можно.

А первое впечатление? Совершенно нормальное первое впечатление. Володя только что вернулся из Ижевска. По-моему, это март 1979 года. Мы приехали с Вале-

рием Павловичем, он нас и познакомил. А квартира — классная. Я и говорю — с приколом:

— А где сауна? Где второй этаж?

Володя нормально прореагировал:

— Да вот сейчас покажу.

Конечно, в квартире чувствовалась рука Марины, ее стиль... Когда я впервые попала на дачу, она только что была построена, но все там было так продумано, все до мелочей так устроено и уютно, как будто там жили уже сто лет. На втором этаже было что-то недоделано, а так — полное впечатление, что живут здесь уже давно, очень давно...

А попала я на дачу 31 декабря 1979 года. Там был этот Володарский... Все пьет и пьет — и ведь никак не сопьется! И жена его — Фарида. Но в общем все было нормально. Трифонов, Аксенов — вот это люди! И вот они вместе с Володей и Мариной сидели и слушали длинный рассказ о Париже жены Трифонова, которая там недавно побывала... Марина Влади слушала занудный рассказ про Париж!

Ночевали, потом смотрели «Мюнхгаузена», а вечером в понедельник, 1 января, мы собрались в Москву... А с Севой была девушка Юля. По-моему, она недолго с ним пробыла... Так вот, вечером 1 января мы уже выезжаем, а Трифонов идет по дороге. Володя остановился, опустил стекло. И Трифонов, явно стеснясь, говорит:

— Володя, вы нам споете сегодня вечером?

Володя ведь обещал нас отвезти, а потом вернуться. Но мы-то понимали, что с ним происходит...

За несколько дней до Нового года у него был совершенно жуткий приступ. Это было в тот день, когда он выбил квартиру Федотову — был на приеме в Моссовете у заместителя Промыслова. В тот же день был концерт в издательстве «Прогресс». Страшный приступ, а у меня была одна ампула — еле откачали.

Итак, мы едем по пустому Ленинскому проспекту — и врезались в троллейбус... Юля сидела за Севой, я — за Володей. После удара машина закрутилась, и мы оказались на другой стороне улицы... Когда Володя выскочил, «мерседес» еще потихоньку двигался. «Мерседес-250» — ненавижу эти машины без задних дверей!

У Севы — крученный перелом руки, у Валерия — сотрясение мозга, нас с Юлей сильно ударило. Меня тошнило, и я попала в больницу, «чтобы провериться»... Но я рвалась на волю — в больнице пробыла не больше недели. И еще в больнице ко мне приходили два этих мерзких следователя. Они все время спрашивали: «А почему Марины не было в машине?», «А с какой скоростью вы ехали?».

«Копали» под Володю.

После того как меня выписали из больницы, я пришла в Первую Градскую. Приезжает Володя, Сева ему говорит:

— Валеру потащили эти два ублюдка!

Как Володя орал! Как он матерился! Он их выгнал оттуда. Кстати, он легко употреблял мат — но это у него вышло как-то очень естественно и красиво. Да, а когда уже закрыли дело об аварии, я ездила на Петровку, 38 — платила за ремонт троллейбуса...

Наркотики? По нему это не было видно... Моя подруга Ольга первая обнаружила, сама «вычислила»... Году в 78-м она меня попросила:

— Узнай, что такое «омнокон» или «омкомон»? Что это за препарат?

— Да это же наркотик!

Ну а в последнее время постоянно шли эти разговоры: как его спасти? как его вылечить?

После дня рождения Володи они с Толей Федотовым несколько дней не выходили из квартиры. Толя поставил капельницу и что-то там качал-перекачивал... А 25 января не было никакого торжества: Володя плохо себя чувствовал.

Примерно в это время Володя с Игорем Шевцовым писали сценарий — «Зеленый фургон» («Как это делалось в Одессе»). Володя страшно нервничал: он что-то придумал, а Игорь не то написал. Однажды по телефону он так орал на него...

Часто читал в очках. Ему так шли очки! Он в них был похож на кого-то из великих... Несколько раз читал Булгакова — какие-то куски из «Мастера и Маргариты», — читал просто фантастически...

Вообще Володя был совершенно необыкновенным человеком... Я часто думаю: ну за что мне такое счастье!

Ну почему мне так повезло, что теперь и умереть не страшно!

Совершенно фантастический человек... И патологически наивный. Я часто думала: ну неужели он не понимает? Материально его можно было запросто «наколоть»! Вот вроде кажется, что крутой, как танк! «Сечет» абсолютно все! А на самом деле — наивный, как ребенок.

Я читала вашу третью книгу («Живая жизнь: Штрихи к биографии Владимира Высоцкого». Часть III. — В.П.). Последние дни... Ведь все это было не так... Или не совсем так... Уж лучше было некоторым совсем молчать. Все эти два последних дня он страшно кричал. Ужасно кричал! 23 июля вечером у Нисанова была странная компания... Была одна девушка, которая нам рассказывала:

— А я знаю Высоцкого...

И вдруг заходит Володя! Я до сих пор помню выражение ее лица... Володя выпил граммов двести, немножечко пришел в себя... А потом... Он так кричал! Поздно вечером приезжали врачи из «скорой»... Все это было ужасно, ужасно! Володя так мучил себя, и всем окружающим тоже доставалось. Ксения Афанасьева — вот кому памятник надо поставить при жизни! Ей доставалось больше всех.

Двадцать четвертое, ночь. Валера приехал... Потом этот звонок: Высоцкий умер! Валера выскочил без майки и без рубашки, — я кричала ему в окно! Он поднялся, оделся — снова выскочил, и — чудо! — сразу же попало такси. Что Янклович любил Володю — это однозначно: Валера по полу катался, рыдал...

Я сразу же позвонила Михаилу Сергеевичу Сорокину (он уже давно уехал в Штаты), позвонила другому, третьему... Приехала Ольга — сейчас жена Гарика Антимония, мы вместе поехали на Малую Грузинскую. Приехали, наверное, часов в шесть. В квартире уже было много народу. Милиция, какие-то военные...

На следующий день... Володя лежал уже одетый: в черных брюках и в черной водолазке. Когда я зашла в квартиру, я там никого не узнала. Никого из Володиных друзей и знакомых, которых я знала, там не было.

Двадцать восьмое, Ксюша у Боровских. Мы договорились вместе поехать на панихиду в Володином доме.

Но сначала, накануне, я поехала к театру — горели свечи, кто-то пел... Пробыла там часов до двух ночи.

Пошла к Боровским — там же недалеко. Чувствую, кто-то идет за мной. А эмоциональное состояние подавленное, да еще вторую ночь не сплю, все время курю... Я оглянулась — парень лет тридцати, такой «прикинутый», в кожаной куртке...

Вхожу в подъезд, он за мной... Напал сзади и стал зверски избивать. Поташил на темную лестницу, хотел изнасиловать. Уже почти затащил, и я понимаю: всё — конец. Это меня и спасло. Вернее, спас меня мертвый Высоцкий. Я кричу:

— Ах ты, гадина! Володя Высоцкий умер! А ты — подонок!

— Как — Высоцкий умер? Ты врешь, падла!

И вдруг начал рыдать. Скорее всего, психически ненормальный, сексуальный маньяк... И отпустил меня. Я заскочила в лифт — он за мной. И снова начал... Тут в кабину зашел парень.

— Молодой человек, помогите! Вот — гад, мучитель...

А этот маньяк спрашивает:

— Правда, что умер Высоцкий?

— Да, правда. Завтра похороны.

Он снова зарыдал и выскочил из лифта. Ну, я вцепилась в этого парня, доехала до нужного этажа. Позвонила в дверь, открыл Саша Боровский...

Рано утром поехали к Володе. Ксения — молодец! Приехали, она так железно встала у гроба... А там — жены, родители, дети, все официально. Нет, все равно стоит. Она женщина с характером.

Да, Толя Федотов... Мы часто виделись после Володиной смерти. Он всегда говорил:

— Я же его угрохал... Я же его проспал...

Страшно мучился этим. Толька в принципе хороший мужик, но как врач-профессионал?.. Тут я не знаю. Ему вообще все — «по фигу». Толька ржал: «Ладно, все будет нормально!» Он ведь точно так же «залетел», как Володя. Точно так же... Да, Толька... Как жалко, что я его не хоронила...

Ну что вам еще рассказать? Вы знаете Володины стихи про то, как они с Ваней Бортником ходили голосовать?

Нет? Это, кроме меня, никто не знает. И не просите — ни за какие деньги и никому! Пусть моим детям останется.

Володя мне всегда ужасно напоминал Пушкина. И напоминает. Особенно когда я читаю письма Александра Сергеевича к Наталье Николаевне. Легкий, свободный. У Володи в последнее время это бывало редко, но бывало. Все равно, он — как Пушкин.

Октябрь 1994

Я познакомился с Владимиром Высоцким в 1960 году у моего двоюродного брата Всеволода Абдулова. Мне было тогда восемнадцать лет. А потом так получилось, что последние два-три года Володиной жизни мы общались очень часто, почти каждый день. А после того как он разбил второй маленький «мерседес», мне приходилось часто возить его на своей машине. Так вот, спустя эти годы после знакомства я нашел Володю совсем другим. Он здорово вырос как личность, да и физически это был совсем другой человек.

Машины Володя водил прекрасно, а кроме того, он был замечательным пассажиром: при мне он не сделал ни одного замечания водителю, а это бывает очень редко. Сам же за рулем мог полностью отключиться и думать о своем.

Марина рассказывала, как они возвращались на машине в Союз:

«Я вижу, что едем не туда.

— Володя, осторожнее... Мне кажется, тут кончается шоссе. Мы едем не туда!

— Нет, туда!

А шоссе — бац! — и нету! В клубах пыли вылетаем прямо в поле. И тут я слышу такой настоящий русский мат, какого я никогда в жизни не слыхала!»

Последнюю машину Володе помогал купить Бабек. Серуш Бабек прекрасно знает русский язык, он очень любил и ценил Володю. Бабек — крупный коммерсант, тогда

у него были дела в Союзе. Я помню, что Володя записывался у него и говорил, что у Бабека аппаратуры на два миллиона марок. Аппаратура действительно была профессиональной.

Но вернемся к машинам... Володя машины любил и даже немного гордился своими «мерседесами». Он всегда прислушивался, как работает мотор — стучит или не стучит? И однажды Абдулов решил его разыграть. Едем в машине, а Сева потихонечку начинает: «Ж-ж, ж-ж...» Володя стал волноваться — что такое? Остановил машину, вышел, посмотрел мотор... Вроде бы все в порядке. Поехали дальше, а Сева начинает опять... Но долго он не выдержал — расхохотался. Володя его чуть не убил!

Я, как и все, удивлялся: когда Володя спит?! Допустим, привожу его домой часа в два-три ночи, а в девять утра какая-то работа. Приезжаю в восемь, Володя встает: «Сейчас, сейчас... Только приму душ!» Попил крепкого чая и — готов работать. Конечно, при его загруженности нужен был и секретарь, и свой импресарио... Звонили и писали тысячи людей! Все письма он физически не мог прочитать, просил читать других. Я помню одно большое письмо из Калининграда, целая тетрадка. Какая-то женщина писала о том, что разрушается оросительная система, построенная еще немцами. Володя очень хотел ей ответить, но так и не нашел времени. Помню еще одно забавное письмо, в конце которого стояла приписка: «Владимир Семенович, если вы мне не ответите, то я напишу до Баниониса!»

Володя не был суеверным. Но он как будто ждал дня, когда у него получалось все. Вот тогда какой-то чертик в него вселялся... Абдулову нужно было заменить кузов машины. Дело это сложное, и у Севы ничего не получалось. Володя узнаёт телефон замначальника Мосавтотранса и говорит мне: «Узнай, где он сидит...»

Берет свою пластинку, и мы едем. Входим в кабинет, сидит такой суровый дядька-начальник. Володя с ходу спрашивает:

— У вас есть дети?

— Дочь... Взрослая... Вот завтра выходит замуж.

— А как ее зовут?

И сразу же надписывает пластинку: «Это мой пода-рок!» И этот человек меняется на глазах, теплеет лицом.

— А что вам надо, Владимир Семенович?

— Да вот, надо сделать кузов моему брату.

Все было сделано очень быстро.

Что вам сказать про срывы? У Володи бывало так — дел невпроворот... Все это накручивалось, накручивалось... И в конце концов ему надо было быть в один день в семи местах! Володя говорил: «А, пропади оно пропадом!» И «уходил в пике». Это была болезнь, и в такие моменты с Володей было очень трудно. Но где бы это ни случилось, Сева Абдулов мчался выручать своего друга. Однажды Сева должен был ехать на репетицию и попросил меня побыть с Володей. А Володя был в тяжелом состоянии. Звонок с киностудии, женский голос:

— Попросите Высоцкого...

— Нет, он болен.

— Болен, болен... Знаю я, чем он болен. Господи, ну почему это Высоцкого не наказывают?! Всех наказывают, а Высоцкого — нет?! — И бросила трубку.

В последний год Володя из театра практически ушел, играл очень редко. Я тогда спросил у него:

— А ты не жалеешь, что ушел из театра?

— Нет, не жалею. Здесь, — он показал на сердце, — ничего не осталось. Осталось голое мастерство...

Абдулов попал в автомобильную катастрофу в Ефремове, очень тяжелую катастрофу. Тогда в его судьбу вмешалась Фаина Георгиевна Раневская, она добилась, чтобы Севу на санитарном самолете перевезли в Тулу, в областную больницу. Когда Володя прилетел из Парижа, он уже все знал. Более того, там, во Франции, он проконсультировался с нейрохирургом. Ушиб мозга — это же очень серьезно! Мы с Володей приехали в Тулу, когда Сева уже пришел в себя. Он даже пытался как-то пошутить, но Володя был потрясен: «Ты видишь... Ты видишь?! Это же бред...» Он страшно переживал.

Больниц Володя почему-то боялся. Однажды у него сильно распухла нога. Тянул-тянул — ни за что не хотел обращаться к врачам. Вообще, пока его не напугаешь, ле-

читься не будет! «Володя, тебе же ногу могут оттяпать!» Еле уговорили его показаться моему отцу, он у меня хирург. Отец взял саквояж, надел белую шапочку, и мы поехали на Малую Грузинскую... И там, у Володи дома, отец и вскрыл этот нарыв.

Да, вспомнил одну важную вещь... 1975 год. Вся Москва слушает и поет «Кони привередливые». Володя возвращается из Франции, я встречаю его в Шереметьево. Проезжаем Белорусский вокзал, а у лотка в лотерею разыгрывается синяя гибкая пластинка Высоцкого. Скрипит и хрипит на всю площадь: «Что-то кони мне попались привередливые...» Эти гибкие пластинки — они же очень некачественные. Володю это просто взорвало: «Кто дал им право выпускать эту гадость?! Мы же договорились, что будет большой диск!» Все знают, что большая пластинка тогда так и не вышла.

...Однажды я спросил у Володи:

— А вот как ты пишешь? Как у тебя это получается?

— Ты понимаешь, иногда одна строка вертится в голове, жужжит, как муха... Иногда неделю, иногда целый месяц... А потом сажусь за стол и пишу — бывает такое ощущение, будто кто-то водит моей рукой...

Помню его фантастически смешные рассказы: про прибалтийских ребят, про «умнейшую собаку Рекса», которая была переводчиком у Хрущева... Володя коллекционировал истории про пьяных... «У ресторана "София", прислонившись к столбу, сидит пьяный и говорит: "Остановись!" Протягивает деньги: "Сдачи не надо! Ну, здравствуй, это я..."» Володя говорил, что сам в это время проходил мимо.

Один из дней рождения Всеволода Абдулова... Володя приехал после «Гамлета» смертельно усталый: «Ребята, я на пять минут... Поздравляю Севу и убегаю...» Еле-еле уговорили спеть одну песню. Один актер из театра «Ромэн» стал подыгрывать. Володя так завелся, что без перерыва пел часов до четырех...

Гитары... Сколько Володя их поразбивал. Гитару Дикого я хорошо помню — маленькая, изящная. А большая концертная гитара, с двумя грифами, которая теперь висит в кабинете на Малой Грузинской, Володе не очень нрави-

лась. Я однажды прочитал в «Вечерке» объявление, что продаются старинные гитары... Мы поехали, старая московская коммунальная квартира, нам открывает пожилой цыган. Проходим к нему в комнату; конечно, Володю он узнал сразу... Показывает гитару — маленькая, звонкая, в идеальном состоянии. Но Володя говорит, что у него такая уже есть. Тогда хозяин достает еще две гитары, одна из них Володе очень понравилась. «Послушайте, у меня есть хорошая концертная гитара, давайте меняться!» Цыган ответил, что надо посмотреть... Мы поворачиваемся — и вдруг этот человек говорит: «Володя! Что ж ты, уйдешь от меня и не споешь?!» Володя берет гитару, хозяин вторую... Он спел, кажется, «Камнем грусть висит на мне». И так здорово у них получилось! «Эх, Володя! Нам бы с тобой вместе проехать по России...» Попрощались. Едем в лифте, Высоцкий говорит: «С цыганами только гулять хорошо...»

К деньгам относился по-разному... Запросто мог отдать последние: «Ладно, живы будем — наживем». А иногда, например, когда надо было дать пятерку сверху на станции техобслуживания, он вдруг взрывался: «А-а! Они вечно меня обдирают!» А бывало так: явно видно, что обманывают в открытую. И сумма довольно приличная. А Володя говорил: «Отдай и не торгуйся». В этом он очень похож на Туманова. И вообще они с Вадимом Ивановичем очень похожи. Леонид Мончинский начал писать повесть о Туманове, а Володя предложил переделать ее в киносценарий. Он хотел снять фильм о Туманове, о Колыме, о сталинских лагерях. Мончинский прилетел и три дня жил у Высоцкого. Они работали. А потом Леня говорит: «Ну, я думал, что человека несговорчивее и тяжелее Туманова быть не может. Но ваш Володя!»

...После поездки в США Высоцкий рассказывал, что американцы больше, чем европейцы, похожи на нас. А еще сказал, что побывал в XXI веке! Однажды он вернулся со съемок, во время которых жил в гостинице «Ялта»: «Ну, "Хилтон"! Настоящий "Хилтон"! А в буфете лежит коржик, которым человека убить можно...» Да, я помню, что Володя однажды притащил к себе парня, который только

что освободился, и четыре часа дотошно обо всем расспрашивал...

Про дачу со мной впервые заговорила Марина: «Ты не мог бы поспрашивать... Володя так много работает, ему нужно спокойное место». Меня тогда поразило, что она говорила только о нем, только о его работе... Мы смотрели одну дачу, но она по каким-то причинам не пошла. А потом возник вариант на Красной Пахре, на участке у Володарского. Мы Володю угovarивали — все-таки чужая земля. Он столько денег туда угрохал! Но дачу свою откровенно не любил... Ведь каждый раз, когда он хотел приехать туда, надо было звонить Фариде, жене Володарского... Однажды едем по Москве, Володя спрашивает:

— У тебя есть канистра с бензином?

— Есть.

— Давай поедем, сожжем мою дачу...

Но ради справедливости скажу, что последние полгода Володарский несколько раз звонил Высоцкому: «Володя, давай узаконим твою дачу...»

1980 год. Едем до телецентра... «Заскочим минут на пятнадцать. Скажу пару слов...» Сижу час... полтора... Выбегает радостный — обнимает, целует... «Извини, ради бога! Знаешь, записал концерт! Он, наверное, никуда не пойдет — ну ладно, пусть полежит...» Потом я узнал, что режиссер «Кинопанорамы» Ксения Маринина еле уговорила его сделать эту запись.

Последние годы хорошее настроение у Володи бывало очень редко. Если это случалось — как будто солнышко всходило. Чаще было по-другому. Я даже помню, что в Володин день рождения 25 января 1980 года никакого веселья не было... Мы сидели втроем — Володя, Валерий Янкович и я, — было как-то очень грустно...

Посторонние в его доме бывали редко, особенно в последние годы. Володя, как мне кажется, защищал свое право на одиночество. Однажды звонок в дверь: югославский корреспондент пришел просто так, без предварительного телефонного звонка. Я даже не думал, что Володя так разозлится: «Как вы смеете приходите без предупреждения!» Просто взял и выгнал его. Я говорю: «Володя,

да ты что?!» Он отвечает: «Да они же сами нас потом уважать не будут!» А вахтерша сказала мне потом, что этот парень плакал внизу.

Понимаете, в этом смысле на Володю очень подействовали зарубежные поездки. Там же совершенно другое отношение к этим вещам. Володя рассказывал: «Звонит репортер, говорит, что запись будет шестьдесят минут и что они заплатят мне три тысячи долларов». В общем, он сам стал по-другому к себе относиться...

1 января 1980 года. Звонок Высоцкого: «Немедленно приезжай! Мы разбились». Приезжаю к Первой Градской, напротив стоит милицейская машина дежурного по городу. Обычно дежурный по городу выезжает на аварии со смертельным исходом. Я, конечно, испугался. Выскакивает Володя в страшно возбужденном состоянии. Оказывается, поздно вечером на почти пустом Ленинском проспекте они врезались в троллейбус, который стоял на обочине. А дело было так. Ехали с дачи на маленьком «мерседесе». Справа от Высоцкого сидел Сева Абдулов, сзади — Валера Янклович. Был гололед, да еще со снегом... Машину понесло. Володя — по тормозам!.. Когда Володя понял, что вывернуть не удастся, бросил руль и двумя руками обхватил Севину голову. Я его потом спросил:

— Володя, ты почему бросил руль?

— Понимаешь, у меня мелькнуло: Сева же голову разбивал, ему больше нельзя.

Тогда Абдулов сломал руку, у Янкловича — сотрясение мозга, а Володя — ничего. Сева и Валера попали в эту Первую Градскую, и Володя потом устроил там концерт для медперсонала. Он так пел! Я сидел в коридоре — у меня мурашки по коже...

В последний год все как-то сложилось... Из театра практически ушел. Разбил машину — жутко переживал. Потом разбил вторую. С Мариной тоже... Последний раз, уже в 80-м, мне кажется, ему не хотелось лететь в Париж... Он же опоздал в Шереметьево! Но таможенники его знали: «Подожди, Володя!» Куда-то позвонили: «Задержите рейс на Париж...» Задержали, и Володя улетел.

С болезнью этой боролся — он очень хотел покончить со всем этим... Но у Володи же был такой характер: вот, чтобы встал утром — и все кончено! А так не получалось... Летом 80-го года он сказал мне: «Или "выскочу", или умру...»

Тогда же я сказал: «Володя, ты за последние полгода ни одной песни не написал!» Он ответил: «У меня в голове их штук двадцать». Но они так и остались ненаписанными...

Апрель 1987, Москва

Россия — единственная страна,
где поэзия находится на таком уровне.
Поэзия у нас всегда была во главе литературы.
И не только из-за того, что наши поэты
были большими стихотворцами и писали прекрасные стихи,
а из-за того, что они достойно вели себя в жизни:
и по отношению к властям, и по отношению к друзьям,
и по отношению друг к другу...
В. Высоцкий

Пожалуй, самым главным желанием поэта Владимира Высоцкого было желание увидеть свои стихи напечатанными. Публикации появились, но их было очень немного; более или менее солидные подборки стихов и песен выходили только на Западе. Но полноценной своей книги Высоцкий так и не дождался.

21 февраля 1980 года на концерте в МФТИ Высоцкого спросили:

— Собираетесь ли вы выпустить книгу стихов?

— ...это не только от меня зависит, как вы понимаете. Я-то собираюсь. Сколько я прособираюсь — не знаю. Сколько будут собираться те, от кого это зависит, тем более мне неизвестно. Хотя есть предложения по поводу книги, подборок и так далее — вы знаете, чем становиться просителем и обивать пороги редакций, выслушивать пожелания, как переделать строчку, лучше сидеть и писать.

От кого же Высоцкий мог выслушивать пожелания, как переделать ту или иную строчку?

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья — известные поэты:
— Не стоит рифмовать «кричу — торчу».

Серьезный разговор о поэзии с крупными поэтами у Высоцкого был только однажды, а что касается советов «друзей-поэтов», то это происходило примерно так:

«Сегодня разговаривали между собой поэты... Андрей Вознесенский и Володя:

— Володя, приезжай ко мне 14-го на дачу.

— Обязательно, Андрей. Мне нужно тебе много почитать, чтобы отобрал *для печати*, что считаешь... Вот послушай два. Я все равно должен отобрать у тебя полчаса.

И Володя долго читал. А я хохотал. Потому что Андрей слушал и думал о своем. Он звал к себе Володю, чтобы подумать о пятисотом спектакле «Антимиров». А Володя — о своем» (В.Золотухин. Дневник, 11 июня 1973 года).

А вот что произошло на том самом юбилейном спектакле. Вспоминает Валерий Янклович:

«...на юбилейных «Антимирах» — спектакль шел пятисотый раз — Вознесенский читал свои стихи. Мы тогда еще мало были знакомы с Володей, я сидел в зале... И вдруг раздаются крики: «Пусть Высоцкий выступит! Высоцкого!»

Вознесенский насторожился, замолчал... Володя вышел на сцену: «По-моему, происходит какое-то недоразумение. В афишах сказано, что это пятисотый спектакль «Антимиры» ВОЗНЕСЕНСКОГО, а не концерт ВЫСОЦКОГО».

Гром аплодисментов, Вознесенский продолжает читать».

Вероятно, сложные чувства испытывал Андрей Андреевич после этого случая. Бурнокипящие залы — и вдруг такое.

Был еще один случай. 1977 год. Вечер советской поэзии в Париже, посвященный 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Ведущих и выдающихся наших поэтов встречают спокойно. После же выступления Высоцкого, а он заканчивал вечер, — шквал аплодисментов... «Это его выступление нельзя было назвать точкой в конце долгого и явно удавшегося вечера, потому что это была никакая не точка, а яростный и мощный восклицательный знак!..» (Р.Рождественский. Предисловие к книге «Нерв». М., 1981).

«Вообще, поэты ему завидовали. Вовкиной популярности на них всех бы хватило и ему бы осталось. Он говорил: «Они считают меня чистильщиком». «Чистиль-

щик” — Вовкино слово... А ведь могли бы сказать, поддерживать при жизни. Один только Межиров...» (В.Туманов).

И не только Межиров — в том серьезном разговоре о поэзии Высоцкого принимали участие еще Самойлов и Слуцкий. И было это в 1974 году.

«Высоцкого интересовал не только конечный результат его песен и собственный успех. Ему важно было соизмериться с современной поэзией, узнать о собственном поэтическом качестве. Именно поэтому собрались однажды у Слуцкого он, Межиров и я.

Владимир не пел, а читал свои стихи. Он заметно волновался. Мы трое высказывали мнение о прочитанном и решали, годится ли это в печать. Было отобрано больше десятка стихотворений. Борис Слуцкий отнес их в “День поэзии”. Если память мне не изменяет, напечатан был всего один текст. Это, кажется, первая и последняя прижизненная публикация Высоцкого» (Д.Самойлов).

«Он вернулся с этого свидания буквально оглушенным, захлеб пересказывая детали. Как они, живые классики поэзии, его выслушали, затем обсуждали — на предмет возможных публикаций... Более всего автор был изумлен их, поэтов, изумлением в свой адрес. Они подарили ему анализ его необычайного, оказывается, таланта» (В.Смехов).

А вот что вспоминал позже А.Вознесенский: «Высоцкий страстно, по-мальчишески мечтал напечататься. Он наивно мечтал стать членом Союза писателей. Хотел свои певчие строфы, как птиц, запереть в металлическую сетку печатного шрифта. Удалось (выделено мною. — В.П.) однажды напечатать его в “Дне поэзии”».

Красиво, но надо бы уточнить — удалось это Слуцкому, Межирову и Самойлову.

Марина Влади пишет в книге «Владимир, или Прерванный полет»: «Официальные поэты — Вознесенский и Евтушенко — с удовольствием общаются с тобой, но снисходительно улыбаются, когда ты приносишь им свои стихи. “Не стоит рифмовать «кричу — торчу”». Много раз они забирали с собой твои стихи, обещали их напечатать, но так ничего и не сделали».

Естественно, Вознесенский не мог не ответить на такое обвинение. В одном из интервью он сказал: «На днях

ко мне подошел поэт, когда-то завотделом издательства “Советский писатель”: “Сейчас все оказываются друзьями Высоцкого, везде его печатают. Но когда он еще был жив, ты был единственным, кто приносил рукопись его книги стихов, пытался пробить. Жаль, что тогда не удалось”». А в книге «На виртуальном ветру» (М., 1998) Вознесенский написал: «По его (Высоцкого. — В.П.) просьбе я отнес его рукопись в издательство. Завотделом поэзии Егор Исачев проявил широту — подписал книгу. Но директор Н.Лесючевский встал стеной: “И сам Вознесенский неподходящ, и этого хрипуна принес...”»

Возможно, слова Вознесенского о рукописи книги относятся к самодеятельному изданию стихов и песен В.В., которое подготовили О.Терентьев и В.Акимов к сорокалетию Высоцкого. «По-моему, дорожке подарка Володя никогда в жизни не получал» (В.Янклович).

Вообще говоря, книга Высоцкого вряд ли могла выйти в издательстве «Советский писатель» еще и вот по какой причине: Высоцкий никогда не шел ни на какие сокращения и переделки. А при бдительной редактуре — и цензуре! — советского времени правка была неизбежной. Эдуард Володарский рассказывал о том, как уговаривали Высоцкого выбросить два куплета из «Баллады о детстве» — и тогда песня прозвучала бы в фильме «Вторая попытка Виктора Крохина». Нет — и всё! То есть всё или ничего.

О судьбе второй баллады, «На смерть Шукшина», рассказывал сам Высоцкий: «Я написал большие стихи по поводу Василия, которые должны были быть напечатаны в “Авроре”. Но опять они предложили мне оставить меньше, чем я написал. И я отказался печатать не полностью».

...По словам Евгения Евтушенко, Высоцкий был поющим нервом нашей эпохи, необыкновенно точно чувствующим вибрацию времени.

Мог ли Евтушенко каким-то образом помочь с публикацией? Когда-то, в середине шестидесятых годов, он пытался это сделать. Вспоминает Георгий Епифанцев, соратник В.Высоцкого по Школе-студии МХАТ: «В 64-м или 65-м году, когда у Володи было уже довольно много песен, мы с ним были у Евтушенко. Да, точную дату можно определить так — только что была написана песня “На гра-

нице с Турцией или с Пакистаном” (“Песня о нейтральной полосе”, 1965. — В.П.). Евтушенко пригласил каких-то комсомольских работников, и Володя пел. Женя тогда пытался, так сказать, протолкнуть его песни».

«Володя считал Евтушенко крупным поэтом. Я одно время был против Евтушенко, а Володя его защищал, потому что Женя боролся за других людей» (В.Туманов).

Евгений Евтушенко: «Над моим столом висит последний подарок Володи — его фотография на станции Зима (вместе с В.Тумановым. — В.П.). Это самый дорогой подарок, который он мне мог сделать».

Через год после смерти В.В. на вечере, посвященном выходу сборника стихов «Нерв», Евтушенко говорил: «Он сам себя напечатал миллионными тиражами на магнитофонных пленках и пластинках. Это такой редкий случай, когда поэт сам стал издательством, прежде чем вышла его книга».

В июле 1980 года Евгений Евтушенко был далеко от Москвы: «Услышал о похоронах Высоцкого запоздало, когда мы с друзьями на моторной лодке плыли в Монголии по Селенге». Он послал родителям Высоцкого телеграмму довольно странного содержания:

«Приношу свои искренние соболезнования по случаю безвременной кончины великого *песенника* (выделено мною. — В.П.), своего друга, уважаемого и почитаемого нами.

Прошу сообщить, я внесу, сколько могу, на установку памятника, если он не будет установлен в обычном порядке государством.

Если у вас остались мои письма к нему и они не будут нужны, прошу отослать мне их обратно на память»...

Приведем отрывок из книги Вл.Новикова «Высоцкий» (М., 2003): «А дружба с поэтами? Внешне все нормально, но как дойдет до главных дел, начинается: ну зачем тебе этот Союз писателей говенный, зачем тебе, такому независимому, подчиняться какой-то сволочи? Мало тебе твоей фантастической известности, всенародной славы?.. Вроде и помогают друзья-поэты, куда-то носят его стихи, с кем-то из начальства беседуют. Но не идут на рискованное обострение, потому что считают литературные заботы блажью. Не чувствуют, что у него в душе творится».

За границей подборки стихов и песен Владимира Высоцкого были опубликованы дважды: без его ведома в издательстве «УМСА-Press» в книге «Песни русских бардов» — там было около ста текстов В.В. с большим количеством ошибок, — и, разумеется, в «Метрополе» — издательство «Ардис». Для этой публикации В.В. сам отобрал тексты (по другой версии — это сделал В.Аксенов) и отредактировал их. Вероятно, у Высоцкого были и иные возможности печататься на Западе, но, по мнению В.Янкловича, он «не хотел, чтобы его поэзия пошла “оттуда”».

У поэта Владимира Высоцкого был один-единственный поэтический вечер. Это произошло 22 июня 1980 года во время его гастролей в Калининграде. К самому последнему концерту у Высоцкого пропал голос, петь он не смог и весь вечер читал отрывки из поэтических спектаклей Театра на Таганке, много своих стихов и отвечал на вопросы. К сожалению, запись этого вечера пока не найдена, хотя один из организаторов гастролей Владимир Канторов утверждал, что позже слышал эту пленку.

Мог состояться еще один поэтический вечер. Вспоминает А.Тюрин:

«После концерта (в МГУ. — В.П.) Высоцкий сам предложил организовать вечер стихов, желательно для небольшой аудитории:

— Денег мне не надо, мне важно ваше мнение и контакт с вами, который мне более необходим, чем вам.

Но блюстители идеологии концерт запрещают. Для нас это была трагедия. Нам, организаторам (концерта. — В.П.), было стыдно смотреть друг другу в глаза. Вот только теперь мы понимаем, что это трагедия не только для нас...»

Сейчас сборники стихов и песен выходят многотысячными тиражами, напечатаны два полных собрания сочинений Владимира Высоцкого. Наталья Крымова пронизательно заметила, что поэты, которые не ценили его при жизни, потом будут делать поправки. Что с очевидностью и произошло...

«Я от многих наших крупных поэтов слышал... и даже видел, что они были немного растеряны. Они говорили: “Вы знаете, мы не ожидали, что он такой необыкновенный поэт”» (Ю.Любимов).

«Настоящего поэта всегда сопровождают не только почитатели, но и отрицатели, не только ценители, но и хулители, и даже гонители. У поэзии Владимира Высоцкого и того и другого вдоволь. И это, наверное, один из главных признаков ее истинности и высоты. Печально, что иногда в качестве хулителей выступают именующие себя поэтами» (Б.Окуджава).

«Ну да, редакторы ли какие-то, чиновники ли какие-то, но ведь они как бы получаются просто необходимыми крапинками в общей трагической жизни поэта, без этого никак не обойдешься. Видимо, они для этого надобны» (Б.Ахмадулина).

И в заключение — цитата из Высоцкого: «Возьмите маленький листочек, вырванный из тетради, и напишите четыре фамилии: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава — да даже одну из них! — повесьте где-нибудь в стороне. И через два дня будет заполнен стадион...» Но в действительности в то время (февраль 1980 года) все эти слова были справедливы только по отношению к одному поэту — Владимиру Высоцкому.

Альманах «Метрополь» вышел в США в издательстве «Ардис» в 1978 году.

К участию в «Метрополе» Высоцкого привлек Василий Аксенов.

Вспоминает Марк Розовский:

«Помнится, Василий Палыч говорил со мной о “Метрополе”, особенно упирая на участие Высоцкого:

— Мы их умоем Володей!

Имелось в виду, что все его стихи известны благодаря магнитофонам, а ведь не печатают, суки!»

Один из составителей «Метрополя», Виктор Ерофеев, помнит, что Высоцкий — когда он приходил в знаменитую квартиру тогда уже покойной Лидии Гинзбург, где собиралась редакция альманаха, — звонил в дверь и говорил:

— Это здесь делают фальшивые деньги?!

Что касается выбора стихов, то об этом рассказывает В.Янклович:

«Когда Аксенов попросил разрешения на публикацию стихов в “Метрополе”, Володя сказал: “Пожалуйста!” Но новых стихов не дал. Дал старые и сказал:

— Отбери сам, что захочешь.

И подборку для “Метрополя” они сделали на свой вкус».

Виктор Ерофеев вспоминает, что Высоцкий несколько раз приходил на встречи участников «Метрополя»... Более того, он пишет, что существовала песня, посвященная «Метрополю»...

Сразу после смерти Владимира Высоцкого Василий Аксенов — уже эмигрант — пишет в газете «Новый американец»: «Помню, совсем еще недавно он пришел в редакцию “Метрополя”. Мы были в унынии после очередного погрома, подташнивало от мерзостей секретаришек, наших же бывших товарищей... Володя спел тогда две вещи: старую про Джона Ланкастера, и совсем новую... “Мы больше не волки”. Все переменялось волшебным образом: волна братства и вдохновения подхватила нас».

Скорее всего об этой же встрече вспоминал позже Марк Розовский:

«Аксенов информировал нас, участников, о том, как Союз писателей совместно с КГБ доблестно громит наше общее литературное детище. Решаем, что и как делать, как вести себя дальше. Высоцкий держится тихо и скромно, он не был членом Союза писателей, исключение лично ему не грозило, а поверить, что его будут “журить” в родной Таганке, было невозможно.

Помнится, он посидел, послушал, а после исторического фотографирования на память ушел от нас первым в морозную ночь».

Кстати, никто из близкого окружения В.В. того времени не знал о выходе «Метрополя» в США. Только Янкловичу В.В. сказал:

— Завтра что-то будет...

На следующий день появилась разгромная статья в «Литературной газете»...

Вопреки ожиданиям и мрачным предчувствиям, официальных репрессий не последовало. В.Тростников: «“Метрополь” наделал много шума, участники были люди заметные, за границей за них вступились, — поэтому власти решили спустить все дело на тормозах...»

Но для большинства участников «Метрополя» возможности публикаций были ограничены, а для кого-то стали просто невозможны. Высоцкий официально не пострадал никак, но через некоторое время был запрещен его «афишный» концерт в Политехническом музее — это было сильным ударом для Высоцкого... Вполне возможно, запрещение стало следствием его участия в «Метрополе».

За несколько дней до смерти, 18 июля 1980 года, Высоцкий разговаривает с Игорем Шевцовым:

«Не помню, как разговор выскочил на “Метрополь”...»

— Володя, твои подборки в “Метрополе” производят впечатление странное... Не плохое, нет, — но странное. По выбору стихов.

— Да нет, — он не обижается, — там была причина. Мне важно было заявить, что...

И вот здесь он высказал удачную формулу, которую я, к сожалению, не запомнил. А смысл был таков: показать, что я есть и есть такой жанр».

Знакомство с Высоцким — где и когда оно состоялось?

С Высоцким я познакомился на Матвеевской, где Володя снимал квартиру. В этом же доме жил Эдуард Володарский, который нас и познакомил. Сразу хочу сказать про историю с дачей... Хотел бы я посмотреть на человека, который бы отдал часть своего участка не родственнику, а просто товарищу: «Стройся, Володя!» И никаких проблем. Они были друзьями, и никто никогда не может этого отрицать... Тем более нечего вмешиваться третьим. Я считаю, что тут Эдик был абсолютно прав.

А с Володей потом мы встречались часто, но это были встречи по жизни... В 75-м же мы с ним стали соседями по дому и по подъезду: Володя жил на восьмом этаже, я — на десятом...

И ваше самое сильное впечатление?

С Володей всегда было интересно. Но больше всего меня всегда поражала его доброта. Он был отечески добр ко всем, кто его окружал. И, может быть, в большей степени к тем, кто знал его меньше, кто не был его близким другом.

А на Малой Грузинской вы часто общались?

Конечно, мы общались довольно часто. Я по профессии фотохудожник, но, честно говоря, тогда я не торопился его снимать. А вот последние два года я Высоцкого снимал: снимал и у него дома, и у себя на квартире. Иногда Володя сам просил:

— Приходи, что-нибудь сотворим...

Когда я принес фотографии, про одну из них Володя сказал:

— Вот на этой я такой, какой я есть.

А летом 80-го года мы сделали ему из двух фотографий серию открыток, которые он дарил зрителям.

Пять лет вы были соседом Высоцкого. Что вы можете сказать о его о круге общения?

Вообще Володя мог общаться с кем угодно... К нему вдруг приходил какой-то министр или появлялась женщина из Сибири, которая только что освободилась. При мне был такой случай: захожу в подъезд, а за мной целый пионерский отряд — с горном и барабаном! «Вы куда?» — «К «Высоцкому!»

А одна женщина много дней приходила и сидела в подъезде ровно с восьми утра. Она ждала, когда выйдет Володя. Конечно, это его раздражало. Высоцкого люди знали и любили, но понимаете... Например, он свой «мерседес» ставил прямо у подъезда. И у него не раз срывали то зеркало, то эмблему. Однажды Володя даже написал объявление: «Владимир Высоцкий просит вернуть... И обязуется не только не преследовать, но и вознаградить». Конечно, ничего не вернули...

Володин дом никогда не был открытым домом. «Входи-выходи кто хочет» — этого никогда не было. И Володя никогда не был тем простым парнем, каким многие хотят его сейчас представить. Он прекрасно понимал, кто есть кто. Да, собирались большие компании и у него и у меня, но, как правило, никаких посторонних людей не бывало.

Почему именно последние два месяца вы общались особенно близко?

Однажды Володя зашел ко мне домой — это было в конце мая, — а у меня на стене висят фотографии, на одной из них я снят вместе слевой Кочаряном. Володя остановился перед этой фотографией и долго-долго стоял и смотрел. Не знаю, что между ними когда-то произошло, но у Володи вдруг началась истерика, самая настоящая ис-

терика... И вот с этого дня Володя почти каждый день бывал у меня — два месяца мы практически не расставались. Иногда общались круглые сутки: он не спал, и я не спал, и никто не спал.

Я уже знал, что Володя может зайти в любое время суток, и на ночь дверь не запирает. Однажды приехал мой отец, а Володя в семь утра поднимается ко мне — полуодетый. Я слышу, что он идет, — рванулся его встретить. Но отец увидел Володю раньше и — молодец — нашелся. Тактично так говорит:

— Валера, что же ты нас не представишь...

Как Высоцкий чувствовал себя в эти последние месяцы?

Володя часто говорил мне: «Нисанов, мне плохо! Мне плохо, Нисанов!»

В голосе — безумное страдание, а глаза — абсолютно четкие, наблюдающие за тобой... Все кричит, все орет, все гибнет вокруг, а глаза серьезные, смотрящие на тебя. Я это видел не раз. Но случалось, что он не находил себе места, метался по квартире, стонал...

Вы часто бывали у него в квартире?

Довольно часто, но мы всегда сидели в большой гостиной. Я, например, никогда не бывал у него в кабинете — считал неудобным. Однажды я пришел — в квартире были Валера Янклович и Вадим Туманов. Володя только что спел им новую песню. И когда увидел меня, то сказал:

— Давай, Валерка, я и тебе спою...

И начал петь только что написанную песню. Кстати, он всегда делал это с большим удовольствием.

При мне Володя звонил в Германию. Набрал «07»:

— Здравствуй, это я...

Назвал номер, и меня поразило, что его соединили очень быстро. Как будто у него на телефонной станции был свой человек.

Помню разговор на балконе, когда Володя вдруг стал рассказывать про своих друзей:

— Артур Макаров. Вот ты его не знаешь, а он — мой старый друг...

В эти последние дни Володя несколько раз хотел его видеть, пытался найти по телефону. Вспоминал Леву Кочаряна, рассказывал про их дружбу...

А из его рассказов про поездку в США мне запомнился один:

— В Нью-Йорке я зашел в супермаркет, он — длинный, как два наших ГУМа... И все есть, обилие продуктов колоссальное: за год всего не переварить. И только два человека впереди, а больше никого нет. И когда они скрылись за поворотом, мне стало страшно...

18 июля 1980 года Высоцкий в последний раз сыграл «Гамлета», а что было потом?

На последнем «Гамлете» Володе было плохо — вызывали «скорую помощь». Я на спектакле не был, но ждал его дома — мы договорились. И из театра все приехали ко мне.

В эти последние дни Володя редко выходил из дома, но я хорошо помню, что он однажды ездил в ВТО. Привез актера Дружников и поднялся ко мне. На кухне посадил его напротив себя и говорит:

— Давай рассказывай про всех наших ушедших друзей. Рассказывай, как вы жили...

Дружников рассказывал по мере своих сил. А потом спросил:

— Володя, а правда, что у тебя два «мерседеса»? А правда, что у тебя квартира 150 метров?

— Да, правда...

Обыкновенная зависть... И это не понравилось Володе.

— Ну, я пошел. Валера, ты его проводишь?

И ушел к себе.

Шла Олимпиада, а Володю не пригласили ни на одно мероприятие. Как будто его и не было! Я знаю, что он переживал. Но помню, что Володю пригласили выступить для космонавтов — прямая связь с космосом. А он сказал мне:

— Валера, я не поеду.

Я спустился вниз — за ним уже приехали — и сказал, что Высоцкого нет дома.

Врач, который лечил Высоцкого, говорил мне, что в эти дни у него отсутствовало чувство самосохранения...

Да, если мы пытались его отвлечь, например новым общением, Володя тут же уходил. Если мы пытались пригнать его не так, как ему хотелось, — он тут же уходил туда, где было «так»... Удержать его было невозможно.

Вы помните самые последние дни?

Двадцать третье... Я помню, кто был в этот день в квартире Высоцкого: Вадим Туманов, Сева Абдулов, Володя Шехтман и Валера Янклович. Был ли Федотов? Кажется, нет... Времени прошло уже довольно много, да и общались мы каждый день, — трудно сказать, что конкретно было двадцать третьего, а что двадцать второго...

Двадцать четвертое... Вечером мы сидели у меня, примерно до половины первого ночи. Потом спустились вниз. Я оставил ребят, поднялся к себе. По-моему, все разошлись... Я так понял, что Янклович уехал домой. Примерно в два часа ночи мне позвонил Федотов:

— Принеси немного шампанского. Володе нужно.

Я принес шампанское и ушел спать.

Заснул. А проснулся от звонка в дверь. Это был Валерий Павлович Янклович.

— Валера, Володя умер!

Я быстро оделся и спустился вниз.

Володя лежал в большой комнате на кушетке. Уже совершенно холодный. В квартире был милиционер — начальник паспортного стола нашего отделения милиции. Потом приехала Нина Максимовна. И начали появляться люди... Примерно к 11 часам ребята из реанимации подготовили тело... В это время я и сделал снимок в спальне...

А в большой комнате в этот час уже сидел Юрий Петрович Любимов. Он звонил Гришину, потом Андропову... Можно ли хоронить Высоцкого из театра? Ведь Володя не был ни заслуженным, ни народным... Гришин ответил: «Хороните как хотите, хоть как национального героя»...

На следующий день мы поехали на Ваганьковское кладбище: Марина, Кобзон, Володя Шехтман, Митечка Виноградов и я. Директор долго водил нас по окраинам.

Потом Кобзон зашел с ним в кабинет, и мы получили это место.

На похоронах я снимал все подряд. Народу уже в четыре часа утра было очень много. У театра при мне генерал МВД сказал:

— Надо вызывать армию.

Они предполагали, что будет много народу, но чтобы столько... Смерть Володи действительно стала национальной трагедией, а похороны были по-настоящему народными.

Ноябрь 1988, Москва

После смерти Высоцкого узнать что-то о его жизни и творчестве можно было практически лишь из одного источника — «самиздата». По стране в тысячах машинописных копий распространялись стихи и песни В.В. и первые статьи о нем.

Я хорошо помню, как поразили меня два письма, в которых рассказывалось о похоронах Высоцкого. Я прочитал их в 1987 году в литчасти Театра на Таганке. Потом эти тексты я встречал и у известных коллекционеров, и у многочисленных любителей творчества В.В. Но никто из них не знал ни имени, ни фамилии авторов этих пронзительных свидетельств о похоронах Высоцкого. Неизвестны они и до сих пор.

Письма публикуются с небольшими сокращениями (и, вероятно, с неточностями — очень некачественная ксерокопия с машинописного экземпляра), но и с надеждой, что авторы писем откликнутся и, может быть, вспомнят что-нибудь о трагическом дне 28 июля 1980 года.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Получил от тебя два письма и не знаю, как быть — отвечать на них или писать о московских новостях. Главное, но по сути дела и единственное, событие — смерть Высоцкого, о которой сегодня, когда я пишу, вы в Киеве, может быть, еще не знаете (из московских газет пока сообщение было в «Вечерке», вся надежда на «Советскую культуру», выхо-

дящую завтра, и на «Литературку», которая выйдет послезавтра).

В смерть эту до сих пор не верится, потому что он и при жизни был больше голосом и легендой, чем человеком, которого можно встретить (хотя я видел его на улицах), потому что казался сильной личностью. Уж ему ли, думалось, — надорваться?

13 июля я видел его в «Гамлете», 24-го он должен был играть Свидригайлова в «Преступлении и наказании» — не смог. Утром его уже не было — инфаркт.

Песни его любили и не любили (я знал их мало, в чужом исполнении они меня часто раздражали, но только не в авторском), как актера его признавали и не признавали. Но что бы ни говорилось, теперь ясно, что Высоцкий — это эпоха. Слишком много выражено им такого, чего не выражал никто другой, и со смертью его наша страна много потеряла. Я мало видел его в кино, в основном мне нравились эти работы, но его песни мне очень дороги. Вот, например, «Корабли постоят и ложатся на курс»:

Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин...

Меня совершенно очаровал его голос в эфросовских радиоспектаклях «Мартин Иден», «Незнакомка», я с удовольствием слушал его «Алису». Видел я его в разных спектаклях, есенинском «Пугачеве» например, но три его роли для меня совершенно бесспорны, так что я не могу не сказать, что это — выдающийся актер. Лопахин в «Вишневом саду» (постановка А.Эфроса, Театр на Таганке), Свидригайлов и Гамлет. Все, что теперь, увы, безвозвратно утеряно — ни записей, ни кинокадров, есть, говорят, только два-три отрывка в записи. Но, может быть, не нужно сейчас говорить...

Вечером в пятницу, 26-го, я увидел у театра такую картину: в левом окне (окна у них там, в кассах, большие витрины) портрет Высоцкого с извещением о его смерти, перед портретом толпа, тихие разговоры, и весь подоконник завален цветами. Шел спектакль «Десять дней, которые потрясли мир», и, как всегда, перед началом на

всю улицу звучали революционные песни — только на этот раз они траурные. Спектакль «Гамлет» отменили, не заменяя ничем. Не только подоконник, но и весь тротуар перед ним был усеян букетами, а на подоконнике горели свечи. Крутили записи с песнями Высоцкого, читали стихи, посвященные ему. Со слов Любимова знаю, что люди дежурили у театра, некоторые укрывали цветы от солнца, чтобы не завяли. Сегодня вся Таганка была оцеплена за несколько кварталов, уже от Котельнической набережной, никакой транспорт туда не ходил. Очередь к гробу тянулась от театра примерно на километр, потом сворачивала на соседнюю улицу и возвращалась обратно к метро — вероятно, тянулась и дальше, я не дошел до ее конца. Замечу, что солнце палило немилосердно. Мы с товарищем проникли в театр достаточно честным, хотя и неблагодарным по отношению ко всей многотысячной очереди способом, с помощью знакомых из театра и служебных удостоверений. Кстати, кордоны милиции и дружинников нельзя не помянуть добром, хотя от них простекала кое-какая бестолковщина. Как всегда, они говорили: здесь нельзя, но не указывали, где можно пройти. Однако и без них, как ни смиренно вели себя люди, толпы были невероятные. Когда за несколько минут до выноса мы уже покидали театр, все возвышения, кроме киосков, склон противоположного холма, пожарная лестница на стене театра были заполнены народом, и тротуары за несколько кварталов запружены людьми. Что-то отдаленно похожее можно увидеть на стадионе. Мы прошли мимо гроба дважды: в начале одиннадцатого и после гражданской панихиды в половине третьего. Сплошной поток шел с 10 до 13 (по приблизительным подсчетам, около 3 тысяч человек; другие говорят — 30 тысяч, я, видно, ошибся). Другие тысячи так и не смогли войти: в час дня очередь отсекали, чтобы дать возможность начаться панихиде, назначенной на 12. Мы примерно до 12 сидели в гримерной у Славиной, хотя, впрочем, у них одна гримерная на 10 человек. С 12 до 13 часов вместе с актерами, режиссером и приглашенными — на втором этаже в буфете. Было очень тесно, окна не открывались, только форточки, а все курили сигарету за сигаретой. Перечислять ли, кто был здесь? Был практически весь «Современ-

ник» (Табаков, Гафт, Кваша, Неелова — вся мокрая от слез), был Театр Ленинского комсомола (я не видел самых известных актеров, кроме Караченцова, но это не значит, что их не было), был Эфрос с семьей, Дуров, Грачев, Остроумов, Яковлев, Козаков и другие. Был Даль (я впервые его видел после исчезновения с Малой Бронной), были известные вахтанговцы во главе с режиссером (не видел Борисовой). Ахмадулина, наш историк, специалист по Возрождению Баткин в одной компании с Ахмадулиной. Что правда, то правда — из академических театров, не считая Вахтанговского, не видно почти никого. Олег Стриженев выглядел очень одиноким, не было видно даже Ефремова. В зале на панихиде яблоку, как говорится, негде было упасть и было очень душно. Выступали: Любимов, Золотухин, кто-то от Союза кинематографистов (похоже на Чухрая, но я не знаю, он ли), очень хорошо говорил Ульянов (не представляю себе похороны без Ульянова, да они как два брата — много общего), кто-то из Министерства культуры, Никита Михалков и опять Любимов. Говорили о неповторимости личности Высоцкого, о том, как интенсивно он жил, как он народен. Надо было слышать и видеть, в каких словах и как это говорилось (осталось, правда, подозрение, что некоторые из выступавших при жизни Высоцкого не подзревали о его популярности). Любимов, как всегда, держался режиссером и исподтишка руководил всем, подавая сигнал для начала музыки и т.п. Хотя наблюдательный глаз мог заметить — давалось ему это все через силу и что гораздо больше его заботила в тот час с небольшим муха, летающая возле гроба (то есть не сама муха, а то, что она может сесть на покойного). Вообще вся труппа очень переживает, лица ни на ком нет, и у женщин и у мужчин, причем женщинам как-то больше удавалось держать себя в руках, может потому, что мужчины были долго заняты встречей гостей (вот уж неподходящее слово!) у милицейских кордонов — и устали. Вся труппа, родственники и выступающие стояли полукругом на сцене, остальные в партере, где были сняты передние десять рядов, и на балконе. Гроб в середине сцены, ногами к залу, изголовье приподнято, сцена от гроба почти до рампы завалена букетами цветов, над из-

головьем висел темно-коричневый вязаный ажурный занавес из «Гамлета», собранный наподобие паруса, подобранного к реке, напоминал он еще раскрытые крылья ворона. На дальней стене сцены — фотография Высоцкого, снятая, видимо, лет пять назад: он в чем-то светлом, руки скрещены на груди, смотрит чуть вопросительно и немного вниз, как будто на себя теперешнего, на гроб. Во что он был одет, так ничего не помню, помню розу в руках, зажившие царапины на правой руке, видимо недельной давности (словно кошка поцарапала), и очень желтое лицо, которое нельзя было узнать, наверное, потому, что закрыто было самое характерное в лице Высоцкого — глаза. Казалось, что вдруг изменилась форма носа, ставшего горбатым, орлиным. Меня спросили, положили ли его в привычном свитере или в костюме, — не знаю, ей-богу, не знаю. Кроме руки и лица, занавеса, цветов, а главное, этой совершенно поразительной в такой обстановке фотографии, я уже ничего не видел. Была музыка — «Стабат-матер» (кажется Перголези), «Страсти по Матфею» Баха, «Ныне отпускаем» почему-то (видимо, по какой-то особой причине), «Танец рыцарей» из «Ромео и Джульетты» Прокофьева. Но, может быть, самое неизгладимое впечатление — прозвучавший в фойе за несколько минут до начала панихиды голос Высоцкого: несколько строчек из «Гамлета», переходящие потом в музыку и звукозапись, использовавшиеся в финале спектакля. «Что значит человек, когда его заветное желание еда да сон, — животное, и всё!»

Насколько мне известно, хоронили Высоцкого на Ваганьковском кладбище вечером, когда давали «Мастера и Маргариту» — спектакль, в сводной афише не обозначенный (там стоял пропуск), — видимо, взамен вчерашнего несостоявшегося «Гамлета».

Со слов Славиной знаю, что Любимов говорил: «Что бы ни случилось, мы должны играть — это наш долг перед зрителями, перед собой, перед умершим». За неделю до этого в театре умер еще один актер, мне неизвестный, но, кажется, любимый товарищами — Колокольников. Со смертью Высоцкого театр оказался в очень трудных условиях, потому что сразу лишился доброй половины репертуара.

Вот тебе поневоле короткий, но достаточно полный отчет. На отдельном листке прилагаю последнее стихотворение Высоцкого.

P.S. «Советская культура» не дала некролог, а только коротенькое сообщение о смерти. Этим глупым поведением пресса лишний раз подорвала доверие народа к себе. Таких многолюдных похорон Москва лет пятнадцать не знала. Толпа, говорят, бежала за катафалком до самого Курского вокзала (два километра в гору). На Ваганьковском кладбище, где, кстати, похоронен другой демократический кумир, Есенин, где не были многие, оцепление стояло с 6 утра.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

25 июля в 4 часа утра. Похороны 28 июля. У главного входа в театр за стеклом портрет в черной рамке, а с улицы гитара, множество цветов, листы со стихами. Над портретом на служебном входе:

«Оборвалась на полуслове, на вздохе, на лету,
Оборвалась струна, со стоном легла в глухую пустоту.
Прощальной песней лебединой Россия провожает
сына...»

Сидели у гроба, установленного на сцене театра, мать, отец, Марина Влади и другие близкие люди. Все прощавшиеся сходили со сцены и сидели в зале, но темнота и тишина создавали впечатление, что он пуст. По проходу прошел Валера Золотухин и тихо попросил выйти в фойе тех, кто попрощался, потому что вновь приходившим не было уже места в зале.

В 10 часов тихо зазвучала музыка. Люди шли 3 часа 10 минут, хотя Любимов говорил, что простятся все, даже если это будет ночью. Он наивно надеялся, по-человечески, что Министерство культуры разрешит перенести спектакль, который должен состояться на этой сцене вечером в понедельник, но не тут-то было. Любимов открыл гражданскую панихиду, второй — Золотухин, третий — Ульянов, четвертый — Чухрай, пятый — некто из Министерства куль-

туры, шестой — Никита Михалков, закрыл панихиду Любимов. Коротко сказал Никита: «Я бы сказал, что умер народный артист СССР, ибо не было человека, который не знал бы Высоцкого. Его любили. Для каждого он был свой Володя. Некоторые не любили его. Но в нем было все ясно, четко, конкретно. Те, кто любили, знали, за что любят, а те, кто не любили, — знали, за что не любят. Ему многое не дали или не захотели дать». Закрывая панихиду, Любимов сказал, что все присутствующие в зале могут попрощаться. В основном это были актеры разных театров, близкие и родные. Когда все попрощались, Любимов сказал: «А сейчас попрошу покинуть зал. Товарищ в рубке, уйдите, пожалуйста!» Я встал, а Лида говорит: «Отойдите, чтоб вас не было видно». Стали прощаться самые близкие люди. Первой вышла Таня Иваненко, актриса их театра, которая любила Володю, и он ее. Их роман был до женитьбы на Марине, Володя возвращался к Тане, и у них был ребенок — девочка, как две капли воды похожая на Володю. Ей 8 лет. Таня родила вопреки желанию Володи. Любочка, как она прощалась с ним! Она его всего обцеловала, обласкала, причем не было ни капли актерства, это была любовь и боль любящей женщины. Потом подошел Любимов. Это было тоже потрясающее зрелище: он с ним разговаривал, он его много целовал, тряс за руки, как будто о чем-то спрашивал и что-то обещал. Потом подошла Марина, она была очень эффектна, не целовала Володю. Красиво положила свою руку на его руки, и всё... (Правда, она, может, отрыдала свое дома, ведь Володя лежал дома три дня и три ночи.) Родители попрощались во время панихиды. Потом Любимов с одной стороны, отец — с другой в первом ряду, а потом все остальные взяли гроб.

Началось неопишное, когда прекратили прощание.

Володя умер от обширного инфаркта, ему предлагали ехать в больницу, но он наотрез отказался, мотивируя тем, что 27-го он должен быть на последнем спектакле «Гамлета» и не имеет права его не сыграть. До того у него было предынфарктное состояние, когда театр был на гастролях в Польше, Марина увезла его в Париж и положила в больницу, но он сбежал из больницы. После этого он продолжал играть и выступать с концертами...

Похоронили Володю на Ваганьковском кладбище, недалеко от входа. На могилу на 9 и 40 дней было паломничество, несли стихи, цветы, свечи. Марина была со своими сыновьями. Была и на 9, и на 40 дней.

Из Театра на Таганке навсегда ушел необыкновенно одаренный человек — Владимир Высоцкий. Он был многогранным талантом. Природа щедро наградила его даром поэта, артиста, певца.

12 сентября 1979 года в молодежную редакцию позвонила Римма Васильевна Туманова — тогда она работала диктором:

— Валера, вы не хотите записать интервью с Высоцким?

— Римма Васильевна! Конечно!!!

— Он приедет, будет петь... Но чтобы состоялся разговор... В общем, Володя сказал, что собеседник должен быть не очень глупым.

— Ну, вы скажите, похвалите меня...

— Нет. Вот тебе телефон, звони сам.

Набираю номер.

— Да?!

— Здравствуйте, Владимир Семенович! Я тот человек, который обязан оказаться не дураком...

— Хм... неплохое начало. Я приеду за час до записи — все обговорим.

Весь следующий день молодежная редакция обсуждала вопросы. Ирина Гамазина сказала, что Высоцкий прежде всего поэт: «Спроси об этом...» Теперь я понимаю, что этот вопрос («Я вас считаю поэтом по преимуществу, а вы кем себя считаете?») оказался в интервью главным.

А большинство вопросов взято из анкеты самопризнаний, которая существовала в семье Достоевских.

14 сентября в 10 часов утра приезжает Владимир Семенович Высоцкий вместе с Риммой Васильевной и Вадимом Ивановичем Тумановыми. Римма Васильевна зна-

комит нас. И пока настраивают камеры, ставят свет, примерно полчаса мы разговариваем.

Высоцкий рассказал о концертах в Париже, о том, что тексты песен переводила Мишель Кан — «друг нашей семьи». Еще Владимир Семенович рассказал, как его записывали на мексиканском телевидении: «Светильников было еще больше, чем у вас, но было абсолютно не жарко...»

Через пятнадцать минут репетиций, вернее, прикидок — в студии ставили свет, микрофоны, кресла — стало так жарко, что Вадим Иванович поехал за другой рубашкой для Высоцкого.

Заходим в студию, начинаю волноваться. Первое вступление — неудачное. Режиссер Лариса Шапран говорит по «громкой связи»: «Валера, может быть, ты начнешь на французском?»

Высоцкий: «Давайте еще раз».

— У нас в студии человек, которого не надо представлять, — Владимир Высоцкий...

И пошли вопросы из анкеты...

Разумеется, заранее вопросы мы не показывали — Высоцкий реагировал, размышлял прямо в студии.

Запись окончена — автографы, фотографии на память. Высоцкий говорит:

— Ну, ребята, вам молоко за вредность надо давать — в такой жаре работаете.

Примерно через час еще раз набираю номер Тумановых, трубку поднимает Высоцкий:

— Владимир Семенович, продиктуйте ваш адрес, мы вышлем гонорар.

— Ничего этого не надо. Буду счастлив, если передача будет в эфире.

Передача была показана всего один раз (октябрь 1979 года) по второй программе Пятигорского телевидения. Летом 1980 года большая часть видеозаписи интервью В.С.Высоцкого была стерта. Часть фонограммы пятигорского интервью — ведущий В.Перевозчиков — использовалась и используется в спектакле Театра на Таганке «Владимир Высоцкий». Здесь приводится стенограмма интервью.

Сегодня у нас в студии человек, которого не надо представлять, — Владимир Высоцкий.

Добрый день! Или вечер — смотря в какое время будет передача...

Владимир Семенович, у нас существует такая традиция: всем гостям задавать вопросы нашей тоже традиционной анкеты. Первый из них: какова отличительная черта вашего характера?

И вы всем такие вопросы задаете?! Отличительная черта характера? То, что приходит первое на ум, — это желание работать... Думаю, что так... Желание как можно больше работать. И как можно чаще ощущать вдохновение. И чтобы что-то получалось... Может быть, это не черта характера, но, во всяком случае, это мое горячее желание.

Ваше представление о счастье?

Это я вам могу сказать. Счастье — это путешествие, необязательно из мира в мир... Это путешествие может быть в душу другого человека, путешествие в мир писателя или поэта... И не одному, а с человеком, которого ты любишь. Может быть, какие-то поездки, но вдвоем с человеком, которого ты любишь, мнением которого ты дорожишь.

Человеческий недостаток, к которому вы относитесь снисходительно?

Снисходительно? Физическая слабость.

Недостаток, который вы не прощаете...

Их много. Я не хочу перечислять, но... Жадность. Отсутствие позиции, которое ведет за собой очень много других пороков. Отсутствие твердой позиции у человека, когда он сам не знает — даже не только чего он хочет в этой жизни, а когда он не имеет своего мнения или не может рассудить о предмете, о людях, о смысле жизни — да о чем угодно! — сам, самостоятельно. Когда он либо повторяет то, что ему когда-то понравилось, чему его научили, либо неспособен к самостоятельному мышлению.

Что вы цените в мужчинах?

Сочетание доброты, силы и ума. Я когда надписываю фотографии пацанам, обязательно напишу: «Вырасти сильным; умным и добрым». Вот такое сочетание.

Что вы цените в женщинах?

Ну, скажем так, я бы надписал: «Будь умной, красивой и доброй». Красивой — необязательно внешне, как вы понимаете.

Если бы вы не были Высоцким, то кем бы вы хотели стать?

Высоцким! Нет, вы не поймите... Однажды очень знаменитый человек появился в одной компании в Москве, и все окружающие люди как бы договорились: давайте посчитаем — сколько за первую минуту он скажет слово «я». За первую минуту было семь (по секундомеру), за вторую — восемь... Я все боюсь впасть в эту самую крайность, и, значит, чтобы мы начали разговор обо мне, тогда я вынужден буду говорить «я, я, я, я...». Я это не очень люблю, поэтому давайте так, чтобы мы могли избежать этого. Хорошо?

Я постараюсь, насколько это у меня получится... Ваше любимое изречение, афоризм?

Вы знаете, у меня есть один друг, он очень известный кинорежиссер. Он даже не только кинорежиссер, он, может быть, и литератор, он сам пишет сценарии, статьи в газетах и вел передачу по телевидению, — Саша Митта. Он просто считает, что каждый человек обязан выписывать, запоминать афоризмы. Я никогда этим не занимался. Я только помню: «Veni, vidi, vici», то есть «Пришел, увидел, победил», — это приятно... Хорошее изречение.

Насколько искренне вы отвечали?

Абсолютно! Вы понимаете, нет смысла мне отвечать неискренне. Я сюда пришел вовсе не для того, чтобы кому-то нравиться. Я пришел сюда, чтобы правду ответить на интересующие вас вопросы. И думаю, что у многих людей, которые смотрят сейчас нашу передачу, было какое-то свое впечатление по записям, по фильмам. У нас вообще

принято отождествлять персонаж, которого играешь на экране или от имени которого поешь, а так как я не только сочиняю стихи — я актер, мне проще, чем другим поэта́м, говорить от первого лица, и поэтому меня отождествляют с людьми. Я всегда говорю «я» — это не от нескромности, а просто удобно и по форме, и потому, что я часто как актер бывал в шкуре других людей. Это не «ячество» — это для удобства формы. Всегда, когда приглашают люди на беседу, они хотят знать, что у тебя там, за рубахой, за кожей, что ты из себя представляешь. Я надеюсь, вы не хотите показать меня зрителям таким, как бы вам хотелось? Пускай у них останется впечатление от встречи со мной такое вот истинное, естественное, теперешнее, сиюминутное. Мне нет смысла ни лгать, ни подхалимничать сейчас, ни притворяться. Хотите — верьте, хотите — нет. Я не только по телевидению — во всех своих выступлениях, во всех беседах, даже дома стараюсь разговаривать искренне...

Вопрос, в общем, естественный, потому что многие люди стараются — или у них так получается, — но они не всегда бывают искренними...

Знаете, я вам сейчас скажу одну вещь... вы часто видите меня по телевидению?

Практически не видел.

И не могли видеть. Это первый раз я согласился, потому что здесь живут мои близкие друзья и очень близкий друг работает здесь на телевидении. И я сказал: «Давайте мы это сделаем». Я никогда этого не делал, я не люблю, потому что даже самые уважаемые мной актеры, писатели, поэты обязательно чуть-чуть не то чтобы подыгрывают, — это не то слово, — но всегда есть «котурны» во время этих передач. Я очень надеюсь, что из-за того, что у меня так часто бывает прямой контакт со зрительным залом, с моими друзьями дома, что все-таки я стараюсь избежать этого недостатка и пытаюсь сойти с этих «котурнов». Я не знаю, насколько мне это удастся, но только можете мне поверить... Все люди стараются казаться умнее, чем на самом деле, и даже многоуважаемые мной актеры, которых я жутко люблю, когда они играют на экране, или певцы,

или писатели вот в таких передачах не то что умнее, а чуть-чуть другие, чем они есть. А ведь самое интересное — узнать, какие они есть на самом деле.

Вы сказали в одном из ответов: «Я в отличие от других поэтов...» Вот я тоже вас считаю поэтом по преимуществу, а вы кем себя считаете?

Вы знаете, сложно очень ответить на этот вопрос. Я себя считаю тем, кто я есть. Я думаю, сочетание тех жанров и элементов искусства, которыми я занимаюсь и пытаюсь сделать из них синтез, — может, это даже какой-то новый вид искусства. Не было же магнитофонов в XIX веке, была только бумага, теперь появились магнитофоны и видеомангнитофоны. Вон у нас как случилось, что мы можем прийти в студию, записать и показать в другое время, подчистив, придав этому нужную форму. Так что появился новый вид искусства — телевидение, и, значит, может появиться новый вид искусства... Нет, я не говорю сейчас о технике. Вы спросили, кем я себя больше считаю — поэтом, композитором, актером? Вот я не могу вам впрямую ответить на этот вопрос. Может быть, все вместе это будет называться каким-то одним словом в будущем, и тогда я вам скажу: «Я себя считаю вот этим-то». Этого слова пока нет.

Лучше, когда этого слова еще нет...

Если упростить вопрос, то больше всего я работаю со стихом, безусловно... И по времени, и чаще ощущаю эту самую штуку, которая называется вдохновением, которая сядет тебе на плечо, пошепчет ночью, где-то к шести утра, когда изгрыз ногти и кажется, что ничего не выйдет, и вот оно пришло... Вот больше всего в работе над стихом.

А когда появилась гитара?

Вы знаете, гитара появилась совсем случайно и странно... Я давно, как все молодые люди, писал стихи. Писал много смешного. В училище театральном я писал громадные «капустники», которые шли по полтора-два часа. У меня, например, был один «капустник» на втором курсе — пародии на все виды искусства: оперетта, опера... Мы делали свои тексты и на темы дня, и на темы студий-

ные, и я всегда являлся автором. То есть писал комедийные вещи с какой-то серьезной подоплекой давно и занимался стихами очень давно, с детства. Гитара появилась так: вдруг я однажды услышал магнитофон, тогда они совсем плохие были, магнитофоны, — сейчас-то мы просто в отличном положении, сейчас появилась аппаратура и отечественная и оттуда — хорошего качества! А тогда я вдруг услышал приятный голос, удивительные по тем временам мелодии и стихи, которые я уже знал, — это был Булат. И вдруг я понял, что впечатление от стихов можно усилить музыкальным инструментом и мелодией. Я попробовал это сделать сразу, тут же брал гитару, когда у меня появлялась строка. И если это не ложилось на этот ритм, я тут же менял ритм и увидел, что даже работать это помогает, то есть даже сочинять — с гитарой. Поэтому многие люди называют это песнями. Я не называю это песнями. Я считаю, что это стихи, исполняемые под гитару, под рояль, под какую-нибудь ритмическую основу. (Я сейчас очень многословен, потому что не знаю, когда еще придется побыть здесь, у вас в гостях, и поэтому я хочу объяснить уже все до точки, докопаться до сути.) Вот из-за этого появилась гитара. Я попробовал сначала петь под рояль и под аккордеон, потому что, когда я был маленьким пацаном, меня заставляли родители из-под палки — спасибо им! — заниматься музыкой. Значит, я немножко обучен музыкальной грамоте, хотя, конечно, я все забыл, но это дало мне возможность хоть как-то, худо-бедно, овладеть этим бесхитростным инструментом — гитарой. Я играю очень примитивно, иногда, даже не иногда, а часто слышу упреки в свой адрес по поводу того, что почему такая примитивизация нарочитая? Это не нарочитая примитивизация, это — нарочная. Я специально делаю упрощенные ритмы и мелодии, чтобы это входило сразу моим зрителям не только в уши, но и в души, чтобы ничто не мешало: мелодия не мешала воспринимать текст, а самое главное — то, что я хотел сказать. Вот из-за чего появилась гитара. А когда? Уже лет четырнадцать. После окончания студии.

Судя по этому всему, вы, наверное, очень цените прямой контакт со зрителем?

Безусловно, больше всего, больше всего...

И совсем недавно, после того как Театр на Таганке с таким успехом выступил в Париже...

Откуда вы знаете, что с таким успехом он выступил?

В газетах было.

Мне кажется, что как раз именно это не очень широко освещалось в газетах. Я думаю, вам очевидцы рассказали? Успех действительно был колоссальный: за последнее время ни один драматический театр, не только наш, но и в мире, не может похвастаться таким успехом, как Таганка. Пожалуй, только Питер Брук со своим спектаклем, где они играли на трапециях, — это был, по-моему, «Сон в летнюю ночь», — они все играли на трапециях, то есть у них актеры работали как акробаты.

У нас сегодня предмет разговора — песни. Так вот: три концерта все-таки были в Париже?

Были три концерта, да. Значит, если очень коротко: мы сыграли за сорок дней несколько спектаклей, которые привезли. Я играл там «Гамлета», я играл там «Десять дней...». Мы привезли четыре спектакля, значит, я был занят в половине репертуара. Потом театр уехал в Москву, а я давно уже получил приглашение сделать несколько выступлений в Париже, и, чтоб несколько раз не выезжать (с одной стороны — время, а потом — накладно), мы решили сделать просто: я останусь, и мы сделаем эти выступления. Никто не предполагал, что это будет сделано так. Вообще, я вам скажу, история этой поездки странная. Сначала был вечер поэзии советской, и я попал в число всех приехавших поэтов. Это было 26 октября. В громадном зале на семь тысяч человек, при громадном скоплении народа, был этот вечер. Потом вечер кончился, приехал театр, и тут я стал выступать как актер, а потом уже, когда уехал театр, я стал выступать как автор и исполнитель своих песен.

В этом же зале?

Залы были разные. Все три зала были разные. Вот последний зал был очень смешной. Они мне отдали зал, в котором работают начинающие певцы. Он очень остроумно сделан: сцена выдается таким мысом — как бы ко-

рабль. Значит, если мало людей, они в этот сегмент, который образуется перед сценой, сажают всех зрителей, а что происходит здесь, ты не видишь, потому что они почти все сзади тебя. Если людей побольше, они могут немножечко отодвинуть сцену — тогда ты видишь, что тоже вроде полный зал. А если уж полный зал, тогда они совсем ее отодвигают и сажают зрителей. Это очень остроумно сделано, чтобы не травмировать начинающих певцов, у которых иногда в зале бывает два человека, которых он сам пригласил и которые об этом случайно вспомнили. У меня могла случиться тоже такая история, потому что расклеили афиши в пятницу вечером — желтенькие такие листочки — только в этом районе. Зал назывался Элизе Монмартр. И в первый день у меня вдруг оказалось 350 человек, на что никто не рассчитывал, и забегал директор-француз, ничего не понимающий, что я пою... Как могло получиться, что оказалось больше половины зала людей?! Этого не может быть! Не было рекламы, ничего... На второй день у меня было человек пятьсот, а в третий!.. Короче говоря, мы не пустили то же число людей, которое было в зале. Так прошли эти концерты. То есть я считаю, что они тоже прошли с большим успехом. Во всяком случае, французы говорят, что это невероятно.

А понимание французской публикой песен?

Вот тоже: я подумал сначала, что это все больше любители русского языка и русской словесности. Возможно, так оно и было. Но на последнем концерте, по опросу (это очень просто делается, там несколько ребят студентов-социологов, они взяли и опросили), оказалось, что из 960 человек, которые заполнили зал в этот день, 600 вообще не говорят и не понимают по-русски. Остальные любят русскую литературу и пришли послушать. Как это было сделано? Был маленький перевод на несколько секунд, буквально на двадцать секунд. Я пел в сопровождении своего гитариста, с которым я уже записал несколько дисков, и из симфонического оркестра — французского, национального — у меня был басист, и я с гитарой. Работал я без перерыва час двадцать, потому что я жутко не люблю делать перерывы. Я считаю, что для авторской песни перерывы не нужны, потому что только-только установишь кон-

такт с людьми, вот только это самое, чего не ухватишь ни носом, ни ухом, ни глазом, а каким-то подсознанием, шестым чувством, — вот этот контакт, который случился, — надо перерыв делать, все пойдут в буфет... Я это не люблю очень. Поэтому я такой прессинг устроил, в час двадцать я успел спеть около тридцати вещей. И я вам должен сказать, что прием мало чем отличался от того, что здесь. И знаете почему? Я думаю, конечно, нервов больше было — первый раз в чужой аудитории, да еще я узнал, что мало понимают. Но, например, на некоторые вещи была реакция намного сильнее, чем здесь, в Москве. Знаете, нет пророка в своем отечестве... Москвичи знают, что я всегда тут, под боком, что можно пойти в театр, услышать, увидеть, тем более что у нас есть новый спектакль, где я пою, называется «В поисках себя». А там они знали, что, может быть, никогда больше не придется послушать, и в благодарность они просто демонстрацию мне устроили за исполнение некоторых вещей. За то, что я перед ними трачусь, за то, что не позволяю себе, — они же не знают языка, вот эти 600 человек, а я с ними общаюсь, как будто бы они полностью все понимают, что я для них пою.

Какие песни французская публика понимала и принимала больше, чем остальные?

Во-первых, стилизации обязательно. «В сон мне желтые огни» — такая стилизация на цыганские темы. Почему? Потому что есть пластинки, выходят — они поняли, что это им известно. Это они, конечно, принимали безусловно. Но самое ценное не это. Если по названиям, я вам скажу: «Натянутый канат» — песня, по названию которой назван диск, принималась лучше всего. Песни с напором и отдачей — после которых надо вытирать влагу; и, как ни странно, некоторые вещи куплетной формы. Ну, предположим, такая шуточная песня «Ой, Вань, смотри, какие клоуны». То есть такие, где есть характеры, где я имел возможность актерски чего-то проиграть. Их это очень забавляло. Оказывается, у них этого не существует совсем, то есть у них есть кафе-театры, где один человек разными голосами разговаривает, прикидывается... То, что у нас называется пародист, у них называется шансонье, и оказывается, это слово «шансонье» совсем не означает то, что мы

под него подкладываем здесь, — барды, менестрели, шансонье. Ничего подобного. Шансонье — это нечто вроде нашего конферансье. Ну так вот, когда они видели, что я меняю голоса и разные характеры представляю, это их страшно забавляло. И я видел, как они сразу хватались за текст (к этому времени пластинка уже вышла) и начинали смотреть, в чем же там дело, и запоздало хохотали. Начинается следующий куплет, а в зале общий хохот, потому что они успели прочитать, в чем там дело. Короче говоря, я не могу что-то особенно выделить. Вы знаете, от зрителя тоже многое зависит. Зачем человек пришел? Если он пришел для того, чтобы потом прийти и рассказать знакомым: «Я такую ерунду смотрел», — он так и смотреть будет. Если он пришел совсем непосвященный, тут уж зависит от того, что происходит на сцене. А есть еще и обратный эффект — изумительный! Когда человек пришел для того, чтобы ему понравилось. Вот он пришел на этот вечер, он хочет, чтобы зрелище или человек, с которым он сейчас познакомится, ему понравились. И тебе остается сделать вот столько еще для того, чтобы это случилось. Вот я в Италии это ощущал очень; итальянцы так хотят, чтоб ты им нравился, что тебе ничего не остается делать для этого.

Расскажите о новом спектакле «В поисках себя».

Этот спектакль очень странный. Это даже не спектакль, это новое зрелище. Я считаю, что мы придумали новую форму театрального действия. Нам вдруг стало досадно в какой-то определенный момент, что все, что мы пишем для фильмов, для театров других или для спектаклей, которые сходят со сцены, — все пропадает. Получается, что эта работа в корзину. И мы решили из этих вещей, которые исчезнут навеки и которые якобы привязаны к определенному фильму, спектаклю или там передаче телевизионной, сделать просто спектакль. Такой концерт, спектакль, я не знаю, как хотите назовите, — такое зрелище. Попробовали... Сначала он был с объяснительным текстом, я его произносил. Потом Любимов придумал привозить с нами макет нашего театра, освещать его одним маленьким фонарем: на меня ставят красный свет, Золотухину — он играл в кино милиционеров, — на него врубают такую зеленую бумажку — ему, значит, везде открыта дорога... то есть мы

в этом маленьком зальчике делали еще освещение. Получилось действие. Мы сможем этот спектакль — почему он нам удобен — возить в любое место, в любой город. Потому что мы возим планшет, то есть рисованный такой ковер, точно размером с нашу сцену. В общем, свои стены помогают. И получилось вот такое, с теплотой, с нашей стороны, сделанное действие. Смотрят его с громадным интересом и удовольствием везде. Сначала были люди в недоумении, но сейчас в Москве, я думаю, это самое популярное зрелище. На него так же трудно попасть, как на «Мастера и Маргариту», на который приходит очень много людей, а после первого акта человек пятьдесят уйдут, потому что ни черта не понимают и идут потому, что достали билеты. В основном это работники торговли.

Я однажды пришел к одному работнику торговли — мне нужно было к празднику что-нибудь. Меня представили. Я так робко ему говорю: «Хотите пару билетов на премьеру сегодня, просто в благодарность вам за то, что вы мне быстро, без потерь времени поможете решить вопрос стола — сегодня у меня гости». Он на это мне так со скучным лицом (он, по-моему, язвенник) достал вот такую пачку пропусков: в Дом кино, в Дом литераторов, на все просмотры фильмов, на Таганку — на куда угодно... И я понял, что предлагать ему нечего. «Ну и от вас мне ничего не надо». И ушел. Это я к чему рассказал? Что этот самый спектакль очень популярен, и думаю, что даже вот эти самые работники торговли туда с трудом попадают сейчас...

Какой вопрос вы бы хотели задать самому себе?

Я вам скажу... Может быть, я ошибусь... Сколько мне еще осталось лет, месяцев, недель, дней и часов творчества? Вот такой я хотел бы задать себе вопрос. Вернее, знать на него ответ.

14 сентября 1979, Пятигорск

Бывают встречи, которые определяют всю дальнейшую судьбу человека. Для меня такой стала встреча с Владимиром Семеновичем Высоцким 14 сентября 1979 года на Пятигорской студии телевидения.

После июля 1980-го я, как многие другие любители и почитатели творчества Высоцкого, стал собирать его песни, стихи и первые — очень немногие — публикации о нем. Самой значительной и замечательной была статья Ю.Карякина «По чьей вине...».

Но с самого начала меня как журналиста больше интересовали рассказы, воспоминания, свидетельства людей, которые учились, работали, общались с Высоцким. Вначале все это записывалось в толстые тетради, потом появился диктофон... Уже тогда я знал: «Смерть поэта составляет окончательные точки и ударения в его стихах» (П.Валери), но не в его жизни; это дело современников — оставить воспоминания и свидетельства, которые станут основой для биографических работ.

Сразу после смерти мужа Марина Влади попросила всех друзей В.В. написать о Высоцком... В августе-сентябре 1980 года это сделали только три человека: А.Демидова, И.Шевцов, Ю.Карякин.

Толчком к тому, чтобы серьезно заняться биографией Высоцкого, для меня стало знакомство с близким другом В.В. — Вадимом Ивановичем Тумановым. Он ввел меня в так называемый ближний круг. То есть познакомил с людьми, которые были рядом с Высоцким в последние годы его жизни (В.Янклович, В.Абдулов, И.Шевцов, А.Фе-

дотов, А.Макаров, Г.Антимоний и др.). Также Вадим Иванович представил меня родителям и родственникам Владимира Семеновича.

В 1986 году возникла идея создания музея Высоцкого при Театре на Таганке. А в начале 1987-го я привез в театр полную запись пятигорского интервью, фотографии, сделанные тогда в студии, и уже накопленные материалы по биографии В.В. Привез — и остался работать в архиве Театра на Таганке, то есть на «территории Высоцкого». Естественно, что записи интервью и воспоминаний продолжались — их расшифровывали, печатали и хранили в литературной части театра, которой тогда руководил Петр Леонов.

В 1988 году на основе уже готовых материалов, новых интервью и расшифровок публичных выступлений друзей, актеров и режиссеров сложилась книга «Живая жизнь: Штрихи к биографии Владимира Высоцкого» (издательство «Московский рабочий»). А в 1992-м выходят сразу две книги с таким же названием, но, естественно, с новым содержанием (издательство «Вагант» — часть II, издательство «Петит» — часть III).

Идея следующей книги, «Правда смертного часа» (В.Высоцкий в 1980 году), принадлежит Наталье Анатольевне Крымовой. Для этой книги я заново поговорил со всеми людьми, которые работали, общались, встречались с В.В. в 1980-м. Одновременно шла работа и над книгой «Владимир Высоцкий: Посмертная судьба» — слишком много конфликтных ситуаций и драматических событий случилось после смерти В.В. В 2000 году обе эти книги вышли под одной обложкой.

И книги, перечисленные выше, и «Неизвестный Высоцкий» — это всё материалы к полной биографии Владимира Семеновича Высоцкого. Позиция автора — в словах М.М.Бахтина: «Биография дарственна: я получаю ее от других и для других».

Сентябрь 2004

В.Перевозчиков

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7	Давид Боровский	157
Семен Владимирович Высоцкий	9	Галина Власова	161
Письмо в КГБ	13	Александр Трофимов	163
Дом на Первой Мещанской	17	Анатолий Меньшиков	168
Вартан Тер-Миносян	21	Феликс Дашков	180
Михаил Яковлев	27	Юрий Дроздов	190
Дядя Леша	39	Вадим Туманов	193
О Георгии Бантоше	42	Алексей Штурмин	201
Леонид Эгинбург	48	Герман Баснер	208
Марина Добровольская	57	Попытка самоубийства	216
Карина Диодорова	66	«Ижевское дело»	222
Всеволод Абдулов	71	Виктор Шеманский	231
Мария Розанова	78	Генрих Падва	238
Александр Соколов	83	Алик Степанян	246
Юрий Gladков	87	Татьяна О-кая	250
Эдуард Борисов	95	Владимир Шехтман	256
Михаил Туманишвили	99	Поэты и поэзия	264
Инна Кочарян	108	«Метрополь»	271
Смерть Левы Кочаряна	113	Валерий Нисанов	274
О Левоне Кочаряне	118	Похороны Владимира Высоцкого	280
Дина Калиновская	121	Интервью на Пятигорском ТВ	288
Алексей Чердынин	124	В заключение	300
Борис Рыцарев	133		
Александр Евдокимов	136		
Юрий Королев	139		
Нэлли Белаковски	143		
Юрий Любимов	148		

ISBN 5-9697-0014-2

9 785969 700147

ВАГРИУС